

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС)»
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ КЛУБ
«ИССЫК-КУЛЬ – БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ»

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Монография

Бишкек 2023

УДК 316.3/4:334.784

ББК 66.4(0)

С.69

Под общей редакцией

Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.Л. Вартановой

Рецензенты:

С.В. Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Е.В. Плоских, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
В.М. Захаров, доктор социологических наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Коллектив авторов:

*Г.И. Осадчая, А.А. Кочербаева, М.Л. Вартанова,
О.А. Волкова, Е.Ю. Киреев, Е.Е. Киселева,
М.В. Рославцева, И.А. Селезнев, А.А. Черникова*

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
КРСУ им. Б.Н. Ельцина и Ученым советом Федерального
научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

С 69 СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей,
А.А. Кочербаевой, М.Л. Вартановой. – Бишкек.: Изд-во КРСУ, 2023. – 274 с.

ISBN 978-9967-19-974-3

DOI: 10.36979/978-9967-19-974-3-2023

Монография посвящена вопросам мемориального наследия, социальной и исторической памяти молодежи государств-участников Евразийского экономического союза. В работе представлена характеристика тенденций, проблем и противоречий интеграционных процессов, разработана теоретическая модель социологического анализа социальной памяти в условиях евразийской интеграции, обоснованы предложения по формированию исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне, совершенствованию института гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях межгосударственной интеграции, дана оценка экспертов по политике памяти государств-членов ЕАЭС, представлены концепции социальной памяти в работах зарубежных и отечественных социологов.

Издание предназначено для научного и экспертного сообщества, может быть использовано докторантами и аспирантами при подготовке диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальности «Социология» и «Политология», магистерских диссертаций и выпускных квалификационных работ студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами и перспективами Евразийского экономического союза.

УДК 316.3/4:334.784

ББК 66.4(0)

© ГОУВПО КРСУ, 2023

ISBN 978-9967-19-974-3

STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
KYRGYZ-RUSSIAN SLAVIC UNIVERSITY
named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin

INSTITUTE FOR DEMOGRAPHIC RESEARCH
OF THE FEDERAL CENTER OF THEORETICAL
AND APPLIED SOCIOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SCIENTIFIC COUNCIL «SOCIO-POLITICAL
AND DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE FORMATION
OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION (EAEU)»
OF THE DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INTERNATIONAL ANALYTICAL CLUB
«ISSYK-KUL – GREATER EURASIA»

**SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH
PARTICIPANT STATES
OF THE EURASIAN INTEGRATION**

Monograph

Bishkek 2023

UDC 316.3/4:334.784
BBC 66.4(0)
S 69

Under the general editorship of

G.I. Osadchaya, A.A. Kocherbaeva, M.L. Vartanova

Reviewers:

S.V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Demographic Research
of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences,

E.V. Ploskikh, Doctor of Economics, Professor
of the Department of Economic Theory of the Kyrgyz-Russian
Slavic University named after the B.N. Yeltsin,

V.M. Zakharov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics
and Management of the Belgorod State National Research University

Authors:

G.I. Osadchaya, A.A. Kocherbaeva, M.L. Vartanova,

O.A. Volkova, E.Yu. Kireev, E.E. Kiseleva,

M.V. Roslavtseva, I.A. Seleznev, A.A. Chernikova

Recommended for publication by the
Scientific and Technical Council of the Kyrgyz-Russian Slavic University
and the Academic Council of the Federal Research
Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

S 69 SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH PARTICIPANT STATES OF THE EURASIAN INTEGRATION: Monograph / Under the general editorship of G.I. Osadchaya, A.A. Kocherbaeva, M.L. Vartanova. – Bishkek: Publishing house of KRSU, 2023. – 274 p.

ISBN 978-9967-19-974-3

DOI: 10.36979/978-9967-19-974-3-2023

The monograph is devoted to the issues of memorial heritage, social and historical memory of the youth of the member states of the Eurasian Economic Union. The paper presents a characteristic of trends, problems and contradictions of integration processes, develops a theoretical model of the sociological analysis of social memory in the conditions of Eurasian integration, substantiates proposals for the formation of the historical memory of young people about the Great Patriotic War, the improvement of the institution of civil and patriotic education of youth in conditions of interstate integration, and an assessment experts on the policy of memory of the EAEU member states, the concepts of social memory in the works of foreign and domestic sociologists are presented.

The publication is intended for the scientific and expert community, can be used by doctoral students and graduate students in the preparation of dissertations for the degree of doctor and Candidate of Sciences in the specialty “Sociology” and “Political Science”, master’s theses and final qualification works of students, as well as for everyone who is interested in the problems and prospects for the Eurasian Economic Union.

ISBN 978-9967-19-974-3

UDC 316.3/4:334.784

BBC 66.4(0)

© SEIHVE KRSU, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Reviewers.....	4
Table of contents	6
Предисловие	7
Глава 1. Социальная память молодежи государств-участников Евразийского экономического союза: теоретическая модель социологического анализа.....	9
Глава 2. Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции.....	27
Глава 3. Мемориальное наследие и социальная память молодежи стран-участниц ЕАЭС	51
Глава 4. Социальная память как важнейший институт гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях межгосударственной интеграции	69
Глава 5. Социальная память в репрезентациях некоммерческих организаций	87
Глава 6. Россия – перспективы и препятствия евразийской интеграции в Центральной Азии	109
Глава 7. Формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне у молодёжи стран евразийской интеграции	141
Глава 8. Политика памяти государств-членов ЕАЭС: оценка экспертов.....	170
Глава 9. Концепции социальной памяти в работах зарубежных и отечественных социологов.....	186
Послесловие.....	216
Afterword	220
Литература	223
References.....	246
Сведения об авторах.....	269

TABLE OF CONTENTS

Reviewers.....	4
Table of contents.....	6
Foreword.....	7
Chapter 1. Social memory of youth in the Eurasian economic union member states: a theoretical model of sociological analysis.....	9
Chapter 2. Formation of social memory of the youth of the participant states of the Eurasian integration.....	27
Chapter 3. Memorial heritage and social memory of the youth of the EAEU member countries.....	51
Chapter 4. Social memory as the most important institution of civic and patriotic education of youth in the conditions of interstate integration.....	69
Chapter 5. Social memory in representations of non-profit organizations.....	87
Chapter 6. Russia – opportunities and obstacles to Eurasian integration in Central Asia.....	109
Chapter 7. Formation of historical memory about the Great Patriotic War among youth of the Eurasian integration countries.....	141
Chapter 8. Memory policy of the EAEU member states: expert assessment.....	170
Chapter 9. Concepts of social memory in the works of foreign and Russian sociologists.....	186
Afterword.....	216
Afterword.....	220
References.....	223
References.....	246
Author information.....	269

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях ни одна страна мира не может эффективно развиваться, не взаимодействуя с другими государствами. Практический опыт Евразийского экономического союза, ведущих интеграционных группировок свидетельствует, что возможные издержки интеграции для участвующих стран, сопутствующие любому интеграционному процессу, невелики и перекрываются экономическим преимуществом интеграции, имеющим долгосрочный эффект.

Развитие евразийского пространства сегодня осуществляется в условиях международной неопределенности, экономического кризиса, усиления конкуренции интеграционных инициатив, перспектив реализации идеи Большого евразийского партнерства, усиления санкционного режима, напряженности отношений с коллективным Западом. Во многом переломными в судьбе Евразийского Союза стали 2020–2022 годы. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическую ситуацию, политические риски на евразийском пространстве, акции протеста в Беларуси в связи с объявлением итогов президентских выборов, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, массовые акции гражданского неповиновения и протесты в городе Ереване, третья революция в Кыргызстане, акции протеста против предварительных результатов выборов в парламент, беспрецедентное давление со стороны западных партнеров, санкции против двух стран объединения, давление Запада на других участников Евразийского союза с требованием отказаться от интеграции, уход многих крупнейших производителей и частичное закрытие рынков партнеров для производителей ЕАЭС потребовали от руководящих органов ЕАЭС, политических элит государств-членов продолжить поиск новой повестки дня. На саммите Евразийского экономического союза в мае 2022 года президенты

стран ЕАЭС одобрили ориентиры макроэкономической политики на 2022–2023 годы: последовательно реализуется Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, начата разработка нового документа на 2025–2035 год.

В этой связи представляется крайне важным анализ процессов интеграции, адаптации союза к меняющейся экономической реальности, проблем и противоречий, сопутствующих его функционированию, раскрытие потенциала развития, форм сотрудничества, разработка мер по выстраиванию оптимальных отношений нового качества внутри Союза.

Имеющийся опыт функционирования ЕАЭС показал необходимость принятия странами-членами совместных мер по формированию евразийской идентичности, картины мира, способствующей расширению интеграционного взаимодействия. Важнейшим фактором позитивной направленности сценария интеграции государств, заинтересованных и готовых к сотрудничеству в Евразии, условием успешного позиционирования Евразийского союза стран в мировой политике, сохранения исторических смыслов, консолидации общества является формирование комплементарного контента социальной памяти молодежи о едином прошлом и совместном настоящем

В монографии на основе анализа достоверного, эмпирически подтвержденного знания о результатах деятельности акторов, оказывающих влияние на характер и содержание социальной памяти молодежи, дана оценка механизмов социализации прошлого, сохранения информации, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕАЭС, присутствующих в публичном дискурсе данного сообщества, их мнений и суждений о повседневной жизни, установлена зависимость между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии, влияния социальной памяти на позицию человека, предложены формы и способы её реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран, меры по повышению эффективности политики памяти.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Социальная память молодежи постсоветских государств, включившихся в процессы евразийской интеграции, – важнейший интеграционный ресурс Евразийского пространства. Она представляет собой ключевой механизм социализации, самоидентификации, передачи ментальных и социальных ценностей, является одним из инструментов управления обществами. Обострение борьбы за коллективное понимание образов и смыслов прошлого, активизация попыток создания новых, синтетических форм памяти, основанных на возможностях новых технологий, манипулировании, актуализируют потребность эмпирического изучения темы.

Сегодня в научном дискурсе нет логически завершенной теории, позволяющей получить достоверное, эмпирически подтвержденное знание о содержании данного феномена, сохранении и понимании общественного исторического опыта молодежью Содружества Независимых Государств.

Целью нашего исследования является разрешение данного противоречия. Разработка теоретической модели измерения данного социального феномена вносит вклад в теоретическую рефлексию социальной памяти молодых поколений, открывает возможность характеристики глубинной основы актуального осознания молодым поколением социальной реальности как отражения общепризнанного знания сообществ, в которые оно включено, личных переживаний, социальных практик, установления зависимости между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии.

Для разработки теоретической модели социологического анализа социальной памяти молодежи постсоветских государств использованы общенаучные методы и приемы исследования: анализ, синтез, индукция, абстрагирование, моделирование, разработки современных российских и зарубежных ученых.

Несмотря на активное обсуждение в последние годы проблем социальной памяти, в научном дискурсе так и не сложилась логически завершенная теория, поскольку интерпретация понятия памяти задается особенностями предметного поля разных наук (психологии, истории, философии, культурологии, социологии) и даже подходов и направлений в рамках одной науки. Концептуальные различия, стремление к междисциплинарному исследованию этого сложного феномена привели к серьезным противоречиям и даже к требованиям отказаться от опоры на классические концепции изучения памяти, что вряд ли следует признать разумным.

Разработанная теоретическая модель социологического анализа социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции включает в себя совокупность идей, смыслов, определений, позволяющих связать в единое целое проблемное поле нашего исследовательского интереса. Она предполагает методологическую рефлексию концепта социальной памяти, учитывающую реалии настоящего и обсуждаемые модели будущего, уточнение понятийного аппарата, предложение авторского методического подхода, позволяющих изучить поставленную проблему с учетом целей эмпирического исследования – оценки восприятия молодым поколением образа советского прошлого, событий двадцатого века, прежде всего, Великой Отечественной войны, механизмов социализации прошлого, сохранения социальной памяти, выявления зависимости между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии.

Логика построения теоретической модели социологического анализа содержания социальной памяти молодежи требует опоры на предшествующее знание. Поэтому проанализируем идеи, сформулированные учеными, изучающими данную тему,

---

порождающие полезную и адекватную систему понятий для нашего анализа. Вслед за М. Хальбваксом мы полагаем, что отдельные группы обладают присущей для каждой из них социальной памятью, и воспоминания могут фигурировать только в сознании индивидов, которое структурируется в соответствии с существующими социальными договоренностями. Воспоминания человека – не постоянны, текучи, их изменения связаны с характером и требованием настоящего, являются результатом социальной практики. Память формируется в результате коммуникативного взаимодействия и интеракции индивида и группы, в первую очередь, семьи, имеет реконструктивный характер пережитого с точки зрения настоящего. Ум реконструирует свои воспоминания под давлением общества¹.

Мы принимаем идею теории А. Ассман о двух видах социальной памяти: коммуникативной (устной передачей индивидуального опыта, характеризующейся высокой степенью неформальности передачи) и культурной (воплощаемой в символических средствах: текстах, картинах, фото, которые обеспечивают долгосрочность памяти или повторяемость памяти: участие, ритуал и усвоение и активно используемая социальными институтами)². При этом полагаем, что первая и вторая формы могут переходить друг в друга, но могут и противостоять друг другу, подчеркиваем увеличивающуюся роль в формировании коммуникативной памяти возможностей СМИ.

Особенность социальной памяти о событиях XX века молодых граждан постсоветских государств поколения Y состоит в том, что изучаемые явления произошли до их рождения. Обращаясь к концепции «постпамяти» М. Хирша³, мы соглашаемся, что они обладают особым видом памяти. Она формируется

---

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

² Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.

³ Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N. Y.: Columbia University Press, 2012.

под влиянием визуальной репрезентации произошедшего (фотографий, собственного воображения). При этом эмоционально окрашенная информация в большей мере влияет на социальную память, нежели передаваемая когнитивная информация. Согласны и с тем, что память в семье и других группах постоянно подвергается модификациям в процессе переосмысления, пересказа⁴. Однако не считаем, что семья обладает ограниченным набором инструментов влияния на конструирование социальной памяти молодого человека.

В связи с особенностями эмпирического объекта следует отметить возможность контрпрезентационного измерения истории. В данном случае социальная память молодых используется как инструмент дезинтеграции общественно-политической обстановки, призывов к активным действиям по смене режима. Я. Зерубавель вводит понятие «контрпамяти» как альтернативном представлении об истории внутри маргинальных групп⁵. Благодаря различным практикам коммеморации в публичное пространство транслируются иногда противоположные трактовки истории и отношения людей к настоящему.

Часто обращение к прошлому является реакцией на существующее положение вещей, которое не позволяет молодежи выстроить образ будущего, а потому заставляет искать ответы в прошлом. Так, З. Бауман во введении к своей последней работе «Ретротопия»⁶, с отсылкой к Светлане Бойм⁷, говорит об «эпохе ностальгии», которая является защитным механизмом в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений и выражается в стремлении к эмоциональной общности с коллективной памятью, что находит свое отражение в ряде политических

---

⁴ Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. N. Y.: Columbia University Press, 2012.

⁵ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.

⁶ Бауман З. *Ретротопия* / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

⁷ *Boym S. The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.

платформ и идеологий, которые сводятся к обещанию «вернуть всех домой». Опасность «эпохи ностальгии» видится автором в возможности усиления экстремистских и националистических движений. Неопределенность и страх перед будущим заставляют обращаться к прошлому, подобный разворот, по мнению З. Баумана, прослеживается на всех уровнях общественной жизни – мировоззрения и жизненных стратегий. Ретротопия характеризуется отказом от утопии, избирательным запоминанием и забыванием. «Эпидемии ностальгии» часто случаются после революций и потрясений. Например, по мнению С. Бойм, распространенные сегодня в России представления о последних десятилетиях СССР, как о «золотой эпохе», порождены падением коммунизма, то есть определенным травматическим опытом. Вслед за З. Бауманом мы в теоретической модели социологического анализа социальной памяти учитываем, что ретротопические настроения и практики сегодня часто культивируют представления о таком прошлом, которого на самом деле не было.

Для нас важен подход к социологическому анализу социальной памяти Дж. Олика, который выделил в качестве предмета исследования фигурации памяти – постоянно меняющиеся соотношения прошлого и будущего, в которых перемешиваются образы, исторические контексты, приверженности определенным ценностям и традициям⁸.

В рамках нашего подхода поддерживается теория темпоральной стабильности социальной памяти Х.-А. Хайнриха и постструктуралистская теория Л. Басу, которые были подробно проанализированы в трудах Л.В. Коротецкой⁹. Опираясь на результаты исследований немецкого общественного мнения, Х.-А. Хайнрих показал, что воспоминания людей, как правило, содер-

---

⁸ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1. С. 40–74.

⁹ Коротецкая Л.В. Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании: дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/04/korotetskaya-diss.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).

жат ключевые исторические события, причем, в качестве «глобальных категорий». Если общество приписывает конкретным историческим событиям первостепенное значение, то они вспоминаются членами общества на протяжении длительного времени, и их оценки быстро не меняются, поскольку выстраивание согласованного образа прошлого на уровне институтов протекает медленно. Оценки и толкования произошедшего могут быть забыты или заменены в зависимости от существующего контекста, обусловленного текущим положением дел. Как правило, данные оценки меняются вследствие революционных социальных изменений.

Для понимания сущности социальной памяти как разнородного феномена общественной жизни можно использовать постструктуралистскую теорию Л. Басу. Исследователь анализирует комплекс памяти, возникший вокруг исторической фигуры, в рамках категории «диспозитив памяти», преобразовывая категорию философской концепции М. Фуко. Л. Басу предлагает рассматривать «диспозитивы памяти» в соотнесении с крупными историческими фигурами и ключевыми событиями прошлого, которые постоянно воспроизводятся в культуре. Медиа, политика и темпоральные связи конструируют новые идентичности исторических фигур, наделяя их значением и возможностью трансформации. Л. Басу отмечает, что, память о герое имеет две стороны: первая – коммерциализация и фетишизация, вторая построение собственных идентичностей, в том числе партийных.

В нашей модели поддержан подход П. Нора к пониманию социальной памяти и определению роли мест памяти (памятников, городов, событий, праздников, фестивалей, книг) для её формирования, сохранению национальных культурных символов¹⁰.

В рамках исследования мы имели ввиду опыт эмпирического исследования социальной памяти польских социологов, изложенный в книге «Коллективная память о польском обществе

---

¹⁰ Нора П., Озуф М., Плюммеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

в период трансформации» Петра Тадеуша Квятковского, в которой представлены изменения в отношении поляков к прошлому после вступления в Европейский Союз. В работе анализируется «разговорная» коллективная память, «восприятие и опыт прошлого «средними людьми», не профессионально вовлеченными в историю», используются опросы общественного мнения, публикации в прессе и другие источники. Интерес представляет анализ семейной традиции, «коммодификации» прошлого, которая прогрессировала вместе с развитием рыночной экономики»¹¹.

При формировании авторского подхода к анализу «социальной памяти» учитывались работы российских ученых. Так, например, утверждение Ю.А. Левада, что любое общество неизбежно должно обладать какими-то «способами фиксации своих прошлых состояний», без чего невозможно представить продолжение его жизнедеятельности и развития¹². Одним из таких способов он называл социальную память. Ю.А. Левада разделял короткую и долговременную социальную память. Первой присуще воспроизводство сложившегося типа социальных отношений, второй – фиксация на отдаленном прошлом, которое уже не может быть воспроизведено в настоящем, а потому опосредовано рядом иных состояний, связанных с переоценкой и перестройкой самой сущности социальной памяти. Автор также специально выводил мифологический тип исторического сознания, который служит воспроизведению иллюзорного прошлого, «золотого века» и мифологических персонажей в целях создания новой, необъективной реальности. Задача мифа – санкционировать и навязать определенный тип социальных отношений, подчинить прошлое сегодняшним мифологическим оценкам в угоду сегодняшним иллюзиям.

---

¹¹ Kwiatkowski Piotr Tadeusz. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji. Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR. Warszawa 2008. URL: <http://www.publio.pl/pamiec-zbiorowa-spoleczenstwa-polskiego-w-okresie-transformacji-piotr-tadeusz-kwiatkowski,p48786.html> (дата обращения: 10.03.2020).

¹² Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя. М.: Изд. Новое литературное обозрение, 2016. 872 с.

Представление о памяти как о некоем сфокусированном сознании вслед за Ю.А. Левадой развивал Ж.Т. Тощенко¹³. По его мнению, историческое сознание отражает информацию о прошлом в неразрывной связи с настоящим и будущим. Историческая память является средством выражения прошлого опыта. Ж.Т. Тощенко обращал внимание на избирательность памяти, игнорирование одних событий и заострение внимания на других, ее нередко персонифицированный характер. Историческая память, по мнению Ж.Т. Тощенко, отражает косвенное восприятие исторических событий.

В теоретической модели учтено мнение М.Б. Ямпольского. Он рассматривает социальную память как общие воспоминания, которые не являются производным личного опыта, атрибут совокупности людей, объединенных общими воспоминаниями. Коллективная память выступает способом интеграции, создания сообщества. «Аффект» недостижимости прошлого, который содержится в коллективной памяти, может выражаться в критике присвоения прошлого, либо ностальгии. Социальная память или постпамять может выступать в качестве главного источника ужаса, боли, гнева, агрессивности¹⁴.

Для осмысления и интерпретации феномена «социальная память» для нас был полезен современный научный дискурс толкования более широкой категории «память» в контексте различных наук. Так, в работах Л.П. Репиной «Феномен памяти в современном гуманитарном знании»¹⁵, «События и образы прошлого в исторической и культурной памяти»¹⁶

---

¹³ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2020).

¹⁴ Ямпольский М.Б. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 198 с.

¹⁵ Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. С. 191–201.

¹⁶ Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // НОВОЕ ПРОШЛОЕ/THE NEW PAST. 2016. № 1. С. 82–99.

обосновываются понятия «историческая память» и «историческое сознание» как характеристика культуры человеческого общества, концепция надындивидуальной памяти, представляющая, по её мнению, непрерывный процесс формирования идентичности с помощью меморизации событий в общественном сознании и реконструкции «общего прошлого» и с учетом потребностей настоящего. Автор не отождествляет понятия «история» и «память» и не абсолютизирует их различия, полагая, что необходим комплексный анализ «образа прошлого». Вклад в решение этой задачи вносит предлагаемое нами исследование.

О.О. Дмитриева в статье «Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке»¹⁷ также анализирует взгляды отечественных и зарубежных ученых на интерпретацию категории «историческая память», выделяет типы и формы, раскрывает механизмы её формирования, особенности конструирования национальной идентичности. Автор представляет свое определение «рекоммерциации» как «целенаправленного процесса забвения определенных исторических фактов».

Р.Ю. Сабанчеев посвящает свою статью «Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции»¹⁸ анализу концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора, обосновывая преимущества предложенного способа исторической реконструкции Нора. По его мнению, она «позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации, а также переосмыслить проблемы коллективной памяти, роль личности в истории и значение исторических событий в ее существовании».

---

¹⁷ *Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.

¹⁸ *Сабанчеев Р.Ю.* Концепция «мест Памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С.33–38.

Н.Л. Мысливец и О.А. Романов свою статью «Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции»¹⁹ посвятили осмыслению генезиса, сущности и перспектив социологического изучения исторической памяти.

Ряд статей, опубликованных в последние годы, посвящены анализу соотношения исторической и социальной памяти. Так, в статье П.Ю. Черникова «Проблема изучения исторической и социальной памяти»²⁰ выявлены отличительные особенности исторической и социальной памяти в контексте индивидуального и общественного сознания, соотношения исторической памяти и традиции. Автор обосновал необходимость разработки проблемы определения места индивидуальной памяти в пространстве истории, забвения как социокультурного феномена.

В статье Ю.А. Папениной «Теоретические основы понятия «социальная память»»²¹ обосновано, что человек воспринимает информацию, ориентируясь на личные культурно-исторические установки и на принятую в социуме систему ценностей и социальную память поколений.

А.В. Верещагина, В.Н. Нечипуренко, С.И. Самыгин в статье «К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма»²² рассматривают социальную память «как социально созданное и общепринятое знание, относящегося к прошлому определенного сообщества». Здесь дан анализ содержания и функций социальной памяти, индивидуальной и коллективной

---

¹⁹ Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Vol. 18. No.1. С. 9–19.

²⁰ Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5 (89) С. 189–194.

²¹ Папенина Ю.А. Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 201. Вып. 1. С. 395–400.

²² Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1/2. С. 9–19.

памяти, культуры и культурной памяти, показана роль процесса инкультурации в сохранении социальной памяти, формировании идентичности общества и индивидов. Раскрыты особенности влияния социальной памяти «на социально конструируемые образы желаемого будущего, а также формирование патриотических установок».

Интерес для разработки теоретической модели нашего исследования представляет статья Е.Ю. Рождественской и В.В. Семеновой. «Социальная память как объект социологического изучения»²³, в которой раскрыты проблемы социологического изучения феномена социальной памяти на примере результатов эмпирического исследования коллективной памяти бывших афганцев.

Проблемы социальной памяти молодежи России привлекли внимание очень молодых исследователей – студентов, аспирантов и менее глубоко анализировались. Здесь можно отметить работы Л.И. Миклиной – «Социальная память как фактор формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи»²⁴, «Социальная память российской молодежи»²⁵, где рассматривается социальная память россиян в связи с текущим состоянием общественного сознания, раскрываются влияние социальной памяти на ценности российской молодежи, теоретические подходы к изучению ценностных ориентаций и памяти, результаты эмпирического исследования. Автор дает определение понятия «социальная память», выделяет базовые компоненты его структуры, особенности коллективной памяти молодого поколения.

---

²³ *Рождественская Е.Ю., Семенова В.В.* Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. Т. 1. № 6. С. 27–48.

²⁴ *Миклина Л.И.* Социальная память как фактор формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи. Гуманитарный вестник. 2013, Вып. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/socio/hidden/65/html> (дата обращения: 10.03.2020).

²⁵ *Миклина Л. И.* Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. Том. 23. № 1. С. 136–140.

Н.А. Поварницына статью «Роль социальной памяти в формировании культурной идентичности современной молодёжи»²⁶ посвятила анализу особенностей и причин кризиса идентичности молодёжи в современных условиях.

О.А. Веревкина, М.А. Колповская²⁷ в 2015 г. сделали попытку анализа особенностей исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны.

Т.П. Емельянова, Т.В. Белых, В.Н. Шабанова в статье «Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров»²⁸ обосновали значительную однородность социально-психологических характеристик представителей поколения «Бэби-бумеров» и показали групповые различия в оценках прошлого, настоящего и будущего.

Стоит также отметить, что за последнее время по вопросам социальной памяти были проведены отдельные тематические конференции. Так, например, VIII Социологические чтения памяти В.Б. Голофаства получили название «Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?». В рамках чтений участники пытались подойти к раскрытию феномена прошлого, культурной памяти и её оценки с позиций междисциплинарного подхода²⁹.

---

²⁶ *Поварницына Н.А.* Роль социальной памяти в формировании культурной идентичности современной молодёжи. URL: <http://naukarus.com/rol-sotsialnoy-pamyati-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti-sovremennoy-molodyozhi> (дата обращения: 10.03.2020).

²⁷ *Веревкина О.А., Колповская М.А.* Особенности исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 19.1. С. 87–90.

²⁸ *Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н.* Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 75–85.

²⁹ Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? // Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. / ред. и сост. О. Б. Божков. СПб: Эйдос, 2015. 368 с.

Категория социальной памяти стала предметом анализа отдельных научно-исследовательских работ, по итогам реализации которых, в частности, были выпущены сборники статей. В этой связи особый интерес представляет сборник, подготовленный Институтом научной информации по общественным наукам РАН и Центром по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, посвященный методологическим вопросам изучения социальной памяти. На страницах данного сборника затрагиваются вопросы, связанные с политизацией прошлого, развитием исследований памяти и становления *memory studies* как отдельного научного направления³⁰.

Для нашего исследования особый интерес представляет анализ исторической политики, проводимой на территории государств, ранее составляющих единое объединение. В частности, в статье И.О. Дементьева «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей восточной Пруссии в свете современных дискуссий» на основе историографического анализа рассматриваются сходства и различия подходов к исторической политике и политике памяти, предпринимается оценка продуктивности использования понятий «места памяти» и «конфликты памяти» в странах Балтийского региона³¹.

Целый ряд публикаций посвящен Великой Отечественной войне и ее осмыслению с позиций исследований прошлого. Л. Гудков, на основе анализа результатов социологических опросов, обращается к рассмотрению Великой Победы как опорному символу истории России³². Важным представляется и тезис

---

³⁰ Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер., Д.В. Ефременко. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.

³¹ *Дементьев И.О.* Разделенная история: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балт. рег. 2015. № 4. С. 105–120.

³² *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19.

о том, что сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне является не только прерогативой государства, но и других социальных институтов, например, Русской православной церкви³³.

Стоит отметить, что отдельные исследования социальной памяти проводятся в некоторых государствах-участниках евразийской интеграции. В Казахстане исследовательский интерес фокусируется на осмыслении советского прошлого и политике памяти в современном Казахстане³⁴ и участия Казахской ССР во Второй мировой войне³⁵, в том числе на коммеморативных практиках и социокультурной памяти в постсоветском Казахстане³⁶, а также роли казахских национальных войсковых формирований в годы Второй мировой войны³⁷.

В Беларуси в 2019 г. Национальной академией наук была проведена специализированная конференция, посвященная исторической памяти о Беларуси как факторе консолидации общества, институциональных механизмах ее формирования и сохранения в условиях цифрового общества³⁸. Исследования особенностей социальной памяти молодежи государств-участников

---

³³ Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180. С. 179–185.

³⁴ Галиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (3.1). С. 430–440.

³⁵ Жанбосинова А.С. Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (2). С. 122–130.

³⁶ Жаркынбаева Р.С. Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103–116.

³⁷ Асанова С.А. Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (194–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 280–295.

³⁸ Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / ред. кол.: Г.П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. 360 с.

евразийской интеграции, находящихся на территории Российской Федерации, не предпринимались.

Опираясь на проведенный нами критический анализ социально-гуманитарных исследований феномена социальной памяти, дадим краткую характеристику нашей теоретической модели социологического анализа, ориентированной на применение в эмпирическом исследовании, концептуально представляющей нашу теорию социальной памяти. В качестве рабочей дефиниции мы используем определение категории «социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции» как актуальной социальной информации о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по-разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции. Исходим из того, что память функционирует благодаря воспоминанию и забвению, выполняет важные функции передачи знания о прошлом, культурных компетенций, ценностей, привносит новую информацию в социальное взаимодействие, задает рамки «приемлемого» социального поведения в социуме, поддерживает социальную идентификацию, определяет трактовку событий прошлого, выступает фактором проектирования будущего и установок на евразийскую интеграцию. В исследовании в интересах анализа выделяем два вида социальной памяти: коммуникативную и культурную. Отмечая значительное влияние в современном обществе на процессы формирования памяти и само его содержание медиа, присутствие в обществах большого количества нарративов, связанных с разнородными общественными структурами и сообществами.

С нашей точки зрения, социальная память молодежи не оказывает сильного влияния на их повседневную жизнь, оставаясь потенциальной силой, которая спонтанно может проявиться

в общественной жизни или может быть использована какими-либо политическими силами для дезинтеграции общественно-политического дискурса. Она изучается как массовые обыденные представления, основанные на опросе, содержащем оценочные суждения социальной общности – молодежь о советском прошлом, носителями которой являются индивиды. В нашем случае социальная память ассоциируется не только с коллективной памятью, но и с социальной памятью индивида.

Оценка содержания социальной памяти молодежи постсоветских стран в нашем исследовании, представляется как эмоциональное отношение к СССР, характеристика фреймовых конструкций советского прошлого, а также результат сопоставления исторических событий, названных информантами в ходе повествования, с которыми они ассоциирует совместное прошлое и разделенную историю постсоветских стран, после распада СССР, особенностей их коннотации с перечнем знаковых социальных событий, оказавших, с нашей точки зрения, влияние на социально-экономическое, политическое и социально-культурное развитие единого Союза и каждой страны.

В качестве эмпирического объекта выбраны молодые граждане (поколение Y – миллениалы¹) постсоветских государств, ориентированных на экономическую интеграцию. При этом мы считаем, что поколения миллениалов в постсоветских государствах в силу большого количества дифференцирующих факторов не однородны. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и пережитым жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, оно по мере взросления меняется и оценивается с позиции настоящей социальной реальности и представлений о будущем, конструирует изменяющееся поле смыслов социальной реальности. Поэтому смысловые конструкты произошедших в прошлом событий могут совпадать/не совпадать как внутри молодых поколений в каждой изучаемой стране, так, тем более, разных стран.

Социальная память поколения Y анализируется нами как постпамять, поскольку к моменту распада СССР самым старшим из них было не более 6 лет и при построении картины событий, произошедших до их рождения или в период раннего детства, они опирались на рассказы близких им людей – родителей, учителей, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение.

В основе реализации модели социологического анализа социальной памяти лежит методическая стратегия: анкетный опрос и глубинные интервью молодых граждан поколения Y государств-членов ЕАЭС и кандидатов на вступление в ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Молдова, Таджикистан), проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве. Планируется опросить 1750 респондентов (по 250 человек из каждой группы) в городе Москве в возрасте 18–38 лет, отобранных методом снежного кома по двум основным признакам: возраст, гражданство и 350 информантов (50 информантов из каждой группы) с использованием неслучайной выборки, отобранных методом снежного кома по тем же признакам. А также экспертный опрос 50 представителей научного сообщества государств-членов ЕАЭС и руководителей евразийских ассоциаций и организаций с целью выявления проблем и противоречий в практиках по реконструкции общей социальной памяти.

Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции – важнейший ресурс интеграции на евразийском пространстве, что актуализирует социологическую оценку её состояния. Предлагаемая теоретическая модель исследования социальной памяти молодежи опирается на сложившиеся подходы к объяснению феномена социальной памяти, анализу ее структуры, форм и способов реконструкции социальной памяти. Она нацелена на понимание и объяснение памяти как гибкой фигурации смысловых символов, возникающей на пересечении прошлого и настоящего, контекстов и образов, на характеристику сложных механизмов социального

воспроизводства конструирования прошлого, с учетом его рефлексивной природы, позволяет на эмпирическом уровне дать характеристику представлений об общем советском прошлом, создает условия для оценки содержания социальной памяти молодежи постсоветских стран как эмоционального отношения к СССР, характеристики фреймовых конструкций советского прошлого, позволяет зафиксировать доминирующие представления молодежи о Советском союзе, Второй мировой войне и роли СССР в событиях тех лет, уточнить механизмы социализации прошлого, сохранения информации, установить зависимость между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии, степень влияния социальной памяти на позицию человека, предложить формы и способы её реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран.

Следует подчеркнуть, что социологическое измерение социальной памяти имеет свои ограничения. В рамках эмпирического исследования невозможно полноценное описание модели взаимодействия памяти на индивидуальном и общественном уровне, процессов возникновения памяти о конкретном прошедшем событии, ее закрепления в общественном сознании.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Формирование комплементарного контента социальной памяти молодежи о едином прошлом и совместном настоящем – важнейший фактор позитивной направленности сценария интеграции государств, заинтересованных и готовых к сотрудничеству в Евразии, условие успешного позиционирования Евразийского союза стран в мировой политике, сохранения исторических смыслов, консолидации общества. Однако сегодня нет достоверного, эмпирически подтвержденного, знания о результатах деятельности акторов, оказывающих влияние на характер и содержание социальной памяти молодежи, эффективности механизмов её формирования, поддержке поколением Y строительства нового социально-экономического евразийского пространства в интересах населения, конкурентоспособности каждого из государств. Актуальность и практическая значимость исследования также обусловливается усиливающейся борьбой нарративов за право трактовки событий, интерпретации, образов и смыслов эпохи СССР и актуальной реальности процессов евразийской интеграции, а также активизацией попыток создания новых, синтетических форм памяти, основанных на возможностях новых технологий манипулирования.

Следует отметить, в современном научном дискурсе активно обсуждаются в основном теоретические аспекты изучения социальной памяти и политики памяти³⁹.

Немногочисленные попытки эмпирического анализа социальной памяти и политики памяти предпринимались в анализе частных проблем или локальных территорий⁴⁰, что следует

---

³⁹ *Верецагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 1/2. С. 9–19; Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137; Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя // Новое литературное обозрение. 2016. 872 с; Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Vol. 18. No. 1. С. 9–19; Папенина Ю.А. Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010, вып. 1. С. 395–400; Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99; Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Том 153, кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. С. 191–201; Сабанчиев Р.Ю. Концепция «мест Памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38; Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2020); Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2016. № 5 (89) С. 189–194; Ямпольский М.Б. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018, 198 с.

⁴⁰ *Асанова С.А.* Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 280–295; Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180. С. 179–185; Галиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (3.1). С. 430–440.; Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19; Жанбосинова А.С. Культурная

объяснить сложностью измерения, оценки объема и содержания данных феноменов, способов и результатов передачи старшими поколениями младшим, социальными институтами ментальных и социальных ценностей, опасениями оказаться неполицорректным. Это и формирует потребность эмпирического изучения заявленной проблемы.

Целью данного исследования является уточнение и оценка механизмов социализации прошлого, сохранения информации, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕЭАС, присутствующих в публичном дискурсе данного сообщества, их мнений и суждений о повседневной жизни, установление зависимости между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии, влияния социальной памяти на позицию человека, предложение форм и способов её реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран, мер по повышению эффективности политики памяти.

Под формированием социальной памяти мы понимаем целенаправленную деятельность индивидов, социальных групп, организаций, социальных институтов, общностей людей, совершающих действия, направленные на молодежь стран, участвующих в евразийской интеграции по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего, разделяя, таким образом, конструктивистский подход «о множественности акторов коммеративного пространства и их политик памяти, ситуативном характере политики и множестве идентичностей».⁴¹

память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (2). С. 122–130; Жаркынбаева Р.С. Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103–116.

⁴¹ *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.

К основным направлениям формирования социальной памяти молодежи Евразии мы относим – презентацию коллективного прошлого и настоящего, в условиях, когда многие исторические или современные факты акторами по-разному трактуются, переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются в целях производства образа своих и чужих, обеспечения сплоченности, внутреннего единства за счет ослабления внутренних символических границ, формирования чувства принадлежности в ЕАЭС, внутренней солидарности. К наиболее значимым формам (инструментам, механизмам): семейный нарратив памяти, учреждение праздников и «изобретение новых традиций»,⁴² отмечание памятных дат, строительство или снос памятников, название или переименование улиц, использование образов исторической деятельности, символов и создание образа современного героя, разработку образовательных стандартов, единой концепции преподавания истории, подготовку документальных и художественных фильмов, книг, организацию выставок и музеев, создание публичного дискурса в медиа, формирование повестки публичных дискуссий, привнесение евразийской проблематики в пространство всех постсоветских государств.

В оценке эффективности формирования социальной памяти мы опираемся на идеи М. Хальбвакса⁴³, что социальная память и воспоминания могут фигурировать только в сознании индивидов, которое структурируется в соответствии с существующими социальными договоренностями; А. Ассмана⁴⁴ о двух видах социальной памяти: коммуникативной (устной передаче индивидуального опыта, характеризующейся высокой степенью неформальности передачи) и культурной (воплощаемой в символических средствах, которые обеспечивают долгосрочность

---

⁴² Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

⁴³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

⁴⁴ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992. P. 344.

памяти – тексты, картины, фото, или повторяемость памяти – участие, ритуал и усвоение, и активно используемую социальными институтами); М. Хирша⁴⁵ о «постпамяти», как особом виде памяти, которая формируется под влиянием визуальной репрезентации произошедшего (фотографии, собственное изображение); Я. Зерубавель⁴⁶ – «контрпамяти», как альтернативном представлении об истории внутри маргинальных групп; Х.-А. Хайнриха⁴⁷ о темпоральной стабильности социальной памяти, удерживающей длительное время те исторические события, которым общество приписывает первостепенное значение и П. Нора, связанной с пониманием социальной памяти и определением роли мест памяти (памятники, города, события, праздники, фестивали, книги) для её формирования, сохранения национальных культурных символов⁴⁸.

Мы считаем, что поколения миллениалов в постсоветских государствах в силу большого количества дифференцирующих факторов не однородны. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и пережитым жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, оно по мере взросления меняется и оценивается с позиции настоящей социальной реальности и представлений о будущем, конструирует изменяющееся поле смыслов социальной реальности. Поэтому смысловые конструкты произошедших в прошлом событий могут совпадать/не совпадать как внутри молодых поколений в каждой изучаемой стране, так, тем более, разных стран.

Опрошено в 2019 году 350 информантов (глубинные интервью по 50 информантов из каждой группы) в возрасте 18–38 лет,

---

⁴⁵ *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N. Y.: Columbia University Press, 2012. P. 320.

⁴⁶ *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.

⁴⁷ *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. P. 54.

⁴⁸ *Norra P.* La République // Les lieux de memoire. Vol. 1. Paris, 1984. Année 1985. 35-4 pp. 727–733.

с использованием неслучайной выборки, отобранных методом снежного кома по двум основным признакам: возраст, гражданство.

В 2020 году 2949 респондентов в городе Москве (структурированное интервью молодых граждан государств-членов ЕАЭС и кандидатов на вступление в ЕАЭС, проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве), в возрасте 18–38 лет, отобранных методом снежного кома по двум основным признакам: возраст, гражданство; (Армения – 412, Беларусь – 442, Казахстан – 405, Кыргызстан – 401, Россия – 478, Молдова – 409, Таджикистан – 402), проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве. В 2021 году 105 информантов (глубинное интервью по 15 информантов из каждой группы) в возрасте 18–38 лет, с использованием неслучайной выборки, отобранных методом снежного кома по двум основным признакам: возраст, гражданство.

Как показывают исследования, все постсоветские страны проводят свою политику памяти в соответствии с моделями, которые существенно различаются. Однако, по мнению В.А. Ачкасова, в одном они очень схожи. В «формировании национальной идентичности постсоциалистических стран вместо позитивной программы ....., поиска компромисса в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признания общей ответственности за них или их совместного «забывания», политические и интеллектуальные элиты большинства постсоциалистических стран, наоборот, делают все для их актуализации и политизации, формируя и концептуализируя мифологемы массового сознания, придавая видимость научной обоснованности примитивным ксенофобиям и идиосинкразиям»⁴⁹. В рамках нашего анализа мы можем продемонстрировать результаты политики памяти, показать оценку респондентами вклада каждого их акторов в этот процесс, дать характеристику социальной памяти молодежи поколения Y государств-членов ЕАЭС и кандидатов на вступление в Евразийский союз как совокуп-

---

⁴⁹ Ачкасов В.А. Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.

ности взглядов, чувств, настроений, отражающих восприятие единого советского прошлого и интеграционного настоящего.

На формирование социальной памяти оказывают влияние коммуникационная и информационная среда, в которой человек или социальная группа находится. Механизмами актуализации и стимулирования социальной памяти выступают референтные группы, праздники, места памяти, образование, СМИ, литература, фильмы. По оценкам информантов и респондентов главный вклад в конструирование их памяти о прошлом вносит семья (бабушки и дедушки, родители), что не подтверждает выводы ряда специалистов об ограниченном наборе инструментов влияния семьи на социальную память молодого человека.⁵⁰ То есть социальная память об общем прошлом опирается на устную передачу индивидуального опыта, характеризующуюся высокой степенью неформальности передачи и имеет, прежде всего, коммуникативные корни.

Важным источником получения информации о советском прошлом и прошлом своей страны для опрошенных из всех стран стала школа (рисунок 1).

Следует иметь в виду, что семейный нарратив о прошлом, как правило, носит локальный характер, не в полной мере отражает реалии Советского союза, искажает событийный ряд исторических фактов. Необходимо также иметь в виду возрастные рамки нашего эмпирического объекта. Информанты и респонденты изучали изменяющееся содержание исторического дискурса, в котором после 1990 года постепенно усиливалось отрицание советского опыта, а интерпретация исторических событий в постсоветских государствах все в большей мере была связана с обоснованием нового политического порядка и обоснования права на проведение суверенизации, легитимацию независимости, что подтверждается динамикой представлений респондентов о СССР по возрастным группам опрошенных (рисунок 2).

---

⁵⁰ *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N. Y.: Columbia University Press, 2012. P. 320.

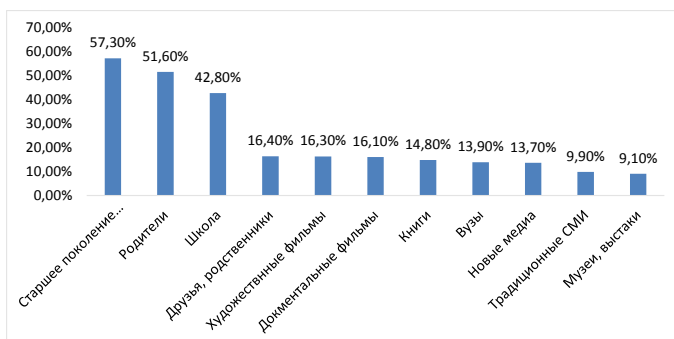

Рисунок 1 – Основные источники получения информации молодыми гражданами государств, участвующих в процессах евразийской интеграции, о советском прошлом и прошлом страны

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Однако это не дает нам основания говорить о том, что, именно первые 3 источника являются основными регуляторами постпамяти поколения Y. Как видно из таблицы 1, характер информации, степень доверия к ней и её принятие не однозначны, что свидетельствует о критическом восприятии молодыми, в силу возрастных особенностей, личного опыта, как коммуникативной, так и культурной составляющих памяти.

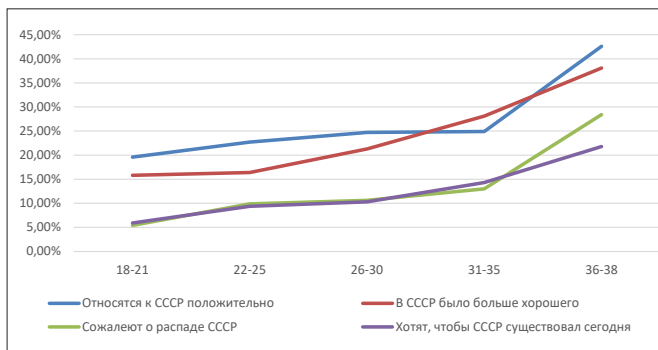

Рисунок 2 – Зависимость суждений респондентов о СССР в зависимости от возраста

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Позитивная репрезентация прошлого старшим поколением, музеями, выставками, мемориальными комплексами (более 70 %), другими каналами (50–60 %), впрочем, как и негативная, может нивелироваться в силу особенностей личностного восприятия, индивидуальной интерпретации смыслов фактов и событий прошлого как символического ресурса, совокупности доступной информации, включенностью в конкретные среды и последствиями регулирования воспоминаний о прошлом настоящим. Важно, что 4 из 10 опрошенных не разделяют позицию всех каналов информации, что говорит о том, что информация, транслируемая всеми каналами, у 40 % респондентов не прошла верификацию их личным опытом.

Каждый 6 респондент отметил также важную роль книг, и фильмов, апеллирующих к эмоциональной стороне памяти и только 1 из 10 Интернета, СМИ. Хотя в интернете представлен широкий спектр информации о советском прошлом. В Рунете существует большое количество ресурсов, которые направлены на репрезентацию как негативного, так и позитивного образа СССР. Очевидно, что во всемирной паутине молодых привлекают другие информационные продукты и сети.

Учитывая возрастающую роль информационных технологий, следует отметить преобладание отрицательного контента в новых медиа, социальных сетях, блогах, мессенджерах Беларуси и России (Беларусь. Контент «Положительный + Скорее положительный» – 31,5 %, «Скорее отрицательный и отрицательный» – 50,7 %; Россия – 29,7 % и 53,6 % соответственно) и иной точки зрения молодежи ряда стран от официально транслируемых позиций политических лидеров (Беларусь «Да и скорее да» – 48,2 % и «Скорее нет и нет» – 30,5 %, Россия 45 % и 33,2 %, Молдова – 42,3 % и 32,8 % соответственно). А также относительно большую долю респондентов, затруднившихся ответить на этот вопрос. Особенно много таких среди граждан Армении – 26,7 %, Кыргызстана – 27,9 %, Таджикистана – 26,1 %. (таблица 1).

Обладая различной силой воздействия на молодого человека, каждый из этого множества каналов информации влияет на формирование социальной памяти, усложняя её структуру, формируя альтернативные варианты постпамяти поколения Y. Доверие к образу советского прошлого может формироваться только при условии непротиворечивости информационного контента, согласованности действия всех акторов чего, как видим, в действительности не происходит.

По мнению Л.Н. Мазур, «Несо согласованность основных информационных каналов и механизмов коллективной памяти, приводит к эффекту разорванной памяти, крайним проявлением которой становится историческая амнезия...»⁵¹.

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников, как на личностном, так и государственном уровне. 8 марта – Международный женский день; 1 мая – Праздник Весны и Труда; 9 мая – День Победы сохраняют государственный статус во всех изучаемых нами странах, а 23 февраля – День защитника Отечества празднуют в Беларуси, Кыргызстане, России, Таджикистане. Эти праздники не просто включены в календарь государственных, но и празднуются большинством опрошенных (таблица 2).

Благодаря этим памятным мероприятиям люди вовлекаются в процесс воспоминаний, в обществах закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом, сопрягается «линейная репрезентация исторического времени с ритмами его циклического движения»⁵². Хотя эти праздники, по мнению респондентов, получают некоторое новое звучание и окраску в условиях строительства независимых государств.

---

⁵¹ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

⁵² Мильорати Л, Мори Л. Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и конфликтность памятных мероприятий // СОЦИС. 2014. № 1. С. 180.

Таблица 1– Молодежь о характере информации, предоставляемой различными акторами формирования социальной памяти и отличие личной точки зрения от их оценки советского прошлого и прошлого страны
(в % от опрошенных)

Акторы	Характер информации Положительный +Скорее положительный	Отличие точки зрения респондента от точки зрения актора «Да+ скорее да»
Родители	73,7	39,1
Представители старшего поколения (бабушки, дедушки)	77,8	42,8
Школьная программа	71,2 %	43,0
Традиционные СМИ (ТВ, радио, газеты, журналы и т.д.)	58,6 %	42,3
Новые медиа, социальные сети, блоги и мессенджеры	58,6 %	39,1
Официальная транслируемая позиция политических лидеров Вашей страны	52,4 %	40,8
Музеи, выставки, мемориальные комплексы	71,2 %	33,4

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Таблица 2– Советские праздники,
отмечаемые респондентами (в % от опрошенных)

Советские праздники	Да
Новый Год (1 января)	95,8
Международный женский день (8 марта)	81,0
День труда (1 мая)	54,6
День Победы во Второй мировой войне (9 мая)	84,6
День защитника отечества (23 февраля)	73,7

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Важными для сохранения единого мировосприятия евразийского пространства являются религиозные праздники, поскольку они включают в социальную память поколения Y образы, включенные в ментальные структуры из обществ. В интервью информанты из всех стран в качестве особо почитаемых называли – из христианских праздников: Рождество и Пасху, из исламских праздников – Нооруз (или Новруз), Курбан Айт и Наурыз мейрамы, Ураза-байрам, Курбан-байрам.

Производство доминирующих способов интерпретации новой социальной реальности связано с учреждением новых национальных праздников и традиций, посвященных приобретению независимости государства в 1991 году. Опрошенные граждане Армении главными сегодня для страны праздниками назвали: 28.01 – День Армии, 24.04 – День памяти жертв Геноцида, 21.09 – Праздник независимости. Беларуси: 3.07 – День Независимости; Казахстана: 7.05 – День защитника отечества; 6.06 – День столицы (Нурсултан); 1.12 – День Первого президента; 16.12 – День независимости. Кыргызстана: 7.04 – День народной революции; 31.08 – День независимости. Молдовы: 27.08 – День независимости; 1.03 – Мэрцишор. России: 12 июня – День России, 4 ноября – День народного единства; Таджикистана: 9.09 – День независимости. Эти новые праздники, посвященные памятным датам, оказывают влияние на людей, формируя и изменяя их

представления о прошлом, и выполняют самые различные функции, в зависимости от своей специфики, способствуют формированию национального самосознания и суверенизации.

Интерпретируя рассказ (повествование) информантов об их характере, можно сказать, что создание новых традиций способствует консолидации народов каждой из стран, формированию национальной идентичности, легитимации власти, трансляции новых ценностей и норм поведения.⁵³ Однако наиболее значимыми для наших респондентов остаются праздники семейные, которые также могут способствовать поддержанию социальной памяти молодых (таблица 3).

Таблица 3 – Значимость для респондентов праздников
(в % от опрошенных)

Праздники	Очень важны	Скорее важны	Скорее не важны	Не важны	Затрудняюсь ответить
Национальные (светские)	35,6	35,9	14,0	9,9	4,6
Религиозные	34,5	27,3	17,6	17,2	3,5
Семейные	63,3	28,0	4,6	2,3	1,7

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Во всех, постсоветских государствах в ревизии общего прошлого использовалась: политизация истории, а для обоснования нового политического курса – меры по политической консолидации общества. Мы были свидетелями этапа в истории независимых государств, когда в 90-е политические элиты, активно модифицировали историю и прошлое в контекст текущих политических вызовов (это подтверждается и акцентом постсоветских государств на национальных праздниках, отмеченных информантами как главных после распада СССР, культивирующих

⁵³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

независимость и суверенитет), переписывали учебники, меняли государственные символы, СМИ транслировали новую идеологию, что не могло пройти незамеченным, не могло не повлиять на установки молодых.

В качестве примера приведем цитату из статьи «Армения: как пишут учебники истории», поскольку это типично для всех постсоветских стран. «После развала Советского Союза школьники стали изучать курсы “всеобщей истории” и “истории армян”. При этом оба курса армяно центричны, то есть, изложены так, что главной темой является история армян, написанная как бы на общем фоне мировой истории. «Новые учебники, можно сказать, более национализированы», – утверждает Артур Заргарян, ереванский преподаватель истории. По сравнению с советскими учебниками изменились и оценки исторических фактов и личностей.

В советских учебниках вступление на территорию молодой республики Армения XI Красной армии, приведшее к установлению там советской власти и завершившее двухлетний период независимости 1918–1920 годов, представлялось как важнейшее событие в освобождении армянского народа. Советская символика на капители ереванского здания. В современных учебниках большевизация Армении представляется как вынужденный шаг, вызванный «неблагоприятной международной ситуацией, нападением Турции в сентябре 1920 года без объявления войны», объясняет декан факультета истории Ереванского государственного университета Эдик Минасян⁵⁴.

Для символического оформления новых политических режимов использовались, наряду с материальными и административными ресурсами, и визуальные практики: строительство или снос памятников, название или переименование улиц, использование образов исторической деятельности, символов

---

⁵⁴ Армения: как пишут учебники истории.
URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia (дата обращения: 17.03.2021).

и создание образа современного героя. Однако такая политика «не прижилась», не находит поддержки в молодежной среде. Большинство молодых граждан всех евразийских государств (более 70 %) считает не целесообразной практику переименования улиц, и сноса памятников названных или построенных в память о советском прошлом. Более 66 % готовы поддержать установку памятника (название улицы, площади в честь) какого-либо выдающегося российского (советского) деятеля, (поэта, писателя, политика) в их стране сегодня. Хотя 63 % поддерживают идею установки памятников в первую очередь их национальным героям. Чаще эту идею поддерживали граждане Армении (69 %). Респонденты считают, что сегодня в большей степени заслуживают установки памятников герои боевых действий, ветераны – 37,6 % (больше других поддержали это суждение граждане Армении. Герои боевых действий, ветераны – 45,1 %), деятели культуры, искусства – 21,2 %. Каждый 6 считает, что в настоящее время никто не заслуживает установки памятника. Современных политических лидеров своей страны считает героями 22,5 % респондентов, нет – 58,2 %. Самая большая доля отрицательно ответивших на этот вопрос – россияне, проживающие в Москве (нет – 73,6 %).

30 лет новой политики памяти и современной политики постсоветских государств «непредсказуемо» пересекаясь, сказались на содержании социальной памяти поколения Y. В нашем исследовании память о прошлом представлена как эмоциональное отношение к СССР, характеристика фреймовых конструкций советского прошлого, а также результат сопоставления исторических событий, названных информантами в ходе повествования, с которыми они ассоциирует совместное прошлое и разделенную историю постсоветских стран, после распада СССР, особенностей их коннотации с перечнем знаковых социальных событий, оказавших, с нашей точки зрения, влияние на социально-экономическое, политическое и социально-культурное развитие единого Союза и каждой страны.

Результаты исследования позволяют зафиксировать доминирующие представления молодежи об СССР. Более половины респондентов (64,5 %) независимо от гражданства отметили, что в целом к советскому прошлому относятся позитивно, еще 25,5 % скорее отрицательно, 10 % затруднились ответить. Ответов «отрицательно» не было. Эти результаты подтверждаются исследованиями наших коллег, которые отмечают, что в массовом сознании отчетливо артикулируется положительный образ СССР. Так, 70 % опрошенных отождествляют историю своей страны с историей СССР, 74 % – СССР давал ощущение принадлежности к чему-то большему, ощущение великой державы. 6 из 10 отметили, что в СССР было как хорошее, так и плохое.

В постсоветской политике памяти евразийских государств активно использовалась идея «жертвы», страданий народов, входивших в состав СССР для мобилизации населения и «экспорта вины»⁵⁵. В общественном мнении поколения Y эта идея закрепились в представлениях каждого третьего респондента. С позицией «СССР, в первую очередь, это притеснение и угнетение моей страны, отсутствие суверенитета и независимости» «Полностью согласилось» 10 % и еще «Скорее согласен» 20 %, причем не зависимо от страны гражданства. Более 60 % опрошенных (за исключением россиян) считают, что все республики были равны.

Наиболее часто в дискурсе о советском прошлом в позитивном ключе упоминались такие характеристики как: справедливость и равенство; уверенность в будущем; высокий уровень

---

⁵⁵ Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 146–152; Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 146–152; Миллер А. И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. 5 (44). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735> (дата обращения: 07.04.2021); Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78–97.

социальной сплоченности, дружба, межличностное, межгрупповое и институциональное доверие (царила атмосфера единства, взаимопомощи, доброты); гарантированное трудоустройство в стране гражданства; более высокий уровень социальной защищенности; доступность и хорошее качество бесплатного здравоохранения, образования.

Многokратно отмечалось – «СССР – великая, крепкая, независимая и сильная держава. Гражданин СССР не мог себя чувствовать ущербным». Среди отрицательных характеристик были названы: господство в советские годы тоталитарного режима, отсутствие выбора и свобод, дефицит товаров, длинные очереди, репрессии (таблица 4).

Таблица 4 – Позитивные/негативные черты СССР в оценке респондентов

Позитивные черты СССР	% от опрошенных	Негативные черты СССР	% от опрошенных
Дружба	74,9	Дефицит товаров	68,1
Доступность качественного образования	66,1	Длинные очереди	67,0
Гарантированное трудоустройство в стране гражданства	64,8	Господство тоталитарного режима	57,9
Равенство	56,5	Репрессии	56,4
Уверенность в будущем	59,6	Отсутствие выбора, свобод	51,2
Доверие	57,4		
Доступность качественного медицинского обслуживания	56,0		
Справедливость	51,9		

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Казалось бы, позитивных качеств, которые были названы в глубинном интервью, а затем подтверждены в структурированном интервью, заметно больше, однако 59,4 % не сожалеют о распаде СССР, 72,7 % не считают распад СССР травматическим для них событием. Больше других беспокоит распад СССР граждан Кыргызстана (Травматическое событие Да+ скорее да – (26,9 %), Молдова (25 %), Таджикистан (24,4 %). Более половины (56,4 %) не хотели бы существования в какой-либо форме Советского союза.

Основу национального самосознания и гражданской идентичности составляет интерпретация события. Память о событиях имеет гораздо большее значение для будущего, чем само событие. Большинство респондентов в событийном ряду советского пошлого назвали те исторические события, которые являются критически важными именно для них лично и которым общество страны гражданства приписывает первостепенное значение.

Значение или важность события для индивида мы определяли по частоте упоминания и интенсивности суждения. Среди наиболее значимых – лидирующее место занимает Победа СССР во Второй мировой войне. Это событие сохраняется в памяти всех обществ и отмечено более 70 % респондентов. В повествовании опрашиваемых в глубинном интервью Вторая мировая война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль Советского союза и вклад каждой республики СССР в победу над фашизмом.

В памяти поколения мелиниалов сохранились такие события, как Распад СССР, который ассоциируется с появлением новых возможностей и вызовов для бывших советских республик, запуск первого спутника, полет Ю. Гагарина в Космос; авария в Чернобыле; война в Афганистане. В количественном опросе 23,5 % в качестве значимого события отметили создание СНГ, 15 % – ЕАЭС. Чаше как значимое событие отмечали распад СССР – москвичи (60,3 %) и реже создание ЕАЭС (8,2 %). Кроме

общих событий информантами названы особые, отразившиеся в судьбах народов их стран. Гражданами Армении: землетрясение в Спитаке и помощь всей страны в ликвидации его последствий, Карабахский конфликт, Бархатная революция 2018 года. Беларуси: авария на Чернобыльской АЭС, обретение независимости. Казахстана: строительство Байконура, реализация космической программы, индустриализация страны, поднятие Целины. России: советские достижения в области науки, присоединение Крыма, избрание президентом России В.В. Путина. Кыргызстана: принятие Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстан, перестройка; Молдовы: избрание президентом Молдовы И. Н. Додона, конфликт в Приднестровье; Таджикистана: массовые беспорядки, Афганская война. То есть информанты вспомнили практически все ключевые события, которые изменили единую страну и повлияли на их постсоветское настоящее.

За пределами внимания информантов остались некоторые цветные революции, путчи (например, Конституционный кризис в РСФСР. Расстрел Российского парламента в октябре 1993 г.). Можно предположить, что эти события не коснулись опрошенных, были для них лично не важными, не значимыми и общества не приписывали им первостепенного или хотя бы важного значения.

Настоящее регулируется воспоминаниями о прошлом, а память вступает фактором проектирования будущего. Поэтому судить о содержании социальной памяти молодежи мы можем, оценив её отношение к интеграционным процессам на постсоветском пространстве. По данным опроса интеграционные процессы (с разной степенью глубины интеграции) поддерживают 65 % респондентов, а относятся «скорее отрицательно + отрицательно» – 17,6 %, при достаточно большой доли 17,4 % затруднившихся. Наибольшая разница между теми, кто относится положительно и отрицательно к интеграционным процессам на постсоветском пространстве в группе граждан

Армении $\Delta +52,3$ %, Таджикистана $\Delta + 51$ % и Кыргызстана $\Delta +49$ %. То есть здесь большинство на стороне интеграционных процессов в Евразии. В отношении глубины интеграции среди опрошенных граждан постсоветских государств нет приемлемого большинства, отмечается раскол в суждениях и позиции. Каждый 10 вообще выступает против интеграционных процессов. Сохраняется большая доля среди опрошенных граждан государств, участвующих в интеграционных процессах на пространстве, не определившихся – 19,7 % (таблица 5).

Таблица 5 – Возможная степень интеграции страны респондента с другими постсоветскими государствами в Евразии (в % от опрошенных)

Глубина интеграции	%
Только экономическая интеграция	23,3
Экономическая и политическая интеграция	25,5
Экономическая, политическая и военная интеграция	22,3
Выступаю против любых форм интеграции	9,1
Затрудняюсь ответить	19,7

Источник: составлено автором по результатам исследования.

В высказываниях информантов, не предполагающих её углубления или предполагающих сохранение характера, реализуемого сейчас в рамках Евразийского экономического союза, типичным было такое высказывание: *Без этого (интеграции) никак. Все равно, я считаю, что Казахстан под таким крылом у России. И они соседи, состояли в СССР. И всегда всякие сотрудничества происходят. Поэтому их взаимодействие неизбежно. Но объединение России и Казахстана мало возможно. Я считаю, что, если в 1991 так произошло, что Казахстан получил независимость и долгое время просуществовал независимо и стабильно, то, конечно, должна сохраниться независимость. (Казахстан, Айгуль, 24 года).*

Можно предположить, что высокий уровень социальных ожиданий от функционирования ЕАЭС и от развития стран в составе ЕАЭС или в результате участия в интеграционных процессах можно объяснить появлением некоей определенности в установлении вектора трансформации их стран, социальной памятью о большей защищенности в составе мощного интеграционного объединения. Так, по мнению респондентов через 10 лет в ЕАЭС, по сравнению с СССР, снизится число бедных, государство будет развиваться более динамично, оно будет более демократичным, безопасным для своих граждан, помогающим своим гражданам, справедливым, правовым, толерантным, свободным, мультикультурным государством (рисунок 3), а каждая из стран станет богаче, независимее, свободнее, справедливее (рисунок 4).

Социальная память молодежи – один из ключевых ресурсов успешности интеграционных процессов в Евразии, что подтверждает опыт переформатирования социальной памяти народов Украины и стран Прибалтики, формирования ими новой модели политического видения советского прошлого, образа врага в лице России. За 30 лет после распада СССР и другие постсоветские страны в борьбе за символическую власть и легитимацию нового политического порядка, оправдания курса на радикальную трансформацию политического и экономического порядка,⁵⁶ внесли свой вклад в переосмысление и интерпретацию прошлого. Данное исследование дает возможность через оценки респондентов показать результаты этих усилий по идеологическому обоснованию своей власти и политического курса, дать оценку вклада каждого из акторов политики памяти в формирование представлений молодежи об общем прошлом и настоящем.

---

⁵⁶ *Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 114–130.

Рисунок 3 – Респонденты о будущем ЕАЭС

Источник: составлено автором по результатам исследования.

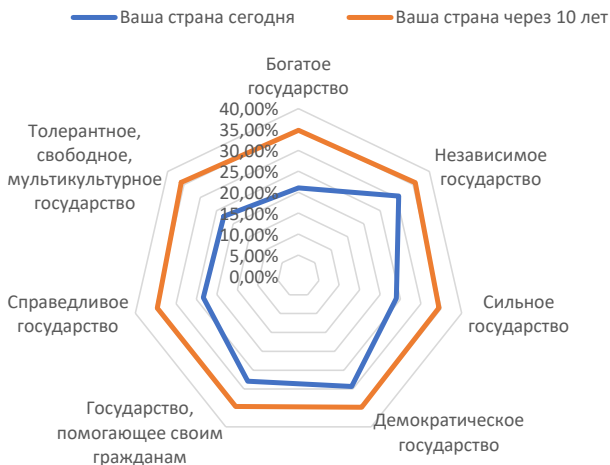

Рисунок 4 – Респонденты о перспективах трансформации их стран в результате интеграционных процессов на постсоветском пространстве

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что у 40 % опрошенных ни один из каналов информации не вызывает полного доверия, в силу противоречивости информационного контента, не согласованности действий всех акторов. Как справедливо отмечает Л.Н. Мазур, «образы недавнего прошлого, создаваемые наукой, искусством, транслируемые образованием, идеологией и СМИ» верифицируются «личностными информационными каналами»⁵⁷. Поэтому респонденты имеют точку зрения, отличную от всех каналов информации о событиях прошлых и настоящих, о перспективах.

Устойчивое большинство (более 60 % опрошенных) в целом к советскому прошлому относится позитивно, отождествляет историю своей страны с историей СССР, положительно относятся к интеграционным процессам. А в отношении глубины интеграции среди опрошенных граждан постсоветских государств нет приемлемого большинства, отмечается раскол в суждениях и позиции. Таким образом, мы можем говорить о некоторой непоследовательности, противоречивости контента социальной памяти молодых граждан постсоветских государств.

Сегодня очевидно, что потребность расширения и углубления интеграционных процессов в Евразии в интересах повышения уровня и качества жизни народов, требует реконструкции социальной памяти молодежи, консолидации обществ, что невозможно без целенаправленной политики лидеров стран, готовых и принимающих участие в этих процессах.

Для символического оформления интеграционного курса, легитимации идеи Евразийства важно продвижение интеграционных идей, евразийской проблематики в пространство всех постсоветских государств, создание публичного дискурса в медиа, формирование повестки публичных дискуссий,

---

⁵⁷ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.

примирение и активный диалог национальных версий общего прошлого, формирование постнациональной социальной памяти с использованием всего арсенала инструментов: забвения, актуализации, интерпретации.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в разработке модели социологического измерения формирования социальной памяти молодежи, открывающей возможность собирать и анализировать эмпирический материал по проблеме, обеспечивая сравнительный анализ динамики. Полученные результаты могут способствовать развитию теории социальной памяти, лечь в основу практических мероприятий акторов по формированию сплоченности народов евразийских стран.

ГЛАВА 3. МЕМОРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС

Прошлое подвергается постоянному переосмыслению и переинтерпретации. Как правило, фиксация отдельных его состояний происходит в мемориальных комплексах и памятниках, которые отражают те или иные исторические периоды и/или являются маркером тех или иных общественных отношений. По памятникам прошлого можно отследить историю государства, по современным памятникам его текущее состояние и идеологию. В этом смысле памятники всегда становятся объектом споров, научных дискуссий и широкого обсуждения, памятники, наряду с другими символами, одними из первых подвергаются ревизии при смене общественно-политического курса. При этом дискуссия вокруг памятников может протекать как в культурно-историческом, так и политическом измерениях. Стоит отметить, что места памяти и мемориальные комплексы часто выступают одним из способов конструирования нации.

Историческое наследие предыдущих эпох, нашедшее свое отражение в памятниках, мемориальных комплексах, музеях, топонимических названиях городских улиц и площадей, а также отмечаемых праздниках в ряде стран и сегодня становится объектом широкого и часто полемического обсуждения. Так, например, в США, задающих тон данных дискуссий, звучат призывы к переосмыслению прошлого, идет ревизия и переоценка деятельности ключевых исторических фигур, что часто переносится на памятники, которые подвергаются уличному вандализму, либо сносятся и перемещаются по решению властей⁵⁸.

---

⁵⁸ How Statues Are Falling Around The World. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/24/us/confederate-statues-photos.html> (дата обращения: 14.02.2021).

Россия, обладающая сложной и противоречивой историей, имеет богатое мемориальное наследие, которое может выступать как источником интеграции и объединения, так и, наоборот, способствовать разобщению. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опросов общественного мнения разных лет⁵⁹.

Данное противоречие представляется актуальным и может быть перенесено на страны бывшего СССР, которые несут в себе общую с Россией историческую память, но характеризуются разным ее восприятием. Ряд постсоветских стран, например, Украина, сегодня, последовательно идут по пути отказа от мемориального и символического значения советского прошлого⁶⁰. В сложившихся условиях данное наследие может оказывать влияние на социальную и экономическую интеграцию этих стран в евразийском пространстве. В этой связи представляется актуальной попытка осмысления отношения к местам памяти молодежи постсоветских стран – участниц евразийской интеграции.

В качестве эмпирического объекта выступают молодые граждане постсоветских государств – Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Молдовы, Таджикистана, ориентированные на экономическую интеграцию.

Социальная память поколения миллениалов и постмиллениалов анализируется нами как постпамять⁶¹, так как к моменту

---

⁵⁹ Памятник Дзержинскому и Князю Владимиру. URL: <https://www.levada.ru/2015/07/24/pamyatnik-dzerzhinskomu-i-knyazu-vladimiru/> (дата обращения: 14.02.2021).

Памятники Ленину обрели всенародную поддержку. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/pamyatniki-leninu-obreli-vsenarodnuyu-podderzhku/> (дата обращения: 14.02.2021).

⁶⁰ *Кринко Евгений Федорович, Хлынина Татьяна Павловна.* Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 1 (2); *Гайдай А.Ю., Любарец А.В.* «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2016. № 2 (33); *Плеханов Артемий Александрович.* Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Полит. наука. 2018. № 3.

⁶¹ MARIANNE HIRSCH. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Columbia University Press, 2012.

распада СССР самым старшим из них было не более 6 лет и при построении картины событий, произошедших до их рождения или в период раннего детства, они опирались на рассказы близких им людей – родителей, учителей, формы визуальной презентации произошедшего и собственное воображение.

Под мемориальным наследием нами понимаются места памяти, музеи, памятники, названия улиц и площадей, мемориальные комплексы, ассоциирующиеся в социальной памяти молодого поколения с историческим прошлым их стран.

В основе реализации модели социологического анализа социальной памяти лежит следующая методическая стратегия:

1. Анкетный опрос молодых граждан государств-членов ЕАЭС и кандидатов на вступление в ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Молдовы, Таджикистана), проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве, с целью оценки состояния социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции. Опрошено 2949 человек (Армения – 412 человек, Беларусь – 442 человека, Казахстан – 405 человек, Кыргызстан – 401 человек, Молдова – 409 человек, Россия – 478 человек, Таджикистан – 402 человека).

2. Глубинные интервью. Опрошено 350 информантов по 50 информантов из каждой группы.

В исследовании использовалась неслучайная выборка. Респонденты и информанты отбирались методом снежного кома по следующим признакам: возраст (18–38 лет), гражданство.

Как показывают опросы общественного мнения, в России памятники являются частым объектом посещения со стороны населения, особенно памятники, посвященные Великой Отечественной войне. Так, например, по данным ВЦИОМ треть населения делает это несколько раз в год или как минимум один раз в год⁶². Тем не менее вопрос о значимости памятников и мемориальных комплексов как источника получения информации о событиях прошлого является спорным утверждением.

---

⁶² День памяти и скорби. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10338> (дата обращения: 14.02.2021).

Как показало наше исследование, лишь 9,1 % респондентов воспринимает мемориальные комплексы в этом ключе (рисунок 5).

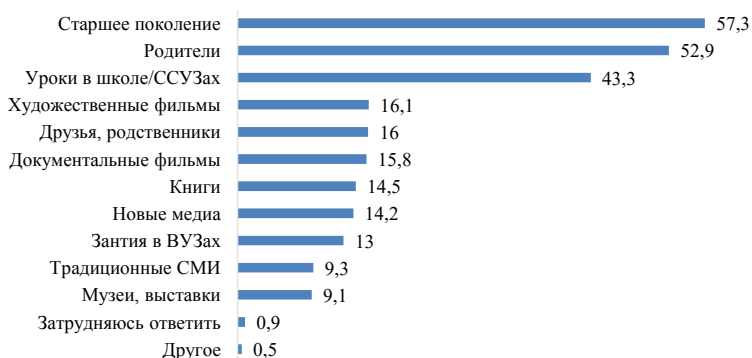

Рисунок 5 – Откуда Вы в первую очередь получаете или получали информацию о советском прошлом Вашей страны? (можно выбрать не более 3-х вариантов ответа) (в % от ответивших)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Наши информанты указывали на довольно редкое посещение объектов мемориального наследия – исторических музеев и мемориальных комплексов, несмотря на сохранение интереса к национальной истории, а также к истории России. Информанты, в целом, проявляют больший интерес к художественным музеям и выставкам. Вместе с тем основные исторические мемориальные комплексы своих стран, как правило, были посещены постсоветской молодежью в рамках школьной программы, большинство из которых также отсылает к участию и роли СССР во Второй мировой войне.

«Музеи и мемориальные комплексы в Молдавии я посещала не раз. У нас я была в мемориальном комплексе Вечность и «Сыновьям Родины – вечная память». Оба этих памятника значат очень много для всей молдавской нации. Наверное, каждый житель Молдавии там побывал. Ну, а одинаково значимые события

и для Молдавии, и для России – это Вторая мировая война и Распад СССР» (Алина, гражданка Молдовы, 34 года, работающая).

«Когда я жила в Беларуси, да, я посещала. В первую очередь, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, также музей Книги национальный, Курган Славы, национальный художественный музей республики Беларусь и государственный комплекс Хатынь» (Юлия, гражданка Беларуси, 20 лет, студентка).

«Когда я училась в школе мы всегда регулярно посещали различные музеи в Казахстане. В России я никогда не была в музее. Для России и Казахстана одинаково значимые события – это, конечно же, Вторая мировая война и Великая Отечественная» (Валерия, гражданка Казахстана, 19 лет, студентка).

Вместе с тем памятники и мемориальные комплексы имеют глубокое символическое значение. Ряд исследователей справедливо указывают на то, что в памятниках набирают силу прежние ценности и возникают новые, меняя устойчивость аксиологического ландшафта, а значение памятников и мемориальных комплексов подвергается переинтерпретации в символических смыслах⁶³. Именно символические аспекты приводят к вопросу о целесообразности сохранения объектов мемориального наследия, либо радикального от них отказа.

Наше исследование позволяет констатировать, что в рамках Евразийского экономического союза среди представителей поколения миллениалов и постмиллениалов сложилось консенсусное представление о советском мемориальном наследии, выраженное в согласии большинства респондентов (71,6 %) с утверждением, что памятники и адреса улиц не подлежат сносу или переименованию, и должны оставаться неизменными в память о советском прошлом (рисунок 6).

Важно также отметить тот факт, что несмотря на то, что памятники евразийской интеграции сегодня представляют собой

---

⁶³ Суворов Н.Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник СПбГИК. 2017. № 4 (33).

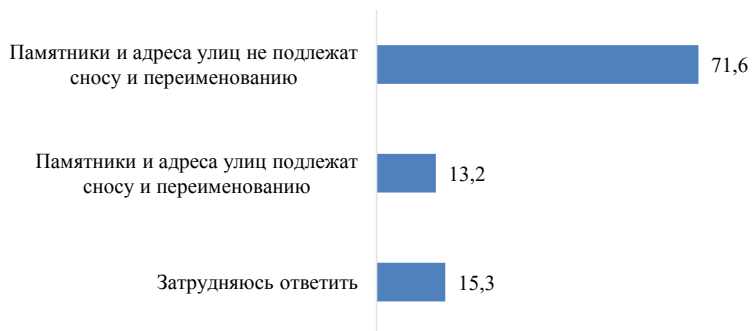

Рисунок 6 – На Ваш взгляд, советские памятники (как и названия улиц) должны оставаться на улицах городов Вашей страны в память о советском прошлом, либо они должны подлежать сносу или переименованию? (в % от ответивших)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

суверенные государства, память об общем советском прошлом находит свое выражение в сохраняющейся декларативной поддержке молодежью установки памятников какому-либо выдающемуся российскому, либо советскому деятелю в своих странах, что, с одной стороны, подчеркивает в целом положительное отношение к общей истории, а также сохранение общей ориентации на Россию как политического и культурного центра евразийской интеграции на постсоветском пространстве. Так поддержали бы установку памятника какому-либо выдающемуся российскому (советскому) деятелю (поэту, писателю, политику) в своей стране 66,7 % респондентов (ответ «да»+«скорее да»). В то же время около ¼ молодого поколения стран-участниц евразийской интеграции (23,6 %; ответ «скорее нет»+«нет») не готовы согласиться с такой возможностью и не готовы поддерживать их установку, что не позволяет говорить об однозначном положительном отношении к данным потенциальным инициативам (рисунок 7).

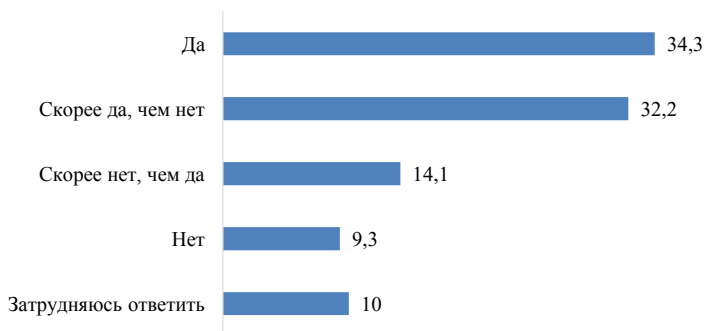

Рисунок 7 – Поддержали бы Вы установку памятника (дали название улицы, площади в честь) какому-либо выдающемуся российскому (советскому) деятелю (поэту, писателю, политику) в Вашей стране сегодня? (в % от ответивших)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Межстрановая специфика наиболее ярко проявляется в ответах информантов относительно важности тех или иных памятников/названий улиц и площадей для их стран сегодня. Так, например, в отдельных ответах информантов из Молдовы часто прослеживается общая с Россией история, начиная со времен Российской Империи (*Александр Васильевич Суворов*) сквозь советский период (*памятник Героям-Комсомольцам*) и заканчивая уже суверенной постсоветской историей, отсылающей к национальной борьбе за независимость (*Стефан III Великий*):

«Из известных мне памятник великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову, возведенный на главной площади Тирасполя в 1979 г.; памятник жертвам еврейского гетто; мемориальный комплекс памяти солдат, павших в Афганской войне; памятник Героям-Комсомольцам; бульвар Штефана чел Маре» (Татьяна, 18 лет, Молдова).

Молодые граждане Армении, помимо советских, указывают на памятники, отсылающие к видным национальным деятелям искусства, а также на городские топонимические названия

в честь стран, в которых велико представительство армянской диаспоры, и которые отличаются дружественной политикой в отношении Армении:

«Есть улица Туманяна, это известный армянский поэт и писатель. Его памятник находится рядом с оперой. Есть площадь Франции, поскольку Франция является дружественной страной, она достаточно рано признала геноцид Армении. Есть улицы, названные в честь великих для Армении деятелей искусства. Это композитор Хачатурян, писатель Туманян. Есть улицы, названные в честь Баграмяна. Ну, т. е. достаточно много. Я думаю, советские памятники должны оставаться, потому что это история, это культура <...> и сносить памятники – это последнее, чем должен заниматься человек, любящий свою страну» (Ашот, гражданин Армении, 22 года, работающий).

В содержании социальной памяти поколения миллениалов и постмиллениалов Казахстана советское мемориальное наследие переплетается с текущим восприятием иногда противоречивых попыток выстраивания идеологии нового независимого государства посредством переработки мемориального корпуса, возникшего, в том числе уже в постсоветский период, что часто может вызывать непонимание и раздражение среди молодого поколения. Следует отметить, что в Казахстане существует обновляемый «Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения», который подвергает переоценке советское мемориальное наследие и предполагает лишение республиканского статуса памятников Ленину и советским партийным деятелям в городах Казахстана⁶⁴.

В целом, социальная память молодежи Казахстана относительно мемориального наследия пытается сочетать в себе

---

⁶⁴ Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 14 апреля 2020 года № 88. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 15 апреля 2020 года № 20397. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020397> (дата обращения: 14.02.2021).

желание сохранить память о казахских государственных деятелях времен Российской Империи (*Чокан Валиханов*), советского периода (*Амангельды Иманов*, *С.Д. Луганский*) с продолжающимся поиском новой постсоветской идентичности (*Абай Кунанбаев*), что в целом роднит молодежь Казахстана с молодежью Республики Молдова с точки зрения попыток осмысления национального мемориального наследия сквозь призму совместной с Россией истории.

«Я считаю, что названия улиц и памятники в Казахстане не дают нам забывать о наших героях. Мне кажется, что важна национальная принадлежность человека. Вот недавно у нас в большинстве городов переименовали улицы и проспекты в честь нашего первого президента, который в этом году покинул пост. Это вышло у страны очень большой абсурд, ведь переименовали улицы наших героев» (Валерия, 19 лет, гражданка Казахстана, студентка)

«Я родился в Астане и всю жизнь там прожил. Кроме последних лет. У нас есть символы города. У нас Астана совершила такую дурацкую вещь, что взяла и переименовала город, не хочу называть, у меня прям такое отторжение. Я протестую против всего этого» (Виктор, гражданин Казахстана, 25 лет, студент)

«Во-первых, памятники для меня – это история и повод задуматься о значении, которое может иметь отдельно взятая личность. В Казахстане много разных памятников, был даже утвержден список. Это бюст дважды героя СССР Сергея Даниловича Луганского, потом памятники Абаю Кунанбаеву, Чокану Валиханову и Амангельды Иманову» (Влад, гражданин Казахстана, 21 год, студент).

Кыргызстан в постсоветский период также прошел через этап переименования городских и уличных названий, тем не менее знание русского языка и участие в ЕАЭС позволяет сохранить позитивное отношение кыргызской молодежи к советскому мемориальному наследию. В ответах информантов

прослеживается характерное для их сверстников из Казахстана сочетание памяти о советском прошлом и мемориалов, посвященных важным событиям в уже постсоветской истории страны.

«Практически все города и улицы были переименованы после того, как Советский Союз разрушился и если там сейчас это Бишкек, то раньше это был Фрунзе, в советские времена. Всё переименовано и сейчас я даже не вспомню какие-то улицы. Если говорить про памятники, то в каждом, практически, городе есть памятник Великой Отечественной войны. Старшее население Киргизии относится к ним с большим уважением, а молодёжь уже забывает» (Алтынай, гражданка Кыргызстана, 25 лет, работающая).

«На мой взгляд, важным памятником Киргизии является Памятник погибшим за свободу. Памятник жертвам Апрельских событий 2010 года. Также памятник Ленину, памятник Юрию Гагарину» (Зарина, гражданка Кыргызстана, 26 лет, работающая)

«В нашей стране, конечно, сейчас и советские памятники важны, и новые памятники появились, которые идентифицируют именно Киргизию, и они тоже очень важны. Если, например, вспомнить, то главная улица так и осталась для многих – Советская. Конечно, она получила киргизское название, но в народе все равно пользуются названием Советская. Площадь, где у нас вечный огонь, тоже очень популярное место, оно красивое, площадь знаковая. Но из новых площадей, это площадь Независимости, памятник Манасу, памятник, посвященный репрессии Ата-Бейит, нашей интеллигенции, которая была убита в 30-х годах» (Назгуль, гражданка Кыргызстана, 36 лет, работающая).

Среди представителей молодого поколения Таджикистана, напротив, чаще встречаются ответы, ставящие под сомнение необходимость сохранения советских памятников и названий площадей и городских улиц. Стоит отметить, что в современном Таджикистане, в соответствии с законом «О государственном

языке», активно ведется переименование улиц, парков, а также городских и сельских поселений, обсуждается необходимость установки памятников тюркским и персидским поэтам и государственным деятелям⁶⁵. В ответах молодых граждан Таджикистана часто можно встретить подробное описание наиболее мемориально значимых памятников, важных для национальной культуры и национального самосознания:

«Наиболее важными для моей страны и России сегодня являются памятники архитектуры. Советские же памятники, на мой взгляд, подлежат переименованию. Установку нового памятника я, возможно бы, поддержал, но считаю, что в первую очередь они должны устанавливаться в честь национальных героев страны и деятелей культуры» (Сархат, гражданин Таджикистана, 32 года, работающий).

«В Таджикистане из советских памятников есть только Ленину. Улица Титова, Шевченко есть. Сейчас у нас начали менять названия улиц, на наших деятелей. Потому не могу вспомнить. Давно уже там не был. У нас в центре города стоит памятник Исмаилу Самани. Он считается первым царем, который объединил все Персидские государства» (Джамшут, гражданин Таджикистана, 19 лет, студент).

«Главная столичная площадь, на которой стоит памятник основателю Таджикского государства Исмоили Сомони. Памятник великому писателю и поэту Рудаки, который также являлся основоположником персидской и таджикской литературы» (Анахита, гражданка Таджикистана 19 лет, студентка).

Российская молодежь, в целом, высказывается за сохранение памяти о советском прошлом, выраженном, прежде всего, в увековечении памяти о Великой отечественной войне, хотя в ответах информантов встречаются и высказывания за некоторую ревизию утративших идеологическое значение монументов,

---

⁶⁵ В Душанбе переименовали ряд улиц. URL: <https://tj.sputniknews.ru/main/20180316/1025022137/dushanbe-pereimenovan-ryad-ulic.html> (дата обращения: 14.02.2021)

в частности, памятников В.И. Ленину. Также для российских миллениалов и пост-миллениалов важна городская и региональная идентичность памятников и монументов, подчеркивающая вклад их города или области в историю страны, в том числе посредством деятельности выдающихся личностей-выходцев из данных территорий. Несмотря на то, что информантами отмечается, что многие памятники и названия улиц, площадей и городов уже утратили прежнее идеологическое значение, они должны быть сохранены как напоминание о советском историческом периоде в истории страны.

«Я считаю, что все те названия, которые существуют сейчас в нашей стране, они все важны, они все отражают разные периоды нашей истории» (Валерия, гражданка России, 38 лет, работающая).

«Я считаю, что самыми важными в настоящий момент являются памятники, которые были установлены лидерам военных действий. Например, практически в каждом крупном городе России есть памятник Жукову, который непосильный вклад внёс для победы в войне. Естественно, это улицы Ленина, Энгельса – эти улицы есть абсолютно в каждом городе. Названия улиц должны оставаться в память о советском прошлом, хоть их название не так и важны, как и были названы ранее. Памятники сносить не нужно, они должны оставаться в память о лицах того времени. Например, во многих городах есть памятник Неизвестному солдату, даже в моём родном городе (Юхнов), установлен такой памятник, к которому подходят и поклоняются, наверное, все жители этого города и он имеет огромную роль» (Татьяна, гражданка России, 34 года, работающая).

«Сразу на ум приходит улица Ленина, она есть практически в каждом населенном пункте нашей страны. На мой взгляд, некоторые памятники можно убрать, так как они потеряли свою актуальность. Например, памятники Ленину. А некоторые, наоборот, должны остаться навсегда, такие как памятник, Гагарину, потому что первый полет в космос может быть

только один раз. Очень важен для нашей страны Обелиск «Городу-Герою Ленинграду», который подчеркивает важность и роль Санкт-Петербурга в победе над фашистской Германией» (Илья, гражданин России, 31 год, работающий).

Наиболее схожие с российским мемориальные представления распространены среди граждан Беларуси, опирающиеся во многом на историю СССР. Большинство информантов, говоря о наиболее важных для них памятниках истории, упоминают мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. К их числу относят: комплексы «Брестская крепость», «Хатынь», монумент Победы в г. Минске, мемориал жертвам Холокоста «Яма», мемориальный комплекс «Дальва». Представители молодежи Беларуси в целом поддерживают идею о сохранении названий улиц, памятников советского периода.

«Я свою страну Беларусь и сам город Минск не представляю без Площади Победы. Площадь очень красивая и памятная. Также отмечу мемориал воинской славы «Лудчицкая Высота». Советские памятники должны оставаться на улицах городов в память о советском прошлом, и ни в коем случае они не должны подлежать сносу или переименованию, так как надо уважительно относиться к истории Советского Союза. Я – за памятники, я – за историю» (Светлана, гражданка Беларуси, 37 лет, работающая).

«В нашей стране очень много памятников, посвященных погибшим солдатам во Второй мировой войне. Я считаю, что памятники и названия улиц должны сохраняться в городах нашей страны, так как это часть истории» (Кристина, гражданка Беларуси, 27 лет, студентка).

«По моему мнению, любое воспоминание о советском времени, будь то название улицы или памятник, в любом случае должно быть. Это часть нашей истории, и я не понимаю, как можно забыть и вычеркнуть часть истории» (Ира, гражданка Беларуси, 18 лет, студентка).

Таким образом, можно полагать, что коммеморативные практики тесно переплетаются с восприятием героического в сознании поколения постпамяти постсоветских стран. Они выстраиваются вокруг государственных деятелей, полководцев, поэтов, писателей досоветского периода, возвращение к увековечиванию памяти которых, воспринимается как элемент конструирования новой гражданской и национальной идентичности независимых наций-государств⁶⁶; вокруг памятников и топонимических названий советского периода, включая отдельный пласт мемориального наследия, посвященного Второй мировой войне; новых памятников и названий, которые часто являются обращением в прошлое в попытке найти опору для выстраивания независимого и самостоятельного будущего в логике постпамяти.

Стоит отметить, что в восприятии героического наши информанты продемонстрировали, скорее, сохраняющуюся ориентацию на общую историю Российской Империи, СССР и современной России, с незначительной ролью национального. Часто в качестве героев выступают не только советские (Юрий Гагарин), но и исторические (А. Суворов, М. Ломоносов, А. Пушкин, А. Жуков) и современные (В. Путин) российские представители. В качестве национальных героев информанты указывают исторических деятелей и деятелей культуры своих стран разных лет – Стефан III Великий (Молдова), Нусратулло Махсум, Мирзо Турсунзода, Бобочон Гафуров, Садриддин Айни, Шириншох Шохтемур (Таджикистан), Ованес Туманян (Армения).

Итак, дискурсивное поле вокруг устанавливаемых памятников в странах евразийской интеграции сегодня очерчено дискуссией вокруг дихотомии национального/советского (российского) и героического. При принятии решения об установке того или иного памятника, представители поколения миллениалов и постмиллениалов считают, что приоритет в первую очередь

---

⁶⁶ *Мохов С. В.* Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 17–29.

должен отдаваться национальным героям своих стран (64,2 %; ответ «да»+«скорее да»). Доля тех, кто не разделяет подобную точку зрения и не видит различий в национальной и гражданской принадлежности людей, достойных монументального увековечивания, составляет 23,8 % (ответ «скорее нет»+«нет») (рисунок 8).

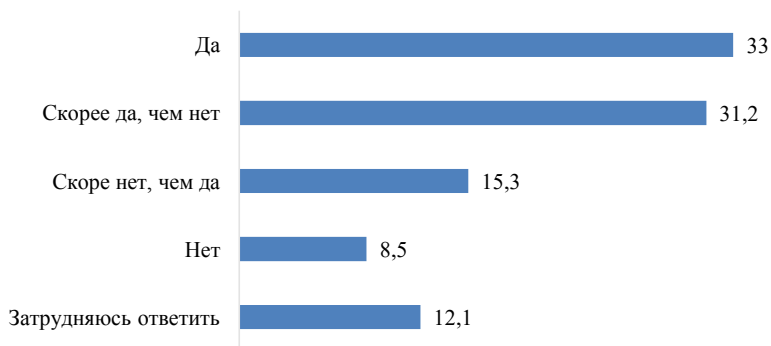

Рисунок 8 – Согласны ли Вы с утверждением, что памятники в первую очередь должны устанавливаться национальным героям Вашей страны? (в % от ответивших)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Вопрос о том, кто сегодня является национальным героем и шире, вопрос об общих представлениях о героическом среди миллениалов и постмиллениалов стран-участниц евразийской интеграции на данный момент не имеет однозначного ответа и, скорее, носит амбивалентный характер. Среди тех, кто в первую очередь достоин увековечивания, упоминаются герои боевых действий и ветераны (38,1 %), а также деятели культуры и искусства (21,3 %). Примечательно, что 16,6 % респондентов придерживаются той точки зрения, что сегодня вообще никто не заслуживает установки памятника, а еще 15,7 % из числа молодежи государств-участников евразийской интеграции затруднились с ответом на данный вопрос, что также подчеркивает неопределенность образа героя и героического в представлениях

современной молодежи на евразийском пространстве. Особенно стоит отметить довольно низкий уровень восприятия современных политиков и политических деятелей, выражающийся в том, что лишь 5,3 % респондентов из числа участников нашего исследования готовы признать их в качестве героев, заслуживающих установки памятника (рисунок 9).

Рисунок 9 – Кто, на Ваш взгляд, в большей степени заслуживает установки памятников сегодня? (в % от ответивших)

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Подобные распределения находят свое подтверждение в развернутых высказываниях информантов:

«Может быть, я не слежу за всем сегодня, но я не знаю никого, кого мог бы причислить к героям сегодня. Герой – это лидер. Честный лидер. Героем я считаю каждого человека, кто пошел на войну, какие бы у него не были мысли, потому что он защищал свой дом, свою Родину. Мне кажется, каждый такой человек считается героем, даже наши противники, потому что они шли за каким-то идеалом и их тоже можно считать героями. Политические лидеры не являются героями. Все политические лидеры неоднозначны для меня, поэтому не могу судить» (Адиль, гражданин Казахстана, 22 года, студент).

«Начнем с того, что современные политические лидеры они ни в коем случае героями не являются, просто с моей точки зрения они поддерживают... они просто поддерживают страну на плаву, но также меня беспокоит вопрос, что они вообще все коррумпированные, и тут уже речь об уважении не идет. Но если честно, у нас, конечно, вот в Киргизии, и на войне, и во всех исторических событиях герои были, но, к сожалению, я сейчас назвать их не могу» (Аида, гражданка Кыргызстана, 23 года, работающая).

«Ну, герой, наверное, это, по-моему мнению, это тот человек, который сделал что-то хорошее для своей страны. Герои нашей страны это – Эмомали Рахмон – таджикский государственный деятель. Также Бабоджан Гафуров – тоже государственный и партийный деятель. Мирзо Турсунзаде – таджикский поэт. Ну и таджикские герои, ушедшие на фронт – это Рахимов, Хабиев, Хакимов» (Майя, гражданка Таджикистана, 36 лет, работающая).

Мемориальное наследие СССР в социальной памяти молодежи постсоветских стран занимает важное место. Поколение постпамяти, в целом, выступает за его сохранение, несмотря на то, что в государствах-участниках евразийской интеграции предпринимаются попытки его пересмотра, связанные с поиском национальной идентичности независимых постсоветских государств.

Данный поиск отражается, в том числе в попытках поиска и увековечения памяти национальных героев досоветского периода, в которых часто, по-прежнему, проявляется ориентация на общую с Россией историю. Наиболее долгий путь отказа от советского мемориального наследия прошли Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан, наименьший – Беларусь.

Мемориальное наследие в социальной памяти молодежи представлено в первую очередь памятниками национальным и советским героям – государственным деятелям и деятелям

культуры, выдающимся полководцам, писателям, поэтам, героям боевых действий и покорителям космоса.

Большой пласт социальной памяти посвящен мемориальным комплексам, посвященным Второй мировой войне и вкладу республик в общую победу. В целом, представители поколения X и Y не посещают исторические музеи и выставки, получают информацию о мемориальном наследии от старшего поколения, родителей, художественных фильмов и школьной программы, в рамках которой часто и происходит реальное соприкосновение и знакомство с историческим монументальным наследием своих стран.

Представители молодежи, в основном, выступают против переименования городов, улиц и площадей, а также сноса советских памятников. В представлениях о героическом среди молодежи постсоветских государств, принявших участие в нашем исследовании, отмечается доминирование милитаристских представлений.

Таким образом, наше исследование позволяет констатировать, что общее мемориальное наследие на данный момент является, скорее всего, объединяющим фактором, способствующим евразийской интеграции, точкой сборки и ключевым элементом солидарности поколения постпамяти стран-участниц, что может способствовать успешной реализации интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Вместе с тем амбивалентность отношения молодежи к будущему политики меморизации в своих странах сохраняет возможность потенциального переосмысления в дальнейшем сложившегося консенсусного восприятия общего, в первую очередь советского мемориального наследия.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В условиях глобализации мировой экономики, основанной на приоритетном развитии высокотехнологичных производств и тесной кооперации между участниками общего экономического пространства, определяющим фактором успешности экономического развития любого государства и его конкурентным преимуществом становится степень его вовлеченности в процессы межгосударственной интеграции как в политической, так и в экономической сферах. Осознание этого факта пришло не сразу к странам – бывшим республикам СССР, понадобился достаточно длительный период размежевания и утраты, ранее установившихся экономических связей, во время которого были попытки интегрироваться с экономиками европейских стран и США. Однако практика показала, что выгодной является только такая интеграция, которая базируется на равноправном объединении участвующих в ней стран⁶⁷.

Настоящее исследование подтверждает предположение, что в условиях глобальной социально-экономической и политической нестабильности, современной острой идеологической борьбы за умы и сердца молодежи необходимо обращение к героическому прошлому, к ярким образцам нравственности и порядочности наших предков. Наши потери в историко-культурной среде

---

⁶⁷ *Вартанова М.Л., Киреев Е.Ю., Осадчая Г.И., Селезнев Г.И., Черникова А.А.* В книге: Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. М., 2020. С.147–180.

огромны. Но то, что не погибло до сих пор, можно спасти от уничтожения, бескультурья, бюрократического равнодушия.

За годы после распада СССР произошла ломка прежней системы человеческих ценностей, смещение моральных понятий, и теперь новое демократическое мышление рождает новые взгляды на историю, культуру, народные традиции. Однако отмечается, что никакая власть не способна заменить гуманистические основы, заложенные в этническом облике, культуре и духовном наследии народа. Осмысление эффектов глобальных финансово-экономических кризисов и их влияния на развитие молодежи в последние несколько лет находится под пристальным вниманием социологов и экономистов⁶⁸.

Современная молодежь представляет собой уникальное общество, постоянно сталкивающееся с кардинальными изменениями как в экономике, так и в социальной политике страны. Наиболее актуальным и полезным опытом из исторического наследия для сегодняшней молодежи, в том числе и из числа стран Евразийского экономического союза может быть один – традиция органического единства наших народов, которая наработана и отложена в ходе нашей истории в результате каждодневного упражнения в справедливости, взаимоуважении и согласии.

Несмотря на то, что каждый народ стран Евразийского экономического союза имеет свои традиции, обычаи, языки, героическое прошлое, – вместе они составляют общее наследие СССР. Возродить его, всегда помнить о нем и не терять его из виду – насущная задача времени. Надо верить в то, что смутные времена, нищета и бесправие простых людей – тружеников, неуважение к моральным и юридическим нормам человеческого общежития – временное явление. Устранение его заключается в хорошей, всесторонней подготовленности каждого молодого человека, входящего в самостоятельную жизнь.

---

⁶⁸ Карасик Е.А., Сулейманов Т.Д., Сайфутдинова Л.Ф. Российская молодежь как социально-экономический феномен // Вопросы экономики и права. 2014. № 12. С. 71.

Изучение опыта советской школы и преемственности традиций поколений в разрезе характеристик происходящих событий интересно по многим причинам. Во-первых, это важно с точки зрения наличия особых черт у молодежи, как обособленной категории населения. Во-вторых, изменение факторов внешней среды приводит к сдвигам в сознании, идентификации и поведении молодых людей, представляющих собой потенциал развития экономического общества в последующие 20–40 лет. Кроме всего вышесказанного, современное экономическое общество заставляет рассматривать категорию «молодежь» не только отдельно взятых государств, но и формирует понятие «мировая молодежь». Это приводит к поиску схожих и различных черт в условиях жизнедеятельности и взаимодействия с остальным обществом молодого поколения разных регионов и в разрезе пространственного социально-экономического развития.

Актуальность данной темы на сегодняшний день очевидна, что особенно связано с экономической ситуацией в России и мире в целом. Повсеместно введенные против России экономические санкции в сочетании с её публичной «травлей» и торгово-экономической блокадой позволяют говорить о необходимости формирования определенной системы ценностей у каждого россиянина⁶⁹.

Изучение научной литературы по гражданско-патриотическому воспитанию показало, что этот вопрос в разное время подвергался всестороннему изучению. Общетеоретическое значение для исследования комплекса вопросов гражданско-патриотического воспитания имеют работы Ю.П. Аверина, В.М. Арутюнян, А.К. Алиева, Э. Брукинга, Н.О. Вербицкой, Л.В. Орининой, Е.А. Карасик, Т.Д. Сулейманова, Л.Ф. Сайфутдиновой, В.В. Крамник, Т.Н. Самсонова и др.

---

⁶⁹ *Вербицкая Н.О., Оринина Л.В.* Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 11–10. С. 2248–2252.

Анализ содержания подавляющего большинства перечисленных исследований позволяет сделать вывод: в основном специалистами рассматривались отдельные, конкретные пути и средства (из числа многих) патриотического воспитания молодежи.

Предмет изучения – особенности и пути совершенствования процесса гражданско-патриотического воспитания школьников и студентов в новых современных условиях для решения задач повышения их готовности к воинской службе и защите Отечества. Цель работы: выявить устойчивые формы гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях экономической трансформации и интеграции общества. Исходя из цели нами были определены следующие задачи исследования:

1. Обосновать некоторые целесообразные формы и содержание гражданско-патриотического воспитания с учетом новых реалий интеграции и экономической трансформации общества.

2. Разработать рекомендации по повышению эффективности некоторых мероприятий в целях гражданско-патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Для решения поставленных задач были использованы методы исследования: теоретический анализ психолого-педагогической литературы; целенаправленное социологическое наблюдение; изучение, анализ, обобщение передового опыта работы преподавателей по патриотическому воспитанию обучающихся; анкетирование.

В работе был осуществлен теоретический анализ состояния исследуемой проблемы, который позволил нам выявить совокупность знаний о системе патриотического воспитания и его компонентах, и показал, что существует органическая связь между уровнем организации работы по патриотическому воспитанию молодежи и активностью исследований различных ученых-педагогов советской школы и публикаций в данной области.

Основная часть проанализированных нами источников была построена на данных Евразийской экономической

комиссии за последние пять лет. Также в работе были использованы труды отдельных авторов в области изучения интеграции государств Евразийского экономического союза из некоторых государствах-участниках евразийской интеграции.

Методической основой послужили труды отечественных экономистов, экспертов по вопросам развития интеграционных процессов в государствах-членах Евразийского экономического союза. В качестве информационной базы в работе были использованы интернет-ресурсы Евразийской экономической комиссии, органов государственной статистики стран-членов ЕАЭС и различных зарубежных статистических агентств.

Значительным вкладом в развитие данного исследования послужили следующие труды коллектива авторов:

- *Осадчая Г.И., Вартанова М.Л., Киреев Е.Ю., Черникова А.А.* Социальная память как важнейший институт гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях интеграции общества и экономических процессов // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. № 34 (2). С. 178–184.
- *Вартанова М.Л., Осадчая Г.И., Селезнёв И.А., Черникова А.А.* Историческая память молодёжи о Победе в Великой Отечественной войне // В сб.: *Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году*. М.: ООО «ИТД ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 384–407.
- *Осипов Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н., Вартанова М.Л., Киреев Е.Ю., Дробот Е.В., Селезнёв И.А., Выборнов Д.М.* Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография. М., 2018.

Изучение опыта гражданско-патриотического воспитания, накопленного советской школой, профессионально-техническими и суворовскими училищами, позволило выделить такие факторы, объективно сужающие сферу целенаправленного педагогически управляемого патриотического воспитания учащихся на современном этапе, как:

-
- устойчивое, массовое падение сознательной дисциплины в обществе;
  - не всегда продуманная и обоснованная дегероизация общества, бездоказательное аргументирование средствами массовой информации многих героев Гражданской и Великой Отечественной войн.

Однако при этом отмечается, что обучающиеся способны достаточно трезво оценивать сложившуюся экономическую ситуацию в современной России, понимая, что для формирования экономического патриотизма необходимо реализовать целый комплекс социально-экономических, социально-значимых, гражданских и патриотических мероприятий. При этом все без исключения проявили личную заинтересованность в опросе, высказывали комментарии и интересовались уровнем формирования патриотизма у россиян в целом в условиях интеграции и формирования экономического общества. Все это свидетельствует об актуальности заявленной теме, её практической и научной значимости.

Героическое прошлое и традиции народов СССР как важный элемент воспитания молодежи в условиях интеграции

История нашей Родины – богата и многогранна. Какие только события: радостные и трагические не происходили на территории нашей Родины. Были и разрушительные нашествия, и гибель огромных людских масс от меча иноземных захватчиков, эпидемий, голода. За многолетнюю историю народы России пережили всякое, но никогда не было противопоставление их друг, другу по этническому национальному или языковому признаку. Контакты между разноязычными обществами были непрерывными.

Население государств-членов Евразийского экономического союза на протяжении долгого времени находилось в постоянном соприкосновении с соседними народами, имевшими свои

особенности и традиции. Это была настоящая школа взаимной терпимости, разумного приспособления, достойных компромиссов, множества языков разных народов, разностороннего сотрудничества, вплоть до представления убежищ и военной помощи.

Непреодолимой ценностью также является традиция органического единства наших народов и народностей, глубоко разработанная и усвоенная ими школа разрешения конфликтов на всех уровнях – от бытового до общественно-политического и ценность эта не унаследована раз и навсегда, а наработана в ходе нашей истории в результате каждодневного упражнения справедливости, взаимоуважения и согласии. Главная задача стран-членов ЕАЭС, следовательно, – **в создании условий для благополучного и безопасного будущего народов** – членов нового объединения.

Оздоровление современного общества в условиях происходящих социально-экономических и политических процессов страны требует сегодня от нас пристального внимания к народным традициям, языку и героическому прошлому предков. Нынешняя далеко непростая жизнь подсказывает и даже заставляет глубоко и всесторонне познать каждому гражданину богатую историческую культуру о добрых межнациональных отношениях горцев между собой и с другими народами, культуру традиционного труда, поведения, родного языка, правовую, экологическую культуру, а также музыкальную, художественную и физическую.

Народные традиции и героическое прошлое народа являются важнейшими элементами духовной жизни человечества, которые аккумулируют в себе многовековой опыт и мудрость народной жизни, отражают исторические, социально-экономические условия, связи и взаимоотношения людей в обществе.

Традиции, обычаи, обряды и праздники тесно связаны с привычным укладом народной жизни, его психическим складом, бытом, духовным обликом. Они регулируют правила и нормы поведения людей в обществе, участвуют в формировании

мыслей и чувств. Для них характерны относительная самостоятельность, преемственность, повторяемость, наглядность, широкое распространение в народе и опора на силу общественного мнения.

В современном обществе «интеллектуальный капитал приобретает все более значимую роль», который и определяет конкурентоспособность экономических систем, а также выступает ключевым ресурсом их развития. На формирование народных традиций и обычаев решающее влияние оказывают способ производства, географическая среда, постоянство, подвижность, изолированность населения, общее историческое происхождение, родство языков и культур, господствующая идеология, мораль, право, религия и т.д.

Используемые примеры из жизни и творческой деятельности героев Великой Отечественной войны в процессе воспитания учащихся должны обладать большой воспитательной силой и воздействовать не только на сознание, но и на чувства, на нравственное поведение детей и подростков.

Своеобразие социального и экономического развития народов, их самобытность проявляет себя через традиции и обычаи. Они, возникая со становлением человеческого общества, выполняют различные функции в воспитании подрастающего поколения, выступая как часть образа жизни. Именно в традициях и обычаях проявляются особенности психического склада народа, ибо, формируя национальные обычаи и традиции, народ формируется сам, со своеобразными чертами и самобытностью.

Таким образом, традиции и обычаи не могут существовать вненационально, они существуют с национальной окрашенностью, выражая самобытность народа. Через них проявляются яркие и лучшие черты национального характера, нравственно – духовное ядро народа. С помощью традиций и обычаев и благодаря им народ может воспроизводить себя, развивать свою духовную культуру, свой характер, свою самобытность, передавая их из поколения в поколение. Полная или частичная потеря тра-

---

диций и обычаев вело к разрыву связи времени, тормозило развитие.

Преемственность, верность своим традициям и обычаям, своему духовному наследию можно рассматривать как пути и закон в жизнедеятельности любого народа.

Велика роль национальной школы в возрождении и развитии этнической культуры, ибо сохранение народом своей самобытности, самосознания зависит от того, каково состояние усвоения подрастающим поколением родного языка и национальной духовной культуры. Так, в прошлом, советская школа, Ленинский комсомол, Всесоюзная пионерская организация активно использовали в идейно-нравственном воспитании подрастающего поколения пример жизни и подвигов героев революции, войн и труда.

Главным в жизни подавляющего большинства советских подростков являлось стремление быть похожим на известных литературных героев, космонавтов, ученых, изобретателей, путешественников, спортсменов, т. е. «стать настоящим человеком», «любить Родину», «быть честным и справедливым» и т. д. Борьба пионерского коллектива за почетное право носить имя героя спланивала юных ленинцев на общественно-полезные дела, повышала их ответственность перед старшими поколениями за результаты учебы и труда, обогащала идейное содержание жизни пионерского отряда, дружины.

Воспитание в СССР пионеров и комсомольцев на примере жизни и подвигов героев революции, войны и труда велось эмоционально, идейно продуманно, с учетом возрастных особенностей детей. В целом эта работа имела положительное воздействие на становление личности молодого советского гражданина. Утрата традиционных прежних идеалов, поляризация идеологических точек зрения, столкновение с трудноразрешимыми проблемами требует сегодня от человека высокого уровня сформированности нравственной культуры. А достичь этого уровня не просто, если нет соответствующей базы воспитания.

Для детей же самым полезным и лучшим методом воспитания (как показывает предшествующий опыт поколений) является метод воспитания на примере народного героя.

Недостатком в воспитании молодежи того или иного региона являлось то, что воспитание велось на далеких, необъективных, малоизвестных данному народу примерах. В этой связи представляется важной разработка единых критериев оценки эффективности экономических процессов и развития гражданского общества с учетом изучения и применения опыта советской школы как универсальной интеграционной конструкции, в том числе и для народов государств-членов Евразийского экономического союза, которые за относительно короткое время сумели преодолеть историческую отсталость, и вышли на новый уровень социально-экономического развития.

Опыт советской школы по воспитанию молодежи в духе гражданственности и патриотизма, готовности к выполнению военного долга

Специальная морально-политическая и психологическая подготовка преследует цель подготовить будущего защитника Отечества к специфическим условиям армейской жизни, ознакомить с особенностями освоения боевой техники и оружия, раскрыть психологические особенности учебно-боевых действий. Необходимо отметить, что целевая, специальная и общая морально-политическая и психологическая подготовка старшеклассников к защите Родины осуществляется не только в ходе изучения военных, но и общеобразовательных дисциплин, в ходе проведения внеклассных и внешкольных мероприятий

Обозначенные направления морально-политической и психологической подготовки старшеклассников к защите Родины, по нашему мнению, реализуются в едином комплексе воспитательной работы. И в то же время разделение сложного и многопланового психолого-педагогического процесса на общую, специальную и целевую подготовку необходимо, прежде всего,

---

для того, чтобы яснее представлять структуру, содержание этого процесса, эффективнее отбирать комплекс средств, форм и методов воздействия на личность воспитанника с целью формирования у него готовности к защите Родины, необходимых для этого морально-политических и боевых качеств, выработки устойчивых навыков и свойств психики для успешного овладения военным делом, а также для того, чтобы конкретно и целенаправленно осуществлять планирование военно-патриотической работы.

Такое разделение помогает конкретизировать задачи морально-политической и психологической подготовки. Если понимание общих задач у большинства исследователей совпадает, то относительно понимания содержания специальных задач такого единства нет. Более того, в ряде работы постановка таких задач или отсутствует, или смешивается с общими, что, в конечном счете, затрудняет качественную дифференциацию диагностических функций показателей (признаков), критериев готовности будущих воинов к службе в армии.

В периодической печати порой встречаются публикации, вскрывающие (и порой справедливо) негативные явления в армии. Но эмоции очень часто так переполняют авторов, что их материалы начинают носить агрессивный, антиармейский характер, исторические факты искажаются, полностью перечеркивается героическое прошлое Отчизны. Отметим более взвешенные и продуманные работы. Преимущество высокого уровня физической подготовленности проявляются, в основном в экстремальных условиях на фоне глубокого утомления и является важнейшим фактором надежного выполнения профессиональных действий в экстремальных условиях.

Вопросы военно-патриотического воспитания молодежи средствами физической культуры нашли свое отражение в работах С.А. Голуба, Ю.А. Чернова и др. Многие авторы в своих работах подчеркивают, что физическая культура и спорт являются важным фактором, определяющим успешную подготовку учащихся старших классов к службе в армии, улучшение

морально-волевых качеств у допризывной молодежи. Однако в целом ряде работ, научных публикациях отмечается тот факт, что уровень физической подготовленности учащихся старших классов к службе в армии не отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Ряд авторов отмечает высокую роль физической культуры и спорта в подготовке учащейся молодежи к службе в рядах Вооруженных Сил. К примеру, К.В. Паневин пишет, что большое внимание к физической подготовке следует уделять в IX–XI классах, в программу для старшеклассников необходимо включать упражнения, которые входят в наставления по физической подготовке в Армии и Военно-Морском Флоте. Так, продолжая эту тему, А.А. Аронов указывает на возможность формирования в этом возрасте правильных представлений о современных требованиях к физической подготовленности воина, предлагает своевременно знакомить учащихся с жизнью и бытом солдат.

Исходя из опыта педагогов советской школы по военно-патриотическому воспитанию, подготовке юношей старших классов к службе в армии необходимо использовать во внешкольной работе разнообразные формы и методы физической культуры. Следует отметить, что в ряде учебных пособий, предназначенных для студентов педагогических вузов, вопрос использования в учебно-воспитательном процессе средств физической культуры и спорта освещен в недостаточной степени.

Большое значение для разработки системы военно-патриотического воспитания имеет анализ психолого-педагогической природы готовности учащихся к защите Родины. Мы не ставили в своей работе цели широкого рассмотрения этого вопроса, это – тема специального исследования. Так, неиссякаемым источником формирования гражданских качеств, нравственного, военного и гражданско-патриотического воспитания молодежи являются боевые и трудовые традиции народа. Выдающиеся представители человечества придавали и придают большое

значение изучению молодежью истории своей Родины, вопросам воспитания у подрастающего поколения чувства любви к своей Родине, патриотизма и дружбы между народами. По мнению Б.А. Фролова, очевидна настоятельная необходимость воспитания учеников на боевых и трудовых подвигах своего народа, на примерах героической жизни его лучших представителей, исторических преобразований в крае. Значение боевых и трудовых традиций как важного средства военно-патриотического воспитания важно для формирования личности школьника. Боевым и трудовым традициям свойственны нравственно-этическое регулирование отношений между людьми в их социальной практике и быту; идеологическая, воспитательно-образовательная роль и одухотворенность.

С момента выхода на историческую арену каждый народ старался сохранить и оберегать свое национальное достоинство, самобытность, независимость и территориальную целостность. Все это диктует необходимость подготовки подрастающего поколения, современной российской молодежи к армейской службе, защите родной земли, своего Отечества уже со школьной скамьи, со школьных лет. На наш взгляд, решающая роль в формировании готовности юношей к выполнению высшего долга, оборонно-защитных функций принадлежит специально организованному для этой цели учебно-воспитательному процессу, позволяющему эффективно вести их морально-политическую, психологическую и физическую подготовку. В этой связи важно обратить внимание:

- на усиление взаимодействия в работе преподавателей общеобразовательных дисциплин;
- планировать и проводить специальную методическую подготовку учителей к решению задач гражданско-патриотического воспитания;
- сформировать гуманистическое отношение к окружающему миру и людям, активную гражданскую позицию, понимание прав и свобод личности;

-
- вести постоянную работу по социализации обучающихся, готовить их к жизни в новых условиях социально-экономического развития;
  - предусматривать в планах предметно-методических комиссий разработку педагогическими коллективами или наиболее опытными педагогами авторских учебников, учебно-методических пособий, содержащих рекомендации по организации гражданско-патриотического воспитания при изучении общеобразовательных дисциплин.

Эффективность процесса гражданско-патриотического воспитания в значительной мере возрастает при условии, если процессу изучения общеобразовательных предметов (например, предметов гуманитарного цикла) придается воинская направленность, адекватная содержанию и требованиям, предъявляемым к готовности к защите Отечества. Система внеурочной и внешкольной работы и непосредственно связанная с ней физическая культура и спорт является эффективным средством формирования готовности к защите Родины, если отвечает следующим требованиям:

- 1) имеет четкую идейно-нравственную направленность;
- 2) интегрирует с другими компонентами процесса допризывной подготовки;
- 3) подбор средств физической культуры и спорта реализует в комплексе задачи формирования готовности к защите Родины;
- 4) цели системы, отдельных ее частей, организационных форм включают формирование качеств личности будущего воина, двигательных умений и навыков, военно-прикладных знаний, мотивации деятельности, направленной на защиту Родины.

В последние годы достаточно хорошо зарекомендовали себя такие формы внеклассной и внешкольной работы, как проведения военно-спортивных игр; занятия в военно-технических кружках; организация соревнований, наглядно показывающих

уровень владения учащимися знаниями, умениями и навыками по военному делу; подготовка и проведение литературно-художественных композиций на военно-патриотическую тему; проведение конкурсов на лучшего исполнителя стихов, песен, воспевающих подвиг воинов нашей армии: проведение вечеров (встреч) призывников со служащими в рядах российской армии воинами. Так, отвечая на вопросы викторины, ученики спорят, учатся аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Действенным средством допризывной подготовки, фактором повышающим целостность процесса формирования у школьников готовности к защите Родины выступает проведение военно-спортивного сбора. Сбор связывают различные виды деятельности (познавательную, спортивную, военную, трудовую и др.) в единое целое; актуализирует задачи подготовки к службе в армии; расширяет круг общения старшеклассников, что способствует формированию важных гражданских качеств защитника Родины – ответственности, долга, взаимовыручки. Ведущими средствами в организации и проведении военно-спортивного сбора являются средства физической культуры и спорта. На следующем этапе решаются задачи преимущественного развития физических качеств формирования военно-прикладных двигательных навыков и умений, повышения устойчивости к неблагоприятным факторам учебно-боевой деятельности.

Эффективность организации и проведения военно-спортивных сборов как фактора доармейской подготовки старшеклассников зависит от их социальной и личной значимости, возможностей моделировать реальные условия армейской жизни.

Таким образом, перестройка в деле гражданско-патриотического воспитания молодежи в современных условиях интеграции гражданского общества и социально-экономических процессов должна пойти по пути его дифференциации, индивидуализации, учета возрастных особенностей, интересов учащихся, соблюдения принципа добровольности в осуществлении допризывной подготовки, разработки новых организационных форм, совершенствования физической и моральной подготовки.

Необходимо поддержать этот уровень патриотизма и не дать ему угаснуть, а эта задача уже ложится на главные институты общества и, конечно, на нас самих, ведь в решении проблем гражданско-патриотического воспитания современного поколения должна в первую очередь принимать участие сама молодежь, осознавая всю важность своего участия в жизни Родины, любить, знать и уважать ее культуру, традиции и историю, но при этом не забывать, что тема патриотизма сложная и противоречивая, потому что патриотизм – это не только любовь к своей Родине и ее защита, это и уважение к другим традициям, другим культурам.

Проведенное исследование позволило расширить существующие представления о возможностях внеурочной и внешкольной работы в решении задач военно-патриотического воспитания, о путях использования этих возможностей в практике, обосновать педагогические условия повышения эффективности допризывной подготовки молодежи. В связи с этим ориентируясь на первичные результаты мониторинга гражданско-патриотического воспитания обучающихся, можно рекомендовать следующие направления работы:

1. Система внешкольной деятельности должна образовывать определенную последовательность усложнения целей и средств формирования готовности к защите Родины.

2. В целях расширения поставленных задач необходимо добиваться взаимосвязи, последовательности отдельных мероприятий по формированию необходимых качеств патриотизма.

3. Использовать во внешкольной и внеурочной деятельности формы и методы, стимулирующие активную работу по формированию идей доармейской подготовки, вооружающие учащихся старших классов практическими умениями и навыками, моделирующие условия армейской службы.

4. Необходимо в большем количестве создавать школьные исторические музеи. Они должны жить как первичные ячейки научного сбора и хранения исторического материала и соци-

---

альной памяти, как массовые посты охраны археологических и историко-архитектурных объектов.

Практика показывает, что традиционная форма воспитания подрастающего поколения в современных условиях это, прежде всего, социальное мнение, где мнение общественности очень важно. Человек, кровно связанный с родным народом, впитавший в плоть и кровь его духовные, моральные богатства, несомненно, обогащается его опытом, мудростью, следовательно, лучше подготовлен к жизни – к трудовой деятельности, к созданию и укреплению семьи, к общению с людьми, к участию в общественных делах, к воспитанию будущего поколения. И в новых экономических условиях современный молодой человек имеет лучшие возможности реализовать свои потенциальные способности и дарования, уверенно самоутвердиться в жизни.

Необходимым условием повышения эффективности использования социальной памяти является взаимосвязь семьи, дошкольных учреждений, школ и общественности. Практика показывает, что традиционная форма воспитания подрастающего поколения при умелой организации с использованием опыта старшего поколения помогает проводить большую воспитательную работу. Человек, кровно связанный с родным народом, впитавший в плоть и кровь его духовные, моральные богатства, несомненно, обогащается его опытом, мудростью, следовательно, лучше подготовлен к жизни – к трудовой деятельности, к созданию и укреплению семьи, к общению с людьми, к участию в общественных делах, к воспитанию будущего поколения. Такой человек имеет лучшие возможности реализовать свои потенциальные способности и дарования, уверенно самоутвердиться в жизни. Все это в очередной раз подтверждает необходимость создания новых методов преподавания, как было уже отмечено ранее, которые бы были направлены на воспитание мужественного, верного своему Отечеству гражданина, способного на самопожертвования ради своего народа, своего Отечества. Таким образом, обязательное конструирование моделей социального

взаимодействия и взаимозависимости между государствами-членами ЕАЭС становится актуальной геополитической стратегией, реализация которой способна обеспечить более успешное решение социальных и экономических проблем, ускорить формирование общего правового поля, образовательного, экономического сотрудничества и культурного обмена государств-членов ЕАЭС.

В современных условиях экономической трансформации государств-членов Евразийского экономического союза и интеграции происходят серьезные социально-экономические и политические преобразования, а экономика переходит в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы. И здесь, именно молодое поколение несет ответственность за будущее своей страны, одновременно являясь отражением ранее принятых решений.

Воспитание молодого поколения с максимальным учетом тех общественных условий, в которых оно будет жить, и работать, улучшение воспитательной работы по месту жительства, с ранних лет воспитывать у детей любовь к Родине и отечественной истории, уважения к старшим и коллективизм, культуру поведения – все эти средства, традиции и обычаи необходимо мобилизовать на воспитание молодежи в условиях новой социальной и экономической реальности.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Проблематика социальной памяти является актуальной как в научном дискурсе, так и в публичных дискуссиях. В настоящее время важное значение приобретает «коллективный носитель социальной памяти (прежде всего, поколение) как та социальная сила, которая сохраняет в общественном сознании в качестве ценностно-значимых определенные исторические события»⁷⁰. Субъектами практики меморизации исторических событий являются как государственные, так и бизнес структуры, заинтересованные в формировании общественного мнения определенной направленности. В последнее время такими субъектами выступают некоммерческие организации, репрезентирующие события прошлого. Кроме того, в настоящее время музеи (в том числе, его виртуальные аналоги) стали «институтом социальной памяти, а также инструментом просвещения и транслятором основной национальной идеи – идеи того, что Россия – просвещенное государство, хранящее свою историю»⁷¹.

Помимо этого, социальная память «транслируется посредством средств массовой коммуникации, создающих общие смысловые рамки для индивидуальных траекторий существования»⁷². Речь идет об историко-культурном наследии, просвещении, в ходе которого формируется историческое и этическое сознание людей.

---

⁷⁰ Наумов Д.И. Концептуализация социальной памяти в социально-гуманитарном знании: теоретико-методологический аспект // Подольский научный вестник. 2019. № 3 (11). С. 97.

⁷¹ Дорохина Р.В., Марина М.В. Музей как инструмент просвещения и институт социальной памяти (социально-этический аспект) // Философия и общество. 2020. № 4 (97). С. 97.

⁷² Наумов Д.И. Указ. работа. С. 94.

М. Хальбвакс в книге «Социальные рамки памяти» теоретически обосновал, что «коллективная память» в функциональном аспекте является фактором «поддержания чувства солидарности, устойчивости и единства сообщества»⁷³.

М.С. Матасов так понимает социальную память: «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению»⁷⁴.

По О.В. Головашиной, социальная память – это «человеческое осмысление времени, попытка принять его и освоить в период темпоральной трансформации. Анализ места и особенностей социальной памяти на современном этапе развития общества и человека позволит лучше понять особенности темпоральности»⁷⁵. Все определения предполагают в темпоральном плане взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего.

Социальная память дает возможность описать «генезис общества, цели и трактовку текущего положения дел, создавая исторический нарратив, в рамках которого индивидуальная идентичность вбирает в себя эмпирические схемы, основанные на коллективных представлениях о прошлом, настоящем и будущем»⁷⁶, – как пишет Д.И. Наумов.

---

⁷³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

⁷⁴ Матасов М.С. Значимость агентов конструирования социальной памяти в формировании положительного образа стартапа как нового социально-экономического явления // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов: СГУ, 2021. С. 556.

⁷⁵ Головашина О.В. Темпоральный подход к исследованию социальной памяти // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 2 (2). С. 29.

⁷⁶ Наумов Д.И. Концептуализация социальной памяти в социально-гуманитарном знании: теоретико-методологический аспект // Подольский научный вестник. 2019. № 3 (11). С. 92.

Настоящее может в некоторой степени определять прочтение прошлого и оказывать влияние на будущее (схема 1).

Схема 1 – Взаимосвязь репрезентации социальной памяти в прошлом, настоящем и будущем

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Социальная память, согласно Е.А. Мокроусовой, «отражает способность индивидов сохранять и воспроизводить социально значимую информацию, обеспечивая при этом трансляцию социального опыта и социальных знаний. Наличие социальной памяти обеспечивает длительность и непрерывность развития социальных институтов, поскольку социальная память оправдывает и подкрепляет их существование соответствующими образцами воспоминаний»⁷⁷, общих для всех членов общества.

Согласно Г. Бакиевой, социальная память – это «явление, поддерживающее социальную структуру общества»⁷⁸ и «социальную устойчивость общества»⁷⁹, а социальная амнезия – это противоположное «явление, ее разрушающее»⁸⁰. При этом формирование социальной памяти – это «деятельность акторов (индивидов, групп, организаций, социальных институтов, общностей), направленная на молодежь стран, участвующих

⁷⁷ Мокроусова Е.А. Феномен социальной памяти: легитимация социальных институтов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (74). С. 112.

⁷⁸ Бакиева Г. Социальная амнезия // Электронный научно-образовательный журнал «Полисфера». 2002. URL: <http://polysphere.freenet.kg/> по I / PSFIA12.htm.

⁷⁹ Дюжиков С.А., Кумыков А.М. Социальная память и социальное беспамятство в социокультурных практиках рецепции прошлого: проблемное поле социально-философского исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 16.

⁸⁰ Бакиева Г. Социальная амнезия // Электронный научно-образовательный журнал «Полисфера». 2002. URL: <http://polysphere.freenet.kg/> по I / PSFIA12.htm.

в евразийской интеграции, – по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего»⁸¹, которые взаимосвязаны с настоящим.

Социальную амнезия рассматривается как «социокультурное явление и как процесс, выражающийся в экспансии социального беспамятства, частичной утрате памяти о значимом прошлом в обществе, в размывании чувства самоценности истории и наличии искаженного опыта прошлого, в стремлении элиты созидать новое без опоры на знание о прошлом»⁸².

По А.М. Кумыкову и З.А. Жапуеву, социальная амнезия, характеризуется тем, что «смысловые взаимосвязи актуализации исторического прошлого и распространения социальной амнезии в российском обществе обусловлены тем, что социальная трансформация и модернизация у нас наталкивается на элементы архаики, традиционализма и пласты мифологического мышления»⁸³.

Именно проявления социальной амнезии задают «вектор социальной энтропии, становятся фактором эскалации энтропийных процессов, которые, в свою очередь, становятся источником воспроизводства рискогенной социальной реальности, в которой наибольшую угрозу представляют забвение или искажение исторической памяти»⁸⁴. То есть, социальная амнезия опасна, поскольку она «разрушает фундамент культуры»⁸⁵ народа.

---

⁸¹ *Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Вартанова М.Л., Черникова А.А.* Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 482.

⁸² *Кумыков А.М.* Социальная амнезия в ракурсе социальной философии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 57.

⁸³ *Кумыков А.М., Жапуев З.А.* Смысловые взаимосвязи актуализации исторического прошлого и распространения социальной амнезии в российском обществе // Вестник РАЕН. 2013. Т. 13. № 3. С. 32.

⁸⁴ *Кумыков А.М., Маршак А.Л., Живой А.С.* Социальная амнезия и социальная энтропия в предметном поле социально-философской рефлексии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 71.

⁸⁵ *Бакиева Г.* Социальная амнезия // Электронный научно-образовательный журнал «Полисфера». 2002. URL: <http://polysphere.freenet.kg/> / по I / PSFIA12.htm.

Проявления социальной амнезии демонстрируют «имеющуюся связь случаев культурного вандализма с уровнями развития культуры, образования и воспитания молодого поколения»⁸⁶ в том или ином регионе.

Социальная амнезия, находясь во взаимосвязи с явлением культуры, реализуется в двух направлениях. Первое обусловлено «способностью и функциональным предназначением медиатекста видеть и отбирать существенные для культуры факты, когда происходит постепенное поступательное забвение современных смыслов и их замещение более новыми, в первую очередь, ценностно значимыми»⁸⁷. Второе же направление определяется «патогенным в своей основе, свойством современного медиатекста, когда в нем сочетается стремление к объективности, актуальности, адекватной взаимосвязи с действительностью и продуцирование синхронной «слепоты», пренебрежения общественно значимыми и уже зафиксированными фактами, явлениями, смыслами»⁸⁸, которые являются устоявшимися.

Феномен социальной амнезии наиболее ярко проявляется «в периоды социокультурных кризисов, из-за чего конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса приобретает циклически-волновую природу, когда периодически утраченное содержание памяти может возвращаться в историю в переработанном виде, откликаясь на запросы эпохи»⁸⁹. Искажения в трансляция социальной памяти нарушают социальную безопасность⁹⁰ в целом – как на региональном, так и на глобальном уровнях.

---

⁸⁶ Казакова А., Калиниченко О. Социальная амнезия как фактор утраты культурного наследия // Самоуправление. 2016. № 7–8 (101). С. 34.

⁸⁷ Шестакова Э.Г. Медиатекст и проблема социального забвения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 30.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Кумыков А.М. Социальная амнезия в ракурсе социальной философии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 61.

⁹⁰ Москаленко М.Р., Леоненко Е.Г., Юдин И.В. Трансляция исторической и культурной памяти как фактор социальной безопасности: вопросы

К сожалению, «процессы конструирования национальной исторической памяти, зачастую подогреваемые соответствующими политическими заказами, в настоящее время значительно активизируются»⁹¹ в разных государствах.

А «искусственное конструирование социальной амнезии» является следствием «применения к общественному сознанию манипулятивных технологий, сущность которых заключается в целенаправленной эксклюзии идей, культурных образов и – прямо или опосредованно – тех социальных групп, интересы, идентичность и воспоминания отражают эти идеи»⁹².

В настоящее время «атрибутом локально-групповой памяти является форма взаимодействия с публичным дискурсом и степень включенности (или: невключенности, противоречивости) ее содержания в официальный дискурс. Локальные войны, как войны, несущие в себе идеологический заряд критики прошлой политики государства, часто могут быть объектом исключения, забвения, умолчания со стороны официального дискурса, что приводит к капсулированию памяти и вытеснению ее в сферу маргинального»⁹³. Так, социальная память выступает «условием восстановления социального иммунитета российского общества в контексте возрождения цивилизационной идентичности России»⁹⁴, а это невозможно осуществить без участия

изучения со студентами // Региональные аспекты экономической безопасности. Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 2021. С. 61–63.

⁹¹ Аникин Д.А. Глобалистский проект политики памяти: предпосылки социально-философского анализа // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 94.

⁹² Живой А.С. Социальная амнезия как компонент социальной памяти // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 205.

⁹³ Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 46.

⁹⁴ Жануев З.А. Реинституционализация социальной памяти как фактор консолидации и восстановления социального иммунитета российского общества в условиях модернизации // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 147.

структур гражданского общества⁹⁵, в первую очередь, некоммерческих организаций. Рассмотрим социальные проекты, ставшие победителями Фонда президентских грантов для российских некоммерческих организаций по направлению «Сохранение исторической памяти»⁹⁶ 2017–2022 гг., и произведем их тематическую градацию схематически (схема 2).

Обобщенная тематика социальных проектов по грантовому направлению «Сохранение исторической памяти»								
↓		↓		↓		↓		
Сохранение и восстановление исторической памяти (проекты универсальной направленности)		Сохранение исторической памяти об исторических событиях		Краеведческая работа по сохранению истории конкретных территорий и населенных пунктов		Восстановление народных ремесел, создание музеев		Патриотическое воспитание подрастающего поколения

Схема 2 – Обобщенная тематика социальных проектов, поддержанных Фондом президентских грантов по грантовому направлению «Сохранение исторической памяти»⁹⁷

Источник: составлено автором по результатам исследования.

⁹⁵ Волкова О.А. Саморегуляция деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в контексте их государственного регулирования: амбивалентность развития гражданского общества // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31. № 2. С. 195–196.

⁹⁶ Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф>.

⁹⁷ Типология построена по материалам поддержанных проектов 2017–2022 гг. / Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф>

Тематическое направление «Сохранение и восстановление исторической памяти (проекты универсальной направленности)» предполагает проведение комплекса мероприятий, нацеленных на развитие и восстановление социальной памяти

Обратимся к рассмотрению примеров социальных проектов данного типа.

Некоммерческая организация: Фонд патриотического воспитания «Патриотическая волна» (Самарская область). Социальный проект: «Мы делаем историю! Вовлечение старших школьников Самарской области в восстановление исторической памяти» (2017 г.). Цель социального проекта: повысить вовлеченность старших школьников Самарской области в восстановление исторической памяти.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Институт независимых исследований в области образования» (Москва). Социальный проект: «Сохранение исторической памяти о крестьянских восстаниях 20-х годов XX века как способ достижения гражданского мира: цифровая и перформативная перспективы» (2017 г.). Цель социального проекта: изучение и сохранение исторической памяти о крестьянских восстаниях 1920-х годов для предотвращения конфликтов и роста экстремизма в настоящем.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация культурного и духовного развития «У-ра» (Самарская область). Социальный проект: «Межрегиональный проект «Фестиваль исторической памяти «Русь. Эпоха объединения – 2019»» (2018 г.). Цель социального проекта: сохранение исторической памяти посредством инновационной методики фестиваля исторической памяти.

Некоммерческая организация: Религиозная организация «Высоко-Петровский мужской монастырь г. Москвы Русской

Православной Церкви (Московский патриархат)» (г. Москва). Социальный проект: «Русская мемориальная культура как способ патриотического воспитания и формирования исторической памяти современной молодежи» (2020 г.). Цель социального проекта: актуализация имеющихся знаний по истории России и ее культурных традиций у студенческой молодежи Москвы и Московской области и повышение уровня этих знаний; популяризация и дальнейшее развитие дополнительных источников знания об истории России и ее культурных традиций как системы формирования исторической памяти у студенческой молодежи. В этом проекте наблюдается сочетание общеисторической и патриотической направленности реализуемых мероприятий.

Тематическое направление: «Сохранение исторической памяти об исторических событиях» представлено, в первую очередь, проектами о событиях периода Великой Отечественной войны

Существуют знаковые «исторические события, как, например, в России – Великая Отечественная война, Куликовская битва, Крещение Руси»⁹⁸, которые становятся ключевыми содержательными компонентами социальной памяти.

Рассмотрим примеры социальных проектов данного типа.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация содействия развитию культуры, научно-популярного кинематографа, образования «Просвещение» (Санкт-Петербург). Социальный проект: «Сохранение исторической памяти о Маршале Победы Л.А. Говорове» (2019 г.). Цель социального проекта: патриотическое воспитание и формирование у подрастающего поколения чувства патриотизма, глубокого уважения к подвигу своего народа и истории родной страны;

---

⁹⁸ Мокроусова Е.А. Феномен социальной памяти: легитимация социальных институтов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3 (74). С. 112.

увековечение памяти выдающегося советского полководца – кавалера ордена «Победы» и Маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова; правдивый, без пафосного псевдопатриотизма и очернительства, рассказ о значимых событиях прошлого, связанных с обороной Ленинграда, прорывом и снятием беспрецедентной в истории человечества блокады. В данном социальном проекте, с одной стороны, представлены события периода Великой Отечественной войны, с другой – история столичного города.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация «Институт внешнеполитических исследований и инициатив» (Москва). Социальный проект: «Ким Филби и Кембриджская пятёрка: сохранение исторической памяти о героях-разведчиках. К 100-летию Службы внешней разведки России» (2019 г.). Цель социального проекта: создание ориентированной на молодёжь информационной инфраструктуры в целях сохранения памяти и распространения достоверных знаний о деятельности Кима Филби и «Кембриджской пятёрки», их вкладе в победу над фашизмом и укрепление безопасности нашей страны.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация культурного и духовного развития «У-ра» (Самарская область). Социальный проект: «Герои на все времена! Посвящается юбилею Великой победы. Военно-патриотический квест как технология восстановления исторической памяти» (2019 г.). Цель социального проекта: сохранение исторической памяти посредством инновационной методики содержательно наполненного квеста.

Некоммерческая организация: Мурманское областное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (Мурманская область). Социальный проект: «Прикосновение к исторической памяти о Великой Победе в Заполярье для слепых и слабовидящих людей» (2019 г.). Цель социального проекта: сохранение исторической памяти

времен Великой Отечественной войны посредством воспроизведения объектов исторического наследия в тактильном формате для людей с проблемами зрения.

Некоммерческая организация: Кондинская районная общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Социальный проект: «Проведение цикла познавательных-патриотических игр на территории поселений муниципального образования Кондинский район, в том числе: гп Междуреченский, с. Леуши, п. Лиственичный, п. Ягодный, с. Ямки, гп Мортка, гп Куминский, сп Половинка, посвященные сохранению исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов «Аты – баты, шли солдаты» (далее – проект)» (2020 г.). Цель социального проекта: сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, через организацию насыщенного досуга для разновозрастной аудитории населения и формирование общественного мнения у жителей Кондинского района о необходимости уважительного отношения к ветеранам войны, ветеранам трудового фронта, их заслугам и подвигам.

Некоммерческая организация: Всероссийское общественное движение «Волонтёры Победы» (г. Москва). Социальный проект: «Международная онлайн-школа волонтеров сферы сохранения исторической памяти» (2021 г.). Цель социального проекта: Организация онлайн обучения волонтеров сферы сохранения исторической памяти с последующей реализацией проектов, направленных на противодействие фальсификации истории Второй мировой войны.

Некоммерческая организация: Московская областная спортивно-кинологическая общественная организация «X легион» (Московская область). Социальный проект: «Серия военно-патриотических мероприятий «Фронтная собака» в Московской области и Москве, посвященных сохранению исторической

памяти о кинологах и собаках ВОВ, направленных на сохранение исторической правды, изучение событий ВОВ и противодействие их фальсификации» (2021 г.). Цель социального проекта: исследование, передача и сохранение исторической памяти о военных кинологах и собаках, их службе в годы Великой Отечественной Войны при помощи серии военно-патриотических мероприятий, организованных в формате лекций, квестов и реконструкций, для детей, молодежи и людей старшего возраста в г. о. Долгопрудный, Химки, Лосино-Петровский и г. Москве в целях повышения качества знаний о родном крае и подвигах кинологических подразделений при обороне Москвы.

Некоммерческая организация: Фонд сохранения исторической памяти и поддержки патриотических инициатив «Мир ради жизни» (г. Москва). Социальный проект: «Газета с фронта» (2022 г.). Цель социального проекта: актуализация фронтовой печати как дополнительного источника по изучению судеб участников Великой Отечественной войны.

Образ Великой Отечественной войны является «консолидирующим и центральным», он «имеет перспективы стать одной из доминант исторической памяти для формирующейся в нём новой русскоязычной культурной идентичности, которая не лимитируется географическими границами и социальными барьерами»⁹⁹.

Тематическое направление «Краеведческая работа по сохранению истории конкретных территорий и населенных пунктов» предполагает реализацию проектов по восстановлению социальной памяти, связанной с репрезентацией конкретных событий и территорий

Обратимся к рассмотрению современных примеров социальных проектов, относящихся к данному типу.

---

⁹⁹ Денисов Ю.П. Социальные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян. Современные проблемы науки и образования: сетевое издание. 2013. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9922> (дата обращения: 20.02.2023).

Некоммерческая организация: Коми региональное частное учреждение социального развития «Созидание» (Республика Коми). Социальный проект: «Краеведческий музей студенческих отрядов как форма сохранения исторической памяти и пропаганды патриотического движения студотрядов» (2017 г.). Цель социального проекта: сохранение одной из ярчайших страниц истории Коми края – истории патриотического движения студенческих отрядов в республике, дальнейшая пропаганда и трансляция лучшего опыта патриотического движения студенческих отрядов современной студенческой и учащейся молодёжи, воспитание у подрастающего поколения чувства любви к своей Родине, патриотизма.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация «Тамбовское библиотечное общество» (Тамбовская область). Социальный проект: «Сохранение исторической памяти об исчезнувших сельских поселениях Тамбовской области» (2017 г.). Цель социального проекта: сохранение исторической памяти и культурного наследия; вовлечение широкой общественности в краеведческую работу; внедрение информационных технологий в социально-культурную сферу общества.

Некоммерческая организация: Коми региональное частное учреждение социального развития «Созидание» (Республика Коми). Социальный проект: «Музей учительства как форма сохранения исторической памяти, становления и развития системы образования Республики Коми» (2018 г.). Цель социального проекта: воссоздание, сохранение и популяризация истории становления и развития системы образования в Республике Коми в период с 1864 по настоящее время.

Некоммерческая организация: Религиозная организация «Православный приход Храма святых царственных страстотерпцев пгт. Массандра г. Ялта Республики Крым Симферопольской и Крымской епархии» (Республика Крым). Социальный проект: «АрхеoМост. Воспитание исторической памяти» (2019 г.).

Цель социального проекта: способствовать формированию правильной мировоззренческой системы, бережного и внимательного отношения к историческому наследию нашего края у молодёжи, студенчества, жителей и гостей полуострова через восстановление и сохранение археологических и культурно-исторических памятников Республики Крым.

Некоммерческая организация: Ассоциация по сохранению и развитию природного и культурного наследия «Голос Севера» (Архангельская область). Социальный проект: «Разработка концепции создания в п. Пинега и п. Голубино Пинежского района дестинации, способствующей сохранению и восстановлению исторической памяти на Русском Севере, возрождению патриотизма и гордости за родной край у молодёжи, улучшения качества жизни сельского населения и развитию туризма в Архангельской области» (2019 г.). Цель социального проекта: выявление основных направлений по дальнейшему развитию дестинации «Пинежье» через сохранение природного и культурного наследия; привлечение внимания молодёжи и стейкхолдеров на территории к возможностям и формированию картины будущего.

Некоммерческая организация: Союз краеведов Ульяновской области (Ульяновская область). Социальный проект: «Межрегиональный краеведческий форум «Ленин крупным планом: трансформация исторической памяти в пространстве регионов» к 150-летию со дня рождения В.И. Ульянова-Ленина» (2019 г.). Цель социального проекта: широкая трансляция научного знания, структурирование обыденных представлений о прошлом, трансформация коллективной исторической памяти в региональном пространстве современной России ради преодоления раскола в обществе.

Некоммерческая организация: Местная религиозная организация Православный приход храма святителя Николая Чудотворца г. Таганрога Ростовской области религиозной организации «Ростовская-на-Дону Епархия Русской Православной Церкви

(Московский патриархат)» (Ростовская область). Социальный проект: «Православная инициатива «От ангела к ангелу»: восстановление исторической памяти об утраченных православных храмах Таганрога» (2020 г.). Цель социального проекта: Восстановление и сохранение исторической памяти об утраченных православных храмах Таганрога.

Некоммерческая организация: Костромская городская молодежная общественная организация «Мы» («Костромская область»). Социальный проект: «Кострома – город историй: вовлечение молодежи в изучение и сохранение исторического наследия и городской исторической памяти» (2020 г.). Цель социального проекта: развитие интереса горожан, в том числе молодежи, к изучению и обобщению исторического наследия и памяти города, формирование городского волонтерского сообщества волонтеров культурного наследия; создание положительных примеров участия общественности в деятельности по сохранению объектов культурного наследия города Костромы, разработка общественного проекта сохранения и ревитализации объекта культурного наследия «Здание старого железнодорожного вокзала».

Некоммерческая организация: Местная религиозная организация «Старообрядческая община г. Кирова Русской Православной Старообрядческой Церкви» (Кировская область). Социальный проект: «Проект по сохранению исторической памяти и организации паломнических экспедиций «Забытые тропы» (2020 г.). Цель социального проекта: проведение краеведческой работы по определению места забытых старообрядческих селений, храмов и кладбищ, изучение их истории; организация и проведение экспедиции на исторические места, проведение работ по опиливанию деревьев и уборке территории, установка памятных крестов и табличек; создание и размещение в СМИ информации, проведение фотовыставки, создание документального фильма по итогам проекта.

Некоммерческая организация: Межрегиональная общественная организация «Русское единство» (Республика Крым). Социальный проект: «51-я армия. Крымский фронт. Сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в Крыму с помощью документального фильма для школьников и молодежи» (2020 г.). Цель социального проекта: донести до целевой аудитории (школьники 12–16 лет, обучающиеся в школах и техникумах Симферополя) правдивую и целостную историю 51-й армии, защищавшей и освободившей Крым в годы Великой Отечественной войны, с помощью создания и демонстрации документального фильма, а также повысить патриотическое сознание у целевой аудитории в результате проведения мероприятий «Урок памяти о 51-й армии». Данный проект, с одной стороны, направлен на репрезентацию событий Великой Отечественной войны, с другой, – на исторические эпизоды, связанные с конкретной территорией.

Некоммерческая организация: Смоленское областное отделение Международного общественного фонда «Российский фонд мира» (Смоленская область). Социальный проект: «Смоленск – хранитель исторической памяти» (2021 г.). Цель социального проекта: формирование и сохранение исторической памяти, в частности, личной исторической памяти у жителей г. Смоленска и Смоленской области, в ходе проведения мероприятий, посвященных 210-летию Отечественной войны 1812 года и 1160-летию первого упоминания Смоленска в летописи.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Региональный учебный центр» (Калининградская область). Социальный проект: «Калининградская область – перекрестки исторической памяти» (2021 г.). Цель социального проекта: развитие познавательного интереса у школьников и студентов к изучению истории и культуры родного края в её неразрывной связи с историей и культурой России средствами дополнительного образования; создание условий для развития человеческого

потенциала участников через создание собственных художественных и предпринимательских проектов.

Некоммерческая организация: Волгоградская региональная общественная организация по сохранению исторической памяти и экологическому просвещению «Пятидесятая широта» (Волгоградская область). Социальный проект: «Земля отцов (мегакарта)» (2021 г.). Цель социального проекта: в течение реализации проекта создать условия для регулярного проведения и провести турниры с использованием мегакарты в городе Камышине среди различных возрастных категорий, популяризировать данное направление в разных городах и районах региона.

Некоммерческая организация: Местная религиозная организация Православный приход храма всех святых г. Таганрога Ростовской области религиозной организации «Ростовская-на-Дону Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» (Ростовская область). Социальный проект: «Волонтерский проект-2022: возвращение исторической памяти» (2021 г.). Цель социального проекта: Восстановление исторической памяти и Таганрогского некрополя, развивая волонтерство и применяя современные технологии цифровых коммуникаций.

Социальная память предполагает «воссоединение различных народов России, с учетом культурного многообразия, населяющих Россию этносов с их системой мировоззрения, религией, традициями, обычаями, языком, но на основе общности территории и общей исторической судьбы»¹⁰⁰. В этом во многом и состоит назначение российских некоммерческих организаций.

Тематическое направление «Восстановление народных ремесел и создание музеев» включает социальные проекты культурного, этнографического, религиозного содержания.

---

¹⁰⁰ *Жануев З.А.* Реинституционализация социальной памяти как фактор консолидации и восстановления социального иммунитета российского общества в условиях модернизации // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 147.

Обратимся к рассмотрению современных примеров социальных проектов, относящихся к данному типу содержательности направленности.

Некоммерческая организация: Автономная некоммерческая организация по оказанию паломнических услуг «Паломническая служба «Стезя» (Костромская область). Социальный проект: «Патриотическое воспитание и увековечение исторической памяти путем реконструкции исторических событий и проведения фольклорного фестиваля «Русский характер» (2018 г.). Цель социального проекта: патриотическое воспитание населения, в том числе детей и молодежи, пропаганда традиционных духовных ценностей через выдающиеся события в истории родного края и их выражение в лучших творческих образах культуры, искусства, науки, спорта, ремесел. Данный проект, как и многие другие, сочетает в себе направленность на сохранение исторической памяти, на развитие патриотизма и на изучение материальных и нематериальных объектов культуры.

Некоммерческая организация: Религиозная организация «Крестовоздвиженский женский монастырь Д. Быдреевка г. Семенова Нижегородской области Городецкой Епархии Русской Православной Церкви (Московский патриархат)» (Нижегородская область). Социальный проект: «Музей исторической памяти Новомучеников и Исповедников земли Нижегородской при Крестовоздвиженском женском монастыре дер. Быдреевка» (2020 г.). Цель социального проекта: укрепление взаимодействия Церкви, государства и общества в сфере духовно-нравственного воспитания посредством организации первого в регионе музея исторической памяти подвига Новомучеников и Исповедников Российских; увековечение исторической памяти подвига Новомучеников и Исповедников Российских, особенно тех, имена и события жизни которых непосредственно связаны с историей Крестовоздвиженского женского монастыря дер. Быдреевка, Семеновского края и Нижегородской области.

Тематическое направление «Патриотическое воспитание подрастающего поколения» предполагает разработку и реали-

---

зацию социальных проектов, предназначенных для выработки у молодежи гражданской позиции, чувства воинского долга

Рассмотрим некоторые примеры социальных проектов, относящихся к данному типу: содержательность направленности. Некоммерческая организация: Региональная общественная организация «Московская городская организация ветеранов ракетных войск стратегического назначения» (Москва). Социальный проект: «Активизация системы работы по сохранению исторической памяти, увековечению подвига стратегических ракетчиков в ходе подготовки к 60-летию РВСН» (2018 г.). Цель социального проекта: Создать систему работы ветеранских и молодежных организаций по увековечению исторической памяти о защитниках Отечества, военно-патриотическому воспитанию на примере истории РВСН.

Некоммерческая организация: Саратовская региональная организация общероссийской общественной организации ветеранов «Российский союз ветеранов» (Саратовская область). Социальный проект: «Формирование патриотического сознания у молодого поколения» (2018 г.). Цель социального проекта: активное участие ветеранов в формировании у молодого поколения высокого патриотического сознания, здорового образа жизни, гражданской позиции, высокого чувства воинского долга. Тем не менее, представленная обобщенная тематика социальных проектов, поддержанных Фондом президентских грантов по грантовому направлению «Сохранение исторической памяти», не отражает всего содержательного дизайна заявляемых и реализуемых комплексов мероприятий.

Перспективы увеличения объема социальной памяти связаны с оптимизацией (минимизацией) способов ее хранения, заключающихся в «наукоемких электронных технологиях и высокоэффективных организационных мнемотехниках», где человек «способен понять и оценить реалии прошлого, настоящего и будущего»¹⁰¹ в их взаимосвязи.

---

¹⁰¹ Лойко О.Т. Проблема понимания содержания социальной памяти // Философское образование. 2003. № 9. С. 10.

Таблица 6 – Нетипичная тематика социальных проектов, поддержанных Фондом президентских грантов по грантовому направлению «Сохранение исторической памяти»¹⁰²

Название некоммерческой организации	Тема социального проекта	Цель социального проекта
1	2	3
Фонд патриотического воспитания «Патриотическая волна» (Самарская область)	Международный фестиваль исторической памяти «Русь. Эпоха объединения 2021»: модель комплексного участия (2021 г.)	Усиление включенности россиян и членов российских диаспор за рубежом в восстановление исторической памяти
Автономная некоммерческая организация «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций» (г. Москва)	Живая память поколений: распространение успешного опыта школьной и внешкольной работы по сохранению исторической памяти о преступлениях нацистов против мирного населения (2020 г.)	Создание методического комплекса, содержащего лучшие практики работы с молодежью и школьниками для обеспечения работы педагогов в старших классах общеобразовательной школы по сохранению исторической памяти о наших предках, ставших жертвами военных преступлений нацистов и их пособников

¹⁰² Типология построена по материалам поддержанных проектов 2017–2022 гг.: Фонд президентских грантов. URL: <https://президентские-гранты.рф>

Название некоммерческой организации	Тема социального проекта	Цель социального проекта
Фонд содействия укреплению семейно-исторической памяти граждан и соотечественников «Семейная история» (г. Москва)	Моя семейная история. Открытый генеалогический онлайн курс для школьников (2020 г.)	Повышение уровня знаний и заинтересованности детей среднего и старшего школьного возраста в области изучения истории семьи через организацию и проведение Открытого генеалогического онлайн курса «Моя семейная история»

Источник: составлено автором по результатам исследования.

В современных условиях необходимо «с ранних лет воспитывать у детей любовь к Родине и отечественной истории, уважения к старшим и коллективизм, культуру поведения – все эти средства, традиции и обычаи необходимо мобилизовать на воспитание молодежи в условиях новой социальной и экономической реальности»¹⁰³, с целью интеграции граждан.

Некоммерческие организации все чаще включают в свои уставы деятельность по образованию и воспитанию, что целесообразно для работы с населением, в первую очередь, с представителями подрастающего поколения¹⁰⁴, которые со временем становятся субъектами хранения социальной памяти.

¹⁰³ Социальная память как важнейший институт гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях интеграции общества и экономических процессов / Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Вартанова, А.А. Черникова // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 34 (2). С. 184.

¹⁰⁴ *Липай Т.П., Волкова О.А., Жиленкова О.А.* Средства массовой информации в формировании ценностей и стигм у старшеклассников // Социология образования. 2015. № 10. С. 71–75.

Современные исследователи делают вывод о «необходимости целенаправленной политики лидеров стран, принимающих участие в евразийской интеграции, по реконструкции социальной памяти молодежи и консолидации обществ»¹⁰⁵. И важное место в этой работе принадлежит некоммерческим организациям как структурам гражданского общества.

Анализ перспектив развития общества показывает, что социальная память жителей «не в достаточной степени сохраняется, утрачивает свою значимость. Современному обществу необходимо найти новые пути и решения (яркий пример «Бессмертный полк») для сохранения и умножения социальной памяти россиян»¹⁰⁶. И данные перспективы во многом связаны с развитием деятельности некоммерческих организаций, в особенности ориентированных на работу, связанную с решением исторической, культурной, воспитательной проблематики.

---

¹⁰⁵ Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции / Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Варганова, А.А. Черникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 482–496.

¹⁰⁶ *Калугина Т.А.* Социальная память как детерминанта развития российского общества // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов, 2021. С. 503.

ГЛАВА 6. РОССИЯ – ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном, случившийся 28 апреля – 1 мая 2021 г., стал поводом обратиться к изучению конфликтного потенциала в регионе, эффективности интеграционных евразийских инициатив и возможностей и интересов России в «южном подбрюшье». Тем более, что напряженность не исчезла, происходили обострения в проблемной зоне и в январе 2022 г. и в апреле 2022 г. В условиях гибридной войны, которую ведёт против России Запад, киргизско-таджикский конфликт оказывается угрозой не только интересам обоих этих центральноазиатских стран, но и интересам России.

Казалось бы, оба эти государства де-юре являются союзниками по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участниками Евразийского банка развития (ЕАБР). Киргизстан – член Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таджикистан рассматривает возможность вступления в Союз и конфликт этих государств с применением военной силы вызвал разговоры о кризисе евразийской интеграции и всех этих объединений, в частности. Хотя новейшая история знает прецеденты военных столкновений между членами одного военно-политического союза (напр. членов НАТО Греции и Турции, достаточно вспомнить вооруженный конфликт на Кипре в 1974 г.), но это, тем не менее, не даёт индульгенции при возникшей напряженности между участниками ОДКБ.

Киргизско-таджикский конфликт породил политические спекуляции: каждая из сторон неоправданно призывала к военной помощи сил ОДКБ и отсутствие таковой было использовано

для дискредитации организации. Так, на заседании комитета по международным делам, обороне и безопасности Жогорку Кенеша – парламента Киргизской Республики, оппозиционными депутатами было предложено пересмотреть членство в ОДКБ и присоединиться к «другой организации» (имелось в виду НАТО). Данное предложение о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО получило широкое обсуждение среди киргизских пользователей социальных сетей¹⁰⁷.

Тут можно согласиться с точкой зрения, что проблема региональных конфликтов представляет собой комплекс вопросов, имеющих жизненно важное значение для государств: увеличение общества потребителей, непреклонно приводит к дилемме между «хлеба и зрелищ» и «деньги и власть». И таким современным экстремальным зрелищем становится политика создания региональных конфликтов, которые будоражат общественное мнение и позволяют его отвлечь от насущных проблем, перераспределять финансовые потоки под свои интересы, найти иностранных спонсоров и таким образом засветиться в большой политике, обеспечить себе карьерный рост, подавить оппозицию, изменить контент СМИ, изменить расстановку политических и экономических сил влияния в конфликтующих сторонах, обосновать милитаризацию экономики и миграционные процессы¹⁰⁸.

В свое время развернулась целая дискуссия по поводу более точного наименования данного региона: «Средняя» или «Центральная» Азия¹⁰⁹. В данной работе мы станем использовать термин «Центрально-Азиатский регион (ЦАР)», под которым будет пониматься политико-географическое пространство, ранее обо-

---

¹⁰⁷ В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // News-Asia [сайт]. 11 мая 2021. URL: <http://www.news-asia.ru/view/14766> (дата обращения: 19.03.2022).

¹⁰⁸ Евсеев В.О. Методология применение экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 67–68.

¹⁰⁹ Алексеева Н.Н., Иванова И.С. Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13–17.

значавшееся термином «Советская Средняя Азия и Казахстан», включающее 5 постсоветских государств. После 1991 г. эти республики Союза ССР обрели независимость и получили возможность самим выбирать своё будущее и вектор развития. Россия как правопреемница СССР, перестав быть метрополией для новых независимых государств ЦАР, начала выстраивать с ними отношения как с суверенными акторами международных отношений. Но ЦАР являлся и остаётся для России на историческую перспективу зоной национальных интересов. И в царский, и в советский период ЦАР был территорией, важной для российского государства в стратегическом, геополитическом, экономическом и социальном аспектах. И Россия сохраняет целый комплекс механизмов влияния в ЦАР¹¹⁰.

По мнению экспертов, интересы России в ЦАР определяются, в первую очередь, следующими причинами: присутствие там сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского населения, зачастую подвергающегося дискриминации; наличие социально-политических факторов (как между, так и внутри новых независимых государств), грозящих дестабилизацией ситуации и возникновением «вакуума влияния», который будет заполнен криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России; значительный объем энергоносителей в ЦАР, привлекающий внимание многих внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей в своих руках контроль над немалой частью системы экспортных газо- и нефтепроводов¹¹¹.

Ну и, конечно же, Россия заинтересована в предупреждении и разрешении межгосударственных и межэтнических конфликтов в ЦАР, подобных столкновениям на киргизско-таджикской

---

¹¹⁰ *Притчин С.А.* Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76–92.

¹¹¹ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 160–161.

границе. Учитывая массовую трудовую миграцию из стран региона, такие конфликты чреваты распространением межэтнической розни между киргизами и таджиками, приехавшими на работу в Россию, и такие инциденты уже были зафиксированы. Также после конфликта на границе двух республик обучающиеся в Киргизстане студенты из Таджикистана получали угрозы и подвергались преследованиям. Из-за этого большинство из них заявили о нежелании продолжать обучение в Киргизии¹¹². (год назад, в 2020 г. российское общество и правоохранительные органы уже столкнулись с фактами межнациональной розни между представителями азербайджанской и армянской диаспор из-за обострения событий в Нагорном Карабахе.)

Соответственно, интересы России состоят в сохранении экономической и политической стабильности на пространстве ЦАР, развитии интеграционных процессов, укреплении межгосударственных экономических, культурных, образовательных связей; урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к границам РФ странах; использовании Россией объектов оборонной инфраструктуры, расположенных в государствах-партнерах по евразийской интеграции; недопущении расширения НАТО на территорию бывших республик СССР; противодействии распространению экстремизма и терроризма, наркотрафика и оргпреступности через соседние государства.

За четверть века евразийской интеграции на постсоветском пространстве возникли такие инициативы, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, каждая из которых имеет свои функции и решает свои задачи. Евразийская интеграция может в долгосрочном плане помочь усилить экономическое сотрудничество на постсоветском пространстве и, соответственно, уменьшить негативный эффект глобальных кризисных явлений. Однако ЕАЭС предстоит сделать

---

¹¹² Студенты из Таджикистана в Кыргызстане заявили об угрозах и преследованиях // Sputnik Таджикистан: [сайт]. 17 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan-studenty-konflikt-granica-1040955417.html> (дата обращения: 19.03.2022).

еще многое для того, чтобы удерживать и стимулировать общественный интерес к объединению. Пока страны-участницы ЕАЭС проигрывают другим государствам, например, в привлекательности образовательных услуг, научно-технического сотрудничества, импортируемых товаров и капитала. Поэтому очень важно добиваться прогресса в «проседающих» отраслях межгосударственного сотрудничества и интеграции, работать с общественным мнением: обеспечивать своевременное информирование широкой общественности о проводимой работе по развитию интеграции, вести объективную дискуссию о ее преимуществах и недостатках для населения, для бизнеса, для отдельных стран и их регионов¹¹³.

Россия рассматривает государства-участники евразийской интеграции в качестве близких экономических и стратегических союзников. Наличие совместных угроз объединяет партнеров, требует скоординированных усилий по выработке единой системы международного военного сотрудничества в соответствии с провозглашенными целями государств-членов ОДКБ и их союзников¹¹⁴. Тем не менее руководители государств ЦАР периодически заявляют, что проводят «многовекторную» политику, направленную, в первую очередь, на укрепление их собственной независимости. В этом плане опасения (а для многих и надежды), что ЕАЭС и другие интеграционные инициативы приведут к возврату России к роли «старшего брата» напрасны. ЕАЭС в случае, если в его рамках удастся наладить стабильное

---

¹¹³ Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, Ж.Т. Тощенко [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов, ред.: Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: «Перспектива», 2020. С. 177–178.

¹¹⁴ *Цыплин В.Г.* Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. Волгоград, 2020. С. 40–48.

взаимовыгодное экономическое сотрудничество, способен усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран. Но он не отменит при этом других векторов, только сбалансировать их.

Так, за счет экономических факторов российский вектор в ЦАР в последнее время сильно ослаб по сравнению с китайским. ЕАЭС может помочь в том, чтобы уравновесить этот тренд. Усиление экономического сотрудничества с Россией в этом плане может только помочь вовлеченным в ЕАЭС странам ЦАР укрепить свою независимость, в частности, по отношению к Китаю. Ведь, фактически, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы (США и ЕС, Турции, либо от КНР), что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР¹¹⁵. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что основным препятствием для нормативного и институционального развития евразийской интеграции является отсутствие политической воли, четко обозначенной на высшем государственном уровне¹¹⁶.

Нельзя не согласиться с экспертной точкой зрения, что участие России в ЕАЭС лишь отчасти поможет решить проблемы в экономике. Успешность евразийской интеграции во многом зависит от характера и состояния внутренних социально-политических взаимоотношений российского гражданского общества и государства. Без поддержки россиян, их высокого уровня доверия власти, положительных оценок деятельности первых лиц государства процесс евразийской интеграции со стороны России столкнется с рядом трудностей, препятствующих функционированию таких проектов, как валютный союз (введение единой

---

¹¹⁵ Селезнев И.А. О первых итогах евразийской интеграции. достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 173.

¹¹⁶ Журавлёв В.Е. О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 9.

валюты) ЕАЭС, создание общей телерадиовещательной компании, разрешение свободного передвижения граждан в регионе ЕАЭС и другие¹¹⁷.

Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В рамках исследования были использованы следующие методы: ситуационный анализ, ивент-анализ, анализ документов, вторичный анализ социологических данных. В методологическом отношении в работе использована следующая авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

1. Риски роста – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся:

(1) экономические риски – связанные с неравномерностью экономического развития государств ЕАЭС, разными скоростями роста благосостояния населения, цифровой экономикой, тарифными барьерами и т.п.;

(2) социальные риски – связанные с занятостью, безработицей; сюда же относятся миграционные риски и связанные с ними проблемы интеграции, социального обеспечения и социальной работы с мигрантами; неустойчивость поддержки интеграции среди населения принимающих миграцию государств-участников ЕАЭС; вопросы поддержания высокого уровня социальной сплоченности и солидарности; необходимость решения проблем, связанных с управлением многообразием; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры; отсутствию общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки, психологические барьеры в принимающем обществе и т. п.;

(3) риски безопасности – рост преступности, распространение экстремизма, терроризма, наркотрафика и т. д.

2. Имманентные риски – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых

---

¹¹⁷ Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В.К. Левашов, И.С. Шушпанова, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3–4. С. 72.

существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету¹¹⁸.

Также обозначим и некоторые характерные черты региональных конфликтов (Рег К):

(1) РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов.

(2) в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений.

(3) РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы.

(4) РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния.

(5) РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций; (6) формированием образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ¹¹⁹.

Итак, рассмотрим конфликтный потенциал в ЦАР.

Внутриполитические вызовы

1. Бедность, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность.
2. За годы суверенитета в государствах ЦАР произошла архаизация общественной жизни, связанная с широким распространением клановости, землячества, коррупции, продвижения и покровительства родственникам, низкой эффективностью государственных структур, пренебрежения правами человека, разделением властей и т. п. Это не

---

¹¹⁸ Селезнев И.А. О первых итогах евразийской интеграции. достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 167–173.

¹¹⁹ Евсеев В.О., Селезнев И.А. Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79–95.

может не порождать социальной напряженности. По мнению специалистов, клановая организация социума в странах ЦАР, распространяет консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Центральнoазиатские кланы, приспосабливаясь к современности, обретая новые сущностные качества, остаются актуальным социально-политическим феноменом, наличествует симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит через землячество, кумовство, родство и т. п. При этом в такой неформальной системе ценностей президенту республики отводится роль «отца нации», верховного арбитра для всех остальных кланов. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающейся на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии¹²⁰.

3. В обществах стран ЦАР сохраняются и межэтнические противоречия. Достаточно вспомнить киргизско-узбекские столкновения в Киргизии, в Оше и Джалал-Абаде в июне 2010 г. Стоит обратить внимание, что политические противники лидера Киргизстана С. Жапарова обвиняют его в приверженности к киргизскому национализму. По этим причинам рейтинг популярности президента крайне низок у многочисленной узбекской общины на юге страны, где его считают сторонником антиузбекских настроений

---

¹²⁰ Рекк Д.А., Егоров В.Г. Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 3. С. 250–259.

и действий, в частности, в период ошско-джал-алабадских событий 2010 г.¹²¹.

4. Джихадисты, исламские фундаменталисты ждут своего часа, чтобы в случае возникновения политической нестабильности общества прийти к власти. Эти круги используют для вовлечения в ряды своих сторонников идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией. Для дискредитации правящих светских режимов фундаменталистами широко используются спекуляции на существующих социальных проблемах и противоречиях стран ЦАР. Часто представители религиозно-экстремистских организаций связаны с криминальными группами, используя их для маскировки своей деятельности, а также получения доходов, материальных и людских ресурсов¹²².
5. Распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ. Практически во всех государствах ЦАР за последние годы наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается, в том числе и с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана¹²³. Существуют связи наркомафии с исламистскими радикалами и есть угроза сращивания занятых наркотрафиком организованных преступных групп (ОПГ) с экстремистским и террористическим подпольем. Активизация экстремистских и террористических организаций в ЦАР крайне выгодна для наркомафии по двум

---

¹²¹ Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих // Kloop.Kg: Новости Кыргызстана. 07 октября 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvigayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih/> (дата обращения: 19.03.2022).

¹²² Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / под общ. ред. А.П. Новикова / АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М.: Изд-во «Русь», 2018. С. 24.

¹²³ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое изменение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 152.

причинам: (а) отвлекает внимание силовых структур региона; (б) дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе. Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах ЦАР, что может привести к появлению представителей наркомафии в высших структурах государственной власти. Отдельная проблема – в появлении идеологического обоснования наркоторговли, которая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками¹²⁴.

6. Потенциальным вызовом остаётся угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. В Таджикистане, по ряду экспертных оценок, на среднесрочной повестке дня стоит передача власти от президента Э. Рахмона к его сыну Р. Эмомали. И Таджикистан может стать следующим объектом для попытки «цветной революции», тем более, что в стране для этого существуют все социальные условия. Учитывая события гражданской войны 1990-х гг. в республике, последствия дестабилизации могут быть непредсказуемыми. Даже в относительно благополучных государствах региона могли быть проблемы с передачей верховной власти, но, тем не менее, за прошедшие годы можно было наблюдать в целом удачные примеры транзита власти в Туркменистане (избрание вице-президента президентом после смерти президента С. Ниязова, а затем передача власти по наследству, с избранием в марте 2022 г. президентом республики С. Бердымухамедова, сына Г. Бердымухамедова), в Узбекистане (избрание премьера Ш. Мирзиёева президентом после смерти президента И. Каримова).

---

¹²⁴ Селезнев И.А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 146.

В Казахстане, казалось бы, всё прошло по сценарию «рокировки в китайском стиле». В 2019 г. произошло избрание председателя Сената К.-Ж. Токаева на должность президента и сохранение за «национальным лидером» Н. Назарбаевым ряда ключевых постов: главы Совбеза Казахстана, председателя Ассамблеи народов Казахстана и др. Однако перешедшие в вооруженный мятеж массовые беспорядки в Казахстане в январе 2022 г. потребовали объявления чрезвычайного положения и, по обращению президента К.-Ж. Токаева, оперативного ввода воинского контингента ОДКБ (воинские подразделения Армении, Беларуси, Киргизстана, России, Таджикистана), оказавшего помощь в сохранении конституционного порядка в стране. Январские события выявили накопившийся в обществе конфликтный потенциал как в сфере социально-экономических противоречий, так и внутри политической элиты страны. Свидетельством внутриэлитного раскола стало снятие с должности и арест по подозрению в государственной измене, насильственном захвате власти и превышении должностных полномочий председателя Комитета национальной безопасности Казахстана К. Масимова, а также двух заместителей главы КНБ¹²⁵. Весьма примечательным последствием январского кризиса стал уход Н. Назарбаева с постов главы Совета безопасности Казахстана и председателя АНК¹²⁶. Показательно, что вслед за этим стали терять свои руководящие позиции во власти и крупных корпорациях представители «клана Назарбаева»: зятья, дочери, племянник и др.¹²⁷.

---

¹²⁵ В Казахстане арестовали экс-главу КНБ Масимова и его зама // РИА Новости. 27.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769721818.html> (дата обращения: 19.03.2022).

¹²⁶ Парламент Казахстана лишил Назарбаева пожизненного председательства в СБ // РИА Новости. 27.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769717971.html> (дата обращения: 19.03.2022).

¹²⁷ *Лаксытыгал И.* Родственники Нурсултана Назарбаева теряют позиции в бизнесе и во власти // Ведомости. 27.01.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/01/17/905097-rodnya-nursultana-nazarbaeva> (дата обращения: 19.03.2022).

Киргизстан стоит особняком в этой группе стран. Если Западом не были признаны в качестве «свободных и справедливых» никакие выборы, проводимые в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с момента обретения независимости, и политические режимы в этих государствах воспринимались в качестве авторитарных, то в Киргизии сложилась специфическая политическая культура смены власти, которую можно было бы назвать «охлократической» (свержение власти через массовые выступления недовольного населения).

Подобная особенность политической жизни Киргизстана ослабляет государственные структуры и ставит процесс смены власти в зависимость как от регионально-субэтнических и властно-корпоративных кланов, так и от ОПГ. Периодичность подобных решений внутривластных социальных кризисов в стране лишь подтверждает нашу гипотезу (см. «тюльпановая революция» в марте 2005 г., приведшая к отстранению от власти президента А. Акаева; свержение президента К. Бакиева в апреле 2010 г.; «третья киргизская революция» октября 2020 г., результатом которой стала отставка с президентского поста С. Жээнбекова и, в конечном счете, приход к власти С. Жапарова).

Однако следует обратить внимание на усиление президентской вертикали власти в стране: большинство граждан Киргизии на референдуме 10 января 2021 г. проголосовало за президентскую республику, а в апреле 2021 г. была принята новая Конституция, закрепившая данную форму правления. Характерно, что это уже 3-й раунд изменений в основном законе Киргизской Республики относительно формы правления, каждый раз осуществляемый по итогам «революций». Так, спустя два года после «тюльпановой революции» в период президентства К. Бакиева, были проведены изменения в основном законе в пользу усиления полномочий президента, но по итогам «второй киргизской революции» 27 июня 2010 г. прошел референдум по новой конституции, которую приняли 90,57 % голосами «за»: тогда государство после нараставших в период правления президента К. Бакиева

авторитарных тенденций стало парламентско-президентской республикой. Теперь снова усилены президентские полномочия.

Если США и страны Запада демонстрируют неприятие возможного усиления власти президента в политической системе Киргизстана, то Россия, КНР и Казахстан заняли другую позицию, поддерживая в первую очередь стабилизацию ситуации, под чем понимается отсутствие межэтнических конфликтов в стране и соблюдение руководством Киргизии ранее достигнутых договоренностей. Поэтому показательно, что лишь в середине ноября 2020 г. правительство России возобновило финансовую помощь Киргизии, приостановленную в период нестабильности внутриполитической в Бишкеке. Поэтому неудивительны заявления С. Жапарова и в качестве кандидата в президенты КР и избранного президента о России как главном стратегическом партнере Киргизии. Тем не менее стоит учитывать, что изменение формы правления не застрахует Киргизстан от повторения привычного сценария с силовым захватом власти в результате массовых выступлений, поскольку сохраняются застарелые конфликты, а инициатива с реформой конституции – не новация, а возвращение устоявшейся практики, когда с приходом нового лидера и сплоченной и организованной группы его сторонников менялось и зачищалось политическое поле. Но тогда и следует ожидать, что через какое-то время весь цикл смены власти повторится¹²⁸.

Итак, очевидной является значимость внутренних причин в системе вызовов безопасности ЦАР. Каждый из вышеописанных факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития.

Внешние вызовы. Существенное число проблем в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из республик ЦАР связана с судьбой соседей.

---

¹²⁸ Лисицын А. «Нами правили водители и телохранители». В Киргизии меняют конституцию // РИА Новости. 22 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kyrgyziya-1585600772.html> (дата обращения: 19.03.2022).

-
1. Угроза распространения возникшей нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов. В первую очередь здесь нужно рассматривать соседство с хронически нестабильным Афганистаном. Все последние десятилетия ситуация в этой стране остается одной из основных угроз региональной безопасности в ЦАР. И в ближайшей перспективе уровень угроз не уменьшится, учитывая падение правящего режима в Афганистане, стремительную эвакуацию американских войск из страны и возвращение к власти «Талибана» (*запрещенная* в России террористическая организация), появление немалого числа афганских политических беженцев в странах ЦАР и превращение Афганистана в теократическое государство, центр радикального исламизма. Прошедший в сентябре 2021 г. в Душанбе саммит ОДКБ выразил обеспокоенность ситуацией гуманитарной катастрофы в Афганистане, высоким уровнем наркопроизводства, служащим одним из основных источников дохода террористических группировок и принял меры по обеспечению безопасности южных рубежей стран ЦАР. При этом в принятых документах от лица всех стран-членов ОДКБ говорится о неприемлемости размещения на своей территории находившихся в Афганистане объектов военной инфраструктуры США и других стран НАТО, а также афганских граждан, сотрудничавших с иностранными военными – «за исключением случаев, требующих безотлагательного решения в гуманитарных целях»¹²⁹.
  2. Деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций

---

¹²⁹ Совет коллективной безопасности 16 сентября в Душанбе обсудил проблемы международной и региональной безопасности и их влияние на безопасность государств-членов ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. 16 сентября 2021. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/soobshcheniedlya-smi-sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-16-sentyabrya-v-dushanbe-obsudil-problemy-mezh/ (дата обращения: 19.03.2022).

религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР. Наиболее серьезным внешним вызовом для ЦАР на ближайшую перспективу остается всё тот же афганский фактор. Согласно данным Глобального индекса терроризма, Афганистан за последние годы, начиная с 2018 г., сохраняет за собой лидирующие позиции в мире по уровню террористической активности¹³⁰. В сегодняшней ситуации возрастает угроза проникновения на территории стран ЦАР под видом беженцев из Афганистана террористов и других деструктивных элементов.

3. Важным фактором становится усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР. Возросшую значимость КНР можно наблюдать на примере практически любой из этих стран. Объективные причины для этого процесса состоят в экономической слабости стран ЦАР, росте экономики КНР, сокращении в рамках ЕАЭС инвестиционной активности России (находящейся под экономическими санкциями Запада), наряду с сокращением инвестиционной активности Запада в эти страны, и, наконец, в стремлении самих стран ЦАР диверсифицировать свои экономические интересы. КНР заинтересована в стабильности в ЦАР и с экономической точки зрения (экспорт сырья и энергоресурсов, выход в Восточную Европу и на Ближний Восток) и исходя из вопросов безопасности. По некоторым оценкам, ЦАР уже попал в сферу технологической и экономической зависимости от КНР; военно-политическое влияние России еще сохраняется, но и эта часть постепенно будет делегироваться Китаю. Однако в каждой республике свой баланс влияния двух стран, который на настоящем этапе поддерживается совместно РФ и КНР¹³¹. Хотя, по некоторым

---

¹³⁰ Рейтинг стран мира по уровню терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index>; Global Terrorism Index report 2020. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf>] (дата обращения: 19.03.2022).

¹³¹ *Большот И.* Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? URL: <https://www.ritmeurasia.org/>

прогнозам, из-за обострения ситуации в Афганистане власти КНР для защиты своих экономических проектов могут направить китайских военных советников и инструкторов в страны ЦАР¹³².

Растущая зависимость от КНР будет и дальше сокращать пространство для маневра в отношениях стран ЦАР с Китаем. В каждой из этих стран Пекин отработывает разные инструменты влияния: кредиты, связи с элитами, «мягкую силу». Так, из-за долгов перед китайскими кредиторами правительство Таджикистана было вынуждено передать им права на разработку некоторых месторождений, но в Таджикистане создается прецедент и для включения Китая в сферу безопасности в ЦАР. Геополитика Китая на Памире способствует наращиванию не только экономического, инфраструктурного, но и военного влияния, укрепляя перспективы конечного доминирования Китая в регионе, включая Афганистан, Пакистан и постсоветские страны ЦАР. Происходящее в Таджикистане может стать моделью для реализации новой стратегии Китая во всем ЦАР, которая еще меньше будет опираться на «мягкую силу». По некоторым оценкам, именно здесь, может быть положено начало конкуренции Китая и России, которая способна привести к непредсказуемым результатам¹³³. Но стоит отметить, что экономическое и политическое проникновение КНР стало вызывать политические спекуляции различных политических сил как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности КНР. Но периодически возникающие массовые антикитайские настроения

---

news--2021-05-18--rastuschee-vlijanie-kitaja-v-ca-neizbeznost-ili-strategija-razvitiya-regiona-54672] (дата обращения: 19.03.2022).

¹³² *Кондратьева В.* Эксперт предсказал приток китайских инструкторов в страны Центральной Азии // Lenta.Ru. 30 июля 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (дата обращения: 19.03.2022).

¹³³ *Плотников Д.* Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? // Lenta.ru. 01 июня 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (дата обращения: 19.03.2022).

в странах ЦАР используются там во внутривластной борьбе¹³⁴.

4. Включение в процесс внерегиональных, неевразийских акторов. Потенциально влияют на обстановку в ЦАР противоречия между крупными мировыми державами, вовлеченными в центрально-азиатские дела (США и их союзники, КНР, Россия): американо-российские противоречия и американо-китайские. А это ведет к разнонаправленному давлению на страны ЦАР, к тому, что внерегиональные игроки могут воспользоваться какими-то негативными с точки зрения обеспечения безопасности государств региона тенденциями в своих интересах. Учитывая вывод военного контингента США из Афганистана и падение там правящего режима, не станет ли возможным размещение баз НАТО в постсоветских государствах ЦАР? В связи с этим директор СВР России С. Нарышкин призвал страны региона не допустить такого поворота событий¹³⁵.
5. Серьезной проблемой в ЦАР являются конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориальные претензии. Споры эти особенно затрагивают Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. Можно обозначить здесь следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:
  - а) ограниченные ресурсы в густонаселенном регионе с засушливым климатом создают почву для возникновения напряженности и обострения межэтнических противоречий, как внутри государств, так и между ними. Дефицит водных и энергетических ресурсов, а также проблема ограниченности доступа к пастбищам

---

¹³⁴ 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnyh-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu> (дата обращения: 19.03.2022).

¹³⁵ Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны // РИА Новости. 19 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (дата обращения: 19.03.2022).

и дорогам в ЦАР порождает соперничество как жителей приграничных сёл, так и государств, в частности, споры между странами по поводу раздела вод трансграничных рек¹³⁶. В случае возникновения инцидентов между гражданами разных государств по поводу дефежа ограниченных ресурсов это придает конфликту социально-экономическую окраску¹³⁷. Но тогда срабатывают закономерности: политико-экономические конфликты провоцируют возникновение вооружённых конфликтов и войн, коэффициент корреляции довольно значительный и равняется 0,64¹³⁸;

б) провоцируют региональные конфликты сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, незавершенные в государствах ЦАР, компонентом которых часто становятся территориально-пограничные споры с соседями, а также, притязания некоторых государств на региональное лидерство¹³⁹;

в) неурегулированные территориальные претензии между государствами ЦАР, накопившиеся территориальные споры при недостаточной обоснованности границ, зачастую произвольно проведенных между союзными республиками в советский период. На сегодняшний день лишь только Казахстан (кстати, первым из республик бывшего СССР) полностью завершил делимитацию и демаркацию своей государственной границы¹⁴⁰.

---

¹³⁶ Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан // RuNews24. 04 05.2021. URL: <https://runews24-ru.turbopages.org/runews24.ru/s/politics/04/05/2021/b99d2bs024c3f45c7ce5eb15283e6e81> (дата обращения: 19.03.2022).

¹³⁷ *Мальшева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 77.

¹³⁸ *Евсеев В.О.* Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 67-68.

¹³⁹ *Мальшева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 77.

¹⁴⁰ *Белоконь А.* Почему решение вопроса госграниц Казахстана называют большой дипломатической победой // Nur.kz. 24.05.2021. URL: <https://www.nur.kz/nezavisimost/1914072-pochemu-reshenie-voprosa-gosgrants-kazahstana-nazyvayut-bolshoy-diplomaticheskoy-pobedoy/> (дата обращения: 19.03.2022).

При отсутствии общепризнанной делимитации и демаркации границ, каждая из стран способна интерпретировать в свою пользу разночтения в их положении. В первую очередь, это актуально для ситуации в Ферганской долине, которую между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Особенностью государственных границ в ЦАР стало и наличие множества анклавов/эксклавов. Внутри Киргизстана находятся принадлежащие Узбекистану территории Джангайл, Сох, Чон-Гара, Шахмардан и принадлежащие Таджикистану Ворух и Западная Калача; а в Узбекистане – эксклавы Киргизии (Барак) и Таджикистана (Сарвак). И эти анклавы служат яблоком раздора между граничащими республиками. По мнению британского социального антрополога Мадлен Ривс, наложение государственной территориальности в Ферганской долине часто режет по-живому через родство, веру, дружбу, работу и торговлю.¹⁴¹ Так, конфликты вокруг Воруха происходили еще в советское время (1974, 1989 гг.), но даже тогда союзный центр не смог политически решить эту проблему, хотя сумел погасить столкновения. А после распада СССР и обретения республиками независимости конфликты стали более ожесточенными. Участниками «ворухской заварухи» были уже не только жители приграничных сёл, но и воинские подразделения. Соответственно, интенсивность варьировалась от кидания камней друг в друга до использования пулемётов и миномётов. За период 2018–2021 гг. на таджикско-киргизской границе было зафиксировано только крупных 9 инцидентов¹⁴².

Ситуацию на киргизско-таджикской границе на протяжении лет подогревают и западные НКО, которые в условиях политической «многовекторности» Киргизии и Таджикистана безнаказанно

---

¹⁴¹ *Reeves, Madeleine*. Border Work: Spatial Lives of The State in Rural Cental Asia/ Ihaca, NY: Cornell University Press, 2014.

¹⁴² *Уваров А.* Киргизия – Узбекистан – Таджикистан: что делать с этими границами? // Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 18 апреля 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/18/kirgizia-uzbekistan-tadjikistan-chto-delat-s-etimi-granicami-53396.html> (дата обращения: 19.03.2022).

расшатывают систему безопасности в ЦАР. Показательна деятельность финансируемого правительством Норвегии «Центра поддержки джамоата Ворух», способствующая формированию «благоприятных условий для приобретения новых возможностей самовыражения в процессах принятия решений», а фактически провоцирующая конфликты между жителями приграничных районов двух стран ОДКБ. Или конкурс для журналистов Киргизии и Таджикистана на лучшее освещение приграничных вопросов, организованный в 2019 г. академией Deutsche Welle¹⁴³.

В те самые дни, когда в конце апреля 2021 г. в Душанбе проходило заседание Комитета Совбезов стран ОДКБ на спорных приграничных территориях Баткенской (Киргизстан) и Согдийской (Таджикистан) областей, случился конфликт, суммарно унесший более 50 жизней с обеих сторон. С началом весенних сельхозработ расход воды увеличивается, что и послужило причиной обострения конфликта между киргизами и таджиками. Поводом для начала столкновений стал спор из-за водораспределительного пункта «Головной» в верховьях реки Исфары. Власти обеих стран считают, что он находится на их территории и там, на протяжении лет периодически возникали межэтнические осложнения между жителями приграничных сёл. Конфликт гражданских лиц перешел в боестолкновения с участием военнослужащих. Беспрецедентность конфликта состоит в накале и масштабах противостояния, киргизско-таджикский конфликт 2021 г. принципиально отличается от всех предыдущих тем, что стычки проходили сразу на нескольких участках границы.

Кроме того, можно вспомнить и произошедшие 31 мая 2020 г. столкновения между жителями сёл Чечме Кадамджайского района (Киргизия) и Чашма в анклаве Сох (Узбекистан). По официальным сообщениям, конфликт при имеющемся дефиците воды начался из-за споров о том, какой стране принадлежит родник

---

¹⁴³ *Арешев А.* Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? // Военно-политическая аналитика: [интернет-журнал]. 17 мая 2021. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/05/17/kto-stoit-za-vooruzhennym-konfliktom-mezhdu-chlenami-odkb/> (дата обращения: 17.10. 2021).

Чашма, обеспечивающий питьевой и поливной водой жителей как узбекской, так и киргизской стороны.¹⁴⁴

Киргизско-таджикские отношения продолжают оставаться далекими от нормализации, постоянно происходят пограничные инциденты. Так, снова происходили интенсивные перестрелки между пограничниками Киргизии и Таджикистана в июне 2021 г.¹⁴⁵, в январе 2022 г.¹⁴⁶.

Национализм часто бывает связан с болезненной рефлексией и комплексом неполноценности. Политическая практика национализма неизбежно сопряжена с дискриминацией этнических меньшинств и способна приводить к острым конфликтам вплоть до гражданских войн¹⁴⁷. По некоторым экспертным оценкам, границы в ЦАР являются местом, где сообщества проецируют свои страхи друг на друга. Страх там становится катализатором формирования идентичности в трансграничных сообществах и закрепляет восприятие коллективной небезопасности даже в периоды затишья и способствует появлению сильных пограничных этнических идентичностей, усиленных новыми националистическими идеологиями и ассоциациями типа «мы против них». Поэтому даже мелкие споры в ЦАР могут обрести черты этнической поляризации¹⁴⁸.

---

¹⁴⁴ Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая // Sputnik Кыргызстан. 2021. URL: <https://ru.sputnik.kg/trend/konflikt-na-kyrgyzsko-uzbekskoj-granice-31-maya/> (дата обращения: 19.03.2022).

¹⁴⁵ На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка // РИА Новости. 24 июля 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (дата обращения: 19.05.2022).

¹⁴⁶ Жуковский И. Новый конфликт на границе: что делят Таджикистан и Киргизия // Газета.ру. 27.01.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/01/27/14467249.shtml> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁴⁷ Гудименко Д.В. Национализм в современном мире: типологизация и формы проявления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 10 (79). Т. 11. С. 2710. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003

¹⁴⁸ Matveeva Anna. Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. #1, pp.1-20 2017.

Трансграничный характер бассейнов основных рек является одной из важнейших геоэкономических черт ЦАР. Сразу после распада Союза ССР и обретения независимости союзными республиками был создан механизм регулирования водных ресурсов в ЦАР. В феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), а также бассейновые водохозяйственные объединения на Амударье и Сырдарье. Очередное, 80-е заседание МКВК прошло в мае 2021 г. По мнению специалистов, этот механизм ещё остаётся жизнеспособным, хотя к его работе уже нарекания за годы работы накопилось много нареканий¹⁴⁹.

Общая проблема водопользования заключается в распределении энергетической и ирригационной специализации между государствами: Киргизстану и Таджикистану достались крупные каскады ГЭС и водохранилища, а Узбекистану, Казахстану и Туркменистану – разветвленная система мелиорации с искусственными регуляторами воды. Эти отраслевые сегменты национальных экономик в различной степени зависимы друг от друга. Страны, лежащие в зоне формирования водостока трансграничных рек, нуждаются в развитии гидроэнергетики, являющейся для них практически главным стратегическим ресурсом. В нижнем течении, где традиционно используется поливное земледелие, вода остается жизненной основой для сельскохозяйственной деятельности крупных оазисов. Но недостаток доверия в этом вопросе между государствами ЦАР затрудняет развитие этой сферы. Проблема не может быть принципиально решена в пользу эгоистической выгоды только одной из сторон. Так, киргизский политолог К. Токтомушев в качестве основных причин таджико-

---

¹⁴⁹ *Каражанов З.* Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии // Ритм Евразии: [сайт]. 30 мая 2021. [URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-05-30--voda-vsemu-golova.-tem-bolee-v-centralnoj-azii-54865>] (дата обращения: 19.03.2022).

киргизской напряженности называет не только милитаризацию границ, но и неэффективное использование природных ресурсов обеими странами: нехватка воды в ЦАР обусловлена ее использованием, а не реальным количеством приводных ресурсов. Гидромелиоративная структура в ЦАР носит трансграничный характер, но ни Киргизстан, ни Таджикистан не хотят вкладывать деньги в водные системы вне своих границ¹⁵⁰.

Потребность стран ЦАР в большом водном проекте остается довольно острой, но она упирается в поиск взаимоприемлемого решения. Теоретически существовало два различных подхода к решению проблемы дефицита воды в ЦАР:

а) получение водных ресурсов из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и ввода в строй новых гидротехнических сооружений. Но тут следует вспомнить, как в 1980-е гг. при активном участии гражданского общества, АН СССР, экологов и гуманитарной интеллигенции был отвергнут грандиозный мега-план «поворота сибирских рек в республики Средней Азии», чреватый катастрофическими экологическими последствиями для многих регионов Российской Федерации. Неуспешная попытка реанимировать его уже в 2000-е гг., по предложению тогдашнего мэра Москвы Ю. Лужкова, лишь подтверждает одиозность и неприемлемость для России этого варианта¹⁵¹;

б) повышение эффективности использования уже имеющихся водных ресурсов, кооперация возможностей и сил в рамках ЕАЭС. Ведь ЦАР лидирует в СНГ по потерям воды и уровню ее загрязнения. Достаточно показательна проблема пересыхания Аральского моря, обмеления Амударьи. Отдельной проблемой остаётся вопрос о достройке комплекса из нескольких ГЭС на территории Киргизии и Таджикистана. Структуры евразийской

---

¹⁵⁰ *Токтомушев К.* Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана // *Connections. Quarterly Journal.* 2018. Vol. 17. № 1. С. 34–37.

¹⁵¹ *Селезнёв И.А.* Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // *Наука. Культура. Общество.* 2022. Т. 28. № 1. С. 12. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1.

интеграции, как и российский бизнес, способны и могли бы взять на себя роль лидера в реализации этого водно-энергетического проекта и не ждать, когда таким лидером рано или поздно станет какой-нибудь другой геополитический актор.

И стоит отметить первые шаги на этом пути. В июле 2021 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) представил аналитический доклад «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии».

Отмечается, что в течение трех десятилетий суверенитета государств ЦАР произошло ослабление регионального сотрудничества в водно-энергетическом комплексе (ВЭК), которое было сопряжено с курсом на самодостаточность энергосистем. При этом основным источником финансирования государственных инициатив в ВЭК ЦАР являются международные финансовые институты. В водном сегменте развитие ЦАР происходит в условиях истощения водных ресурсов при ограниченном объеме инвестиций. Это свидетельствует о том, что ключевой принцип ВЭК ЦАР, подразумевающий, что вода важнее энергии, не соблюдается¹⁵².

По мнению авторов доклада, перед странами ЦАР стоят серьезные вызовы.

А. В энергетическом секторе:

- высокий уровень износа электросетевого комплекса и генерирующих мощностей (удельный вес мощностей возрастом свыше 30 лет составляет от 44 до 75 %);
- высокий уровень потерь электроэнергии (7–20 % производства в некоторых странах);
- разбалансированность производства и потребления электроэнергии (потеря 11 млрд кВт·ч экспортного потенциала);

---

¹⁵² Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии / Доклады и рабочие документы / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. 21/3. Алматы – Москва: ЕАБР, 2021. [URL: <https://eabrorg/analytics/special-reports/>]

-
- снижение надежности энергоснабжения в Узбекистане и на юге Казахстана в результате нехватки маневренных мощностей и неиспользования ГЭС соседних стран;
  - нерациональное использование гидроэлектроэнергии, проявляющееся через сезонный дефицит и холостые сбросы воды, как результат несовпадения пиков производства и потребления (согласно ПАО «Русгидро», ежегодный объем неудовлетворенного спроса в Кыргызстане и Таджикистане оценивается в 1,5–3 ТВт·ч и 4–4,5 ТВт·ч);
  - страновые различия в правовых механизмах и инструментах регуляторной и тарифной политики.

Б. В водном комплексе:

- сокращение объемов водообеспечения для стран бассейна Аральского моря до 1,4 тыс. куб. м. на человека в год при критичном пороге в 1,7 тыс. куб. м. и усиление дефицита водных ресурсов в низовье водных бассейнов в результате сокращения ледников и запасов талой воды;
- высокий уровень засоленности и заболоченности орошаемых земель (около 50 %) в результате износа водохозяйственной системы (насосных станций, магистральных каналов, оросительной и коллекторно-дренажной сети);
- нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС;
- потеря многолетней регулирующей способности водохранилищ и нарастание критического недостатка воды на ирригационные цели даже в многоводные годы;
- отсутствие эффективного межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде для ирригации;
- противоречие интересов стран верховья и низовья бассейна трансграничных рек относительно режима использования водных ресурсов и др.¹⁵³.

---

¹⁵³ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии // Доклады и рабочие документы / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов,

---

Таким образом, основные проблемы в ВЭК ЦАР остаются связанными с нарастающим дефицитом водных ресурсов. Проблемы устойчивости энергетического сегмента ВЭК ЦАР многочисленны, и для противодействия им каждая страна региона ищет свое решение. Согласно докладу ЕАБР, ослабление сотрудничества в ВЭК ЦАР за 2000-е гг. совпало с увеличением нагрузки на энергетический сектор. Формирование энергосектора происходило в контексте реализации государственных программ в ЦАР. С учетом структуры собственности и специфики инвестиционных проектов в ВЭК ЦАР государство там играет ключевую роль в его развитии. Значение государства и государственных компаний проявляется на уровне разработки концепций развития комплекса, определения тарифной политики, поиска источников финансирования, реализации проектов и др. В 2020 г. лидерами по объемам инвестиций являлись Казахстан (2,783 млрд долл., или 1,6 % ВВП) и Узбекистан (1,377 млрд долл., или 2,4 % ВВП). В Таджикистане и Кыргызстане инвестиции в капитал ВЭК составили соответственно 507 млн долл. (6,3 % ВВП) и 89 млн долл. (1,2 % ВВП). В Таджикистане бюджетные ограничения не стали препятствием для проведения активной инвестиционной государственной политики за счет внешних заимствований. Что касается Киргизии, то слабые инвестиционные показатели в ВЭК страны обусловлены ограниченными государственными доходами, а также заниженными тарифами, которые не покрывают себестоимости производства электроэнергии¹⁵⁴.

В условиях недостаточной инвестиционной привлекательности ВЭК большинства стран ЦАР для частного капитала

Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. 21/3. Алматы – Москва: ЕАБР, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (дата обращения: 17.10. 2021).

¹⁵⁴ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии // Доклады и рабочие документы / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. 21/3. Алматы – Москва: ЕАБР, 2021. [URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf]

и иностранных инвесторов важным источником финансовых ресурсов для государственных инициатив выступают многосторонние банки развития (МБР) (таблица 7).

Таблица 7 – Участие МБР в финансировании инвестиционных проектов ВЭК ЦАР

Банки	Доля в общем объеме финансирования ЦАР, %	Сумма финансирования, млрд \$
ЕБРР	32,7	3,318
ВБ	29,6	3,0
АБР	26,2	2,6
ЕАБР, ЕФСР	6,7	0,677
ЕИБ	3,8	0,389
АБИИ	1,1	0,107
Итого	100	10,155

Источник: составлено автором по данным ЕАБР.

На данный момент в стадии реализации находится 104 проекта. Лидером по объему финансирования является Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с портфелем в 3,3 млрд долл., или 32,7 % от общего объема финансирования МБР в ЦАР. Следом идут Всемирный банк (ВБ) – 3,0 млрд долл. (29,6 %) и Азиатский банк развития (АБР) – 2,6 млрд долл. (26,2 %). На долю Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в совокупности приходится 1,2 млрд долл. (11,5 %).

Несмотря на борьбу с последствиями пандемии COVID-19, МБР продолжили финансирование ВЭК ЦА. В 2020 г. МБР было одобрено финансирование по 24 проектам в ВЭК ЦАР на общую сумму 1,8 млрд долл. Оценки ежегодного ущерба и нереализованных экономических выгод неэффективного использования

ресурсов ВЭК ЦАР находятся в диапазоне 1,3–4,5 млрд долл. Таким образом, ежегодная оценка потерь достигает 1,5 % регионального ВВП. Около 40 % приходится на водное хозяйство, 60 % на электроэнергетику. Устранение потерь даст региону 22 млрд долл. к 2025 г.¹⁵⁵.

Можно согласиться с выводом аналитиков ЕАБР, что при планировании развития гидроэнергетики и ирригации необходимо учитывать особенности бассейна и формирования его водных ресурсов, трансграничный характер водопользования, рост населения и нарастающий дефицит воды, ухудшение экологической ситуации. Поставка электроэнергии за пределы региона должна быть синхронизирована с режимом межгосударственного водопользования. Без учета этого условия экспорт электроэнергии на внешние рынки, то есть за пределы замкнутого водного бассейна (региона) с ограниченными водными ресурсами, может стать фактором, негативно воздействующим на межгосударственные отношения, энергетическую и водную, продовольственную и экологическую безопасность стран ЦАР.

По имеющимся экспертным оценкам, неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ могут проистекать от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в ЦАР¹⁵⁶. Хотя, как мы видим, для ЕАБР и ЕФСР в инвестициях в ЦАР не слишком велика, но это не значит, что интеграционные евразийские объединения обладают малым потенциалом воздействия на ситуацию в регионе. Вопреки возникшим злорадным мнениям о «неэффективности» механизма ЕАЭС и ОДКБ в предотвращении

---

¹⁵⁵ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии // Доклады и рабочие документы 21/3. / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. Алматы – Москва: ЕАБР, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web_cleaned.pdf (дата обращения: 17.10.2021).

¹⁵⁶ *Токтомушев К.* Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана // *Connections. Quarterly Journal.* 2018. Vol. 17. № 1. С. 39.

и преодолении возможных конфликтов существуют экономические механизмы разрешения противоречий¹⁵⁷. Возможно предложение со стороны евразийских объединений посреднических услуг конфликтующим сторонам (создание органов быстрого реагирования и разведения конфликтующих сторон, «дорожная карта» размежевания, арбитраж и т.п.). ОДКБ может оказывать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий и др. Кроме того, есть позитивный прецедент использования миротворческих сил ОДКБ в Карабахе и в Казахстане. Если сами конфликтующие стороны в ЦАР неспособны прийти к компромиссному решению, то возможно было бы и введение коллективных миротворческих сил ОДКБ с созданием военной базы. Причем, не только российских сил, но и обязательным участием представителей других стран-участниц ОДКБ.

Перспективным представляется параллельно с вводом миротворцев налаживание тесного взаимодействия с советами старейшин из приграничных анклавных поселений и создание условий для переговорного процесса, мер по укреплению доверия между гражданами обоих государств. При этом миротворческие силы получают полномочия на пресечение деятельности провокаторов. Однако рост нестабильности в странах ЦАР показал нехватку механизма урегулирования споров между странами-членами ОДКБ, в том числе договорно-правовой базы в сфере безопасности, недостаточность прав ОДКБ на введение наблюдателей и миротворческих сил в зоны конфликтов, отсутствие посреднических групп и недостаточность взаимно

---

¹⁵⁷ *Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Kiseleva E.E., Seleznev I.A.* Assessment of the Financial and Economic Security Level of the EAEU Member States in the Context of Growing Macroeconomic Uncertainty // *Universal Journal of Accounting and Finance*. 2022. Vol. 10. № 1. P. 17–24. DOI: 10.13189/ujaf.2022.100103

обязывающих процедур.¹⁵⁸ В условиях гибридной войны, которую ведут против России США, ЕС, НАТО, киргизско-таджикский конфликт должен быть разрешен. Противоречия между двумя государствами не должны вылиться в еще один фронт на территории СНГ. Интересанты и выгодополучатели конфликта располагаются не только вне ЦАР и вообще СНГ. И эти вопросы требуют решения.

Анализ положения позволяет прийти к выводу, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Таким образом, эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. На основании рассмотренного материала мы видим, что в основе источников нестабильности и конфликтного потенциала в странах ЦАР лежат как «риски роста», так и «имманентные риски». Исходя из этого, можно предложить ряд сценариев развития евразийской интеграции в ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу:

Сценарий № 1: «Евразийская интеграция». Углубленная интеграция ЦАР в общее евразийское пространство экономических и политических союзов вокруг России. Хотя данный проект, частично уже осуществляется в формате ЕАЭС и др. интеграционных объединений, суть вопроса заключена в интенсивности процесса. Мы наблюдаем «имманентные» интеграционные риски и препятствия в силу приверженности элит новых независимых государств ЦАР принципу суверенитета, наличие внутренних ограничений в их интеграционной политике.

Сценарий № 2: «инерционный статус-кво». Сохранение основных имеющихся тенденций развития во внутренней и внешней политике каждой из отдельно взятых стран и в ЦАР в целом. Сохранение политических режимов, преемственность элит,

---

¹⁵⁸ *Попова В.* ОДКБ: не спешите нас хоронить // Ритм Евразии. 09 июня 2021. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-09--odkb-ne-speshite-nas-horonit-55026> (дата обращения 19.03.2022).

достаточно плавный транзит власти новым поколениям политического класса. Под лозунгом многовекторности внешней политики участие в евразийских интеграционных объединениях будет носить ситуационно-утилитарный или формально-декоративный характер. При этом государства ЦАР параллельно будут участвовать и в экономических, политических и военных союзах, не связанных с участием России. Сохраняются формально светские общества с внешними атрибутами демократических республик, но во внутренней политике в противовес возможной исламизации нарастает тенденция на этнократию.

Сценарий № 3: «чужеродное поглощение». Выпадение ЦАР из орбиты России, падение правящих режимов, приход к власти контрэлит (исламистских или прозападных – этнократических, антирусских), вступление государств ЦАР в антироссийские (и антикитайские) военно-политические союзы. В связи с выводом войск США из Афганистана, падением там правящего режима, возвращением к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*) и становлением там теократического государства, центра радикального политического исламизма, возрастает угроза переноса военного конфликта слабой и средней интенсивности на территорию постсоветских стран ЦАР, риска крушения светских режимов и замены государственности на исламскую теократическую, с возможным распадом национальных государств и поглощением региона «исламским халифатом».

Сценарий № 4: «переформатирование границ». Изменение границ в ЦАР приведет к тому, что ряд государств прекратит свое существование или изменит свою площадь, присоединившись целиком или частично-регионально к соседним странам.

Сценарий № 5: «комбинированный». Параллельное развитие и сочетание сценариев №№ 1, 2, 3 4 для разных государств. Возможно, более активное участие в евразийской интеграции одних из государств ЦАР и дистанцирование от нее, изоляционизм, распад или присоединение каким-либо иным союзам других стран.

ГЛАВА 7. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ У МОЛОДЁЖИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В 2022 г. исполнилось 77 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны. В государствах постсоветского пространства по-разному отмечалось это событие: в одних проводились торжественные мероприятия, в других этот день не отмечался или отмечался гражданами неофициально. Так, Праздник Победы в Великой Отечественной войне является официальным в Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, а также в возникших на постсоветском пространстве непризнанных и частично признанных государствах – в Республике Абхазия, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Нагорно-Карабахской Республике (Республике Арцах), Приднестровской Молдавской Республике, Республике Южная Осетия (Государстве Алания).

Но в той же Молдове за последние годы правящей партией делаются попытки поставить под сомнение Праздник Победы 9 мая.¹⁵⁹ В более беззастенчивой форме это осуществляется на Украине и в странах Балтии. На Украине за последние 8 лет в условиях политики «десоветизации» и «декоммунизации» формат и содержание праздника были официально изменены, искажены и извращены. Термин «Великая Отечественная война» не используется на практике, на символику Победы (Знамя Победы, «георгиевские» ленточки от медали «За победу над

---

¹⁵⁹ Молдавия «сделала заявку» на денацификацию // ИА News-Front. 17.04.2022. URL: <https://news-front.info/2022/04/17/moldavija-sdelala-zajavku-na-denacifikaciju/>

Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)) фактически наложен запрет.

Действительно, празднование Великой Победы и антифашизм плохо сочетаются с прославлением киевским режимом нацистских коллаборационистов и военных преступников С. Бандеры и Р. Шухевича, или формированием в составе вооруженных сил Украины неонацистских «добровольческих» частей типа «Азов», «Айдар», «Фрайкор», «Торнадо» (запрещенные в России террористические организации). Таким образом, выбор властей Украины, в конечном счете, был сделан в пользу прославления памяти тех, над кем во Второй мировой войне и была одержана победа.

Власти Латвии, Литвы, Эстонии с 1992 г. не считают этот день праздником, и он не является нерабочим. Но постепенно правящие режимы от официального игнорирования перешли к наступлению на память о Победе, стараясь окончательно покончить с Днем Победы в своих странах. Сначала в Латвии запретили публичное ношение символики победы, а в марте 2022 г. сейм в срочном порядке запретил проводить публичные акции ближе, чем в 200 метрах от любого памятника воинам Красной Армии и постановил считать в этом году дату 9 мая «днем памяти жертв Украины»¹⁶⁰.

Подобные действия фактически являются серьезными шагами по пересмотру итогов Второй мировой войны. Ведь на фоне событий на Украине этот ползучий пересмотр начали осторожно внедрять, в том числе страны, несущие историческую ответственность за развязывание Второй мировой войны. Служба безопасности Японии исключила украинский неонацистский батальон «Азов» (запрещенная в России террористическая организация) из реестра запрещенных террористических организаций и извинилась перед «азовцами» за то, что они в этот реестр были

---

¹⁶⁰ Латвия запретила праздник 9 мая, объявив День памяти погибших на Украине // РБК. 2022. 7.04. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2022/624f3d9c9a7947f197af60bb> (дата обращения 12.04.2022)

внесены.¹⁶¹ Для канцлера Германии разговоры о геноциде, осуществляемом Украиной в Донбассе, «смехотворны»¹⁶².

Сегодня празднование Победы советского народа в Великой Отечественной войне становится определяющим фактором истины: способны ли мы, как наследники Победы, отстоять в качестве своих главных духовных ценностей историческую правду о Победе и коллективную память о Великой Отечественной войне и общей борьбе с нацизмом?

Эти факты и события еще раз подтверждают, насколько Праздник Победы символичен и важен для сохранения исторической идентичности и сохранения социальной памяти народа. Так как в нашей жизни присутствует не только календарное измерение времени, но и измерение социальное и историческое как часть социального времени. Под социальным временем понимается: 1) темп и ритм последовательности событий, характерных для определенного периода существования индивида, группы или общества; важнейшая форма и мера их существования; 2) универсалия культуры, выражающая сущность понимания времени конкретной социальной группой в конкретном обществе¹⁶³.

Социальное время субъективно, в отличие от календарного, оно способно растягиваться и сжиматься. Существует точка зрения, что определяющим для социального времени выступает конкретный тип моделирования социальных событий, относительно независимых от календарных периодичностей. К примеру, в теории Эмиля Дюргейма социальное время рассматривалось как выступающее в качестве социальной категории коллективное представление. Тогда в субъективном вос-

---

¹⁶¹ Служба безопасности Японии убрала националистический батальон «Азов» из списка террористов // Известия. 2022. 9 апреля. URL: <https://iz.ru/1318144/2022-04-09/sluzhba-bezopasnosti-iaponii-ubrala-natsionalistiches-kii-batalon-azov-iz-spiska-terroristov>

¹⁶² Смехотворный геноцид. Что развеселило канцлера Германии // РИА Новости. 20.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220220/sholts-1773859130.html>

¹⁶³ *Отюцкий Г.П.* Время социальное // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.

приятны важные исторические события становятся вехами периодов и целых эпох, не совпадающих с периодами календарными. По утверждению Питирима Сорокина и Роберта Мертона, «социальное время не непрерывно; его прерывают критически важные даты»¹⁶⁴. Так, XIX столетие, как социально-историческая эпоха, продлилось с начала Великой французской революции (1789 г.) и до начала Первой мировой войны (1914 г.).

Точно также в XX веке водоразделом новейшей эпохи стала Вторая мировая война. Собственно, мировым итогом победы над фашизмом и окончания войны стала новая система международного права и международных отношений (Ялтинско-Потсдамская). Отсюда берут исток такие глобальные институты, порожденные этой системой как Организация Объединенных наций, Международный билль о правах человека и т.п.¹⁶⁵ Но итогом Второй мировой войны стали и изменения в сознании людей по всему миру, почему эти институты и оказались востребованными к жизни. Собственно, подобные массовые изменения в сознании и порождали дискурс Теодора Адорно, задававшего вопросом о возможности поэзии после Освенцима и формулировавшего новый категорический императив: как нам мыслить и поступать таким образом, чтобы никогда в мире больше не произошло повторения Освенцима¹⁶⁶.

Победа во Второй мировой войне стоила таких колоссальных усилий и таких массовых жертв, что обозначила отсчет новой эпохи. Всё, что было до Победы, до войны и всё, что после. Мир в 1945 г. стал иным и собственное ощущение в мире у людей, познавших Победу, не могло быть прежним, тем, что до войны. Для народов Советского Союза Победа во Второй мировой (Великой Отечественной) войне стала не просто вехой социально-

---

¹⁶⁴ Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социс (Социологические исследования). 2004. № 6. С. 112.

¹⁶⁵ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Библио-Глобус, 2018. С. 145–146.

¹⁶⁶ Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.

исторического времени, но точкой сборки национального сознания и коллективной воли. Так, социальное время до и после войны обрело разное качество. Как и люди 1940-х гг., герои, жертвы, свидетели, разделились на тех, кто дожил до и тех, кто не дожил. Они, познавшие 9 мая 1945 г. радость и триумф Победы, оказываются в новейшей эпохе вместе с последующими поколениями, помнящими о Победе.

Но социальное ощущение исторического времени зачастую отражается и на коллективном восприятии исторических событий. Предвоенный 1935 и победный 1945 год разделяет календарное десятилетие, но в категориях социально-исторического времени их разделяет целая эпоха. И субъективно 1935 год оказывается, скорее, ближе к отдаленным событиям начала XX века, а 1945 – живым и актуальным и сегодня, в конце второго десятилетия XXI века.

Социальное время является ключевым элементом формирования исторической памяти. Интересно, как социальное время исторических событий может достаточно субъективно трактоваться в той или иной общности. Хотя большинство исторических источников, в том числе «официальных» отечественных, связывают начало Второй мировой войны с 1 сентября 1939 г. с нападением Германии на Польшу и формальным объявлением войны со стороны Франции и Великобритании, но встречаются и иные трактовки. Так, известна точка зрения китайских обществоведов, относящих начало Второй мировой войны на июль 1937 г. Действительно, с инцидента на мосту Марко Поло началась японо-китайская война, открывшая театр военных действий Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

В Европе же в эти годы – Мюнхенский сговор 1938 г., позволивший Германии расчленивать, а затем при участии Польши оккупировать Чехословакию; попытки западных держав канализировать германскую агрессию в направлении СССР; гражданская война в Испании с интернациональным участием: военные контингенты фашистских Италии и Германии на одной стороне

(франкисты), советские военные специалисты и добровольцы-интербригадовцы со всего мира – на другой (республиканцы).

По словам историка культуры и искусствоведа М.С. Трофименкова, гражданская война в Испании 1936–1939 гг. *«была не просто первая война с фашизмом, но первая антифашистская война. <...> Это была мировая война в миниатюре. Не потому, что советские лётчики закрывали небо городов от «юнкерсов», а танкисты утюжили берсальеров. Их участие бесценно с военной точки зрения, но на войне символов далеко не всё решает техника. Сорок тысяч интербригадовцев пришли на защиту республики, чаще всего, не имея военной подготовки. <...> Все вместе они придали войне уникальный характер – нравственный. Это была война культуры против варварства»*¹⁶⁷. Дыхание начавшейся мировой войны в те годы чувствовали все. И тогда более понятной становится внешняя политика СССР 1938–1941 гг., когда ощущалось приближение начавшегося на Востоке и на Западе мирового конфликта.

В продолжение темы субъективного восприятия исторического времени в качестве курьёза стоит привести точку зрения, услышанную в одном из европейских университетов. Согласно тамошней историографии, Вторая мировая война началась лишь в декабре 1941 г. со вступлением в войну США. Исходя из такой американоцентричной позиции, только после Перл-Харбора приобрели мировой охват до этого «локальные» китайско-японская, британско-франко-германская, германско-югославская, советско-германская (Великая Отечественная) войны.

Такие парадоксальные трактовки зачастую могут свидетельствовать как о субъективизме и политической ангажированности различных школ исторической науки, так и об определенной эластичности исторического времени. За последние годы мы столкнулись с настоящим информационным противоборством по поводу исторической правды о Второй мировой войне. Тут

---

¹⁶⁷ Трофименков М.С. Красный нуар Голливуда. Ч. 2: Война Голливуда. СПб: Сеанс, 2019. С. 112–113.

и «борьба с памятниками», и фальсификация исторических событий и попытки стереть память о Советском Союзе как державе-победительнице, вошедшей в число архитекторов послевоенного мира и разрушить связь между поколениями. Под предлогом «сохранения исторической памяти для будущего Европы» такие попытки фальсификации звучат как в заявлениях отдельных европейских политиков, так и в резолюции Европарламента. И попытки «удобной модификации» историографии войны во многих странах встают в этот ряд.

Многие бывшие союзные республики объединены в ряд интеграционных инициатив: это и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ)^{168 169}. И коллективная солидарность в сохранении исторической памяти, и связи между поколениями, в противодействии фальсификациям истории Второй мировой войны может стать эффективным ответом на вызовы. За последние годы интеграционными объединениями было принято ряд постановлений, посвященных сохранению памяти о Победе. Так, на саммите лидеров стран СНГ в Ашхабаде (октябрь 2019 г.) было принято совместное обращение к народам мира, в котором осуждаются любые попытки фальсификации истории и искажения итогов Второй мировой войны¹⁷⁰. Страны-участницы ОДКБ и ЕАЭС не только поддержали в ООН российский проект

---

¹⁶⁸ Селезнев И.А. Четверть века на страже коллективной безопасности (к 25-летию договора о коллективной безопасности и 15-летию ОДКБ) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism, 2018. № 2. С. 18.

¹⁶⁹ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: Библио-Глобус, 2018. С. 141, 143, 146.

¹⁷⁰ Обращение глав государств-участников Содружества Независимых Государств к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [URL: <http://www.cis.minsk.by/news/12416/obrasenie-glav-gosudarstv--ucastnikov-sng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj-obsestvennosti-v-svazi-s-75-letiem-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otecestvennoj-vojne-1941-1945-godov>]

резолуции по борьбе с героизацией нацизма, но и стали ее со-авторами¹⁷¹.

В российской социологии наличествует ряд публикаций, посвященных результатам социологических исследований исторической памяти граждан России о Великой Отечественной войне¹⁷²; социологическим исследованиям исторической памяти молодежи России о войне¹⁷³; рассмотрению памяти о войне и осмыслению Великой Победы как опорного символа истории России¹⁷⁴; влиянию мифов и фальшивок на содержание исторической памяти о войне¹⁷⁵; преемственности и трансформации в исторической памяти россиян¹⁷⁷; особенностям социологического подхода к изучению исторической памяти о войне¹⁷⁸; историческим, психологическим, культурологическим и социологическим аспектам памяти о войне¹⁷⁹; восприятию Победы в различных социальных

---

¹⁷¹ Путин поблагодарил страны ОДКБ за поддержку резолюции против нацизма. [URL: <https://ria.ru/20191128/1561700601.html>]

¹⁷² *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс (Социологические исследования). 2005. № 8. С. 11–22.

¹⁷³ *Макарова Л.В.* Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социс (Социологические исследования). 2015. № 11. С. 107–114.

¹⁷⁴ *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19.

¹⁷⁵ *Тавокин Е.П., Табатадзе И.А.* К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс (Социологические исследования). 2010. № 5. С. 62–66.

¹⁷⁶ *Куманев Г.А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Ин-т Российской истории РАН. М.: Русское слово, 2007. 344 с.

¹⁷⁷ Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») / В.К. Егоров. [и др.] // Социс (Социологические исследования). 2002. № 8. С. 76–85.

¹⁷⁸ *Проказина Н.В.* Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201–204.

¹⁷⁹ *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.

группах россиян¹⁸⁰; связи социальной памяти о Победе с «позитивной исторической ответственностью»¹⁸¹; роли, которую играют в сохранении исторической памяти о войне структуры гражданского общества, наука¹⁸², церковь¹⁸³; анализу эволюции массового сознания молодежи по отношению к таким понятиям, как «героизм», «самопожертвование во имя Родины», «сохранение памяти о подвигах в Великой Отечественной войне», складывавшихся годами нравственных ценностей народа¹⁸⁴.

Что касается постсоветских государств, то, к примеру, НАН Беларуси провела научную конференцию «Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества», где немалое внимание было уделено исторической памяти о Второй мировой войне¹⁸⁵. Ранее выходила монография, посвященная исследованиям представлений массового сознания об истории Белоруссии XX в. в которой также говорилось об исторической памяти народа о военных годах¹⁸⁶.

---

¹⁸⁰ Емельянова Т.П., Мишарина А.В. Ознаменованіе Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220–229.

¹⁸¹ Беляева Е.В. Историческая ответственность за добро // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I междунар. науч. конф. 22–23.09.2016 / под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И. А. Симоновой. Екатеринбург: Деловая книга, 2016. С. 100–106.

¹⁸² Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.) / отв. ред. С.В. Журавлев; Ин-т Российской истории РАН. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.

¹⁸³ Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 180. С. 179–185.

¹⁸⁴ Кто герой среди молодежи? / А.Г. Стариков, В.В. Бакушев, М.В. Перова, С.В. Горяинов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 43–46.

¹⁸⁵ Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27.09.2019 / ред. кол.: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: СУГАРТ, 2019. 360 с.

¹⁸⁶ Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / В.Н. Сидорцов [и др.]; под ред. В.Н. Сидорцова. М.: МАКС Пресс, 2010. 272 с.

Среди опубликованных казахстанскими исследователями статей интерес представляют работы, посвященные исследованиям культурной памяти и мемориализация Великой Отечественной войны в постсоветских государствах¹⁸⁷, в том числе на коммеморативных практиках и гендерном аспекте¹⁸⁸; исследования, посвященные героизму казахстанцев на фронте¹⁸⁹ или факторам поведенческой мотивации воинов казахских национальных воинских формирований в РККА в годы войны¹⁹⁰.

Но тем не менее исходя из анализа публикаций по теме, можно сделать вывод, что до сих пор не было опирающихся на эмпирическое знание работ, посвященных исторической памяти молодого поколения стран СНГ о Великой Отечественной войне. До сих пор отсутствовали работы, в которых давалась бы целостная картина состояния исторической памяти о войне у молодежи государств-участников евразийской интеграции.

Приступая к исследованию, необходимо оговорить четкое разделение понятий: «историческая память» не тождественна «научному историческому знанию». Историческая память включает в себя всю совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом¹⁹¹. Если научное знание должно носить нейтрально-объективный характер, то память – эмоционально-

---

¹⁸⁷ *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (2). С. 122–130.

¹⁸⁸ *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103–116.

¹⁸⁹ *Омаров С.А., Омарова Г.Е., Яхияев И.А.* Героизм казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1. С. 10–14.

¹⁹⁰ *Асанова С.А.* Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 280–295.

¹⁹¹ *Ретина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 133.

субъективный, мифологизированный, поскольку она представляет собой совокупность представлений, мнений и оценочных суждений общества о своём прошлом.

Историческая память диалектична: её содержание определяется прошлым, но без неё невозможно осмысление настоящего; она меняется в зависимости от изменений социально-исторического контекста, но и, в свою очередь, влияет на культурную среду социума. С точки зрения Иоганна-Готфрида Гердера, развитие отдельного человека происходит через усвоение накапливаемого им опыта, благодаря которому в его развитии реализуется принцип непрерывности культурного времени и точно так развиваются и народы в целом. Развитие и воспитание всего рода человеческого происходит путем передачи результатов деятельности предшествующих поколений, традиций и усвоения, и применения переданного¹⁹². При этом следует обратить внимание на тот момент, что историческая память не сводится исключительно к воспоминаниям о прошлом, к ностальгии. По словам Иммануила Канта, она служит для соединения восприятий во времени, для того, чтобы то, чего уже нет, соединить в связанном опыте с тем, чего еще нет, посредством того, что существует в настоящее время¹⁹³.

Память помогает формированию идентичности. Это происходит не напрямую, поскольку наши отношения с прошлым лишь частично определяют, кто мы в настоящем, но никогда прямо и непосредственно, и никогда без неожиданных или даже нежелательных последствий, которые связывают нас с теми, кого мы считаем другими. Таким образом, наша идентичность формируется и на основе личных воспоминаний и благодаря взаимодействию с воспоминаниями других людей¹⁹⁴.

---

¹⁹² Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 421.

¹⁹³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 324.

¹⁹⁴ Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009. P. 1–29.

Историческая память способна стать фактором организации или дезорганизации евразийского пространства. Она может как способствовать воспроизводству единства евразийских народов, так и разделению постсоветских стран. Поскольку Победа была важнейшим событием в истории Советского Союза, то можно предположить, что историческая память о войне служит для общественного сознания в качестве связующей нити интеграционных процессов.

Поэтому изучение исторической памяти потомков победителей в Великой Отечественной войне становится интересной и научно актуальной задачей. Специалисты полагают, что субъективное время изучается через выяснение мнений о нём различных социальных групп¹⁹⁵. В таких философских школах, как феноменология, философия жизни, экзистенциализм акцент ставился не на существовании человека во времени, а на существовании времени в человеке как субъекте собственного жизнеощущения¹⁹⁶.

Парадигма «исследований памяти» возникает в значительной степени как проект анализа социальных предпосылок конструирования, моделирования истории¹⁹⁷. Так какова историческая память представителей молодых поколений постсоветских стран о Великой Отечественной войне? Для выяснения этого было проведено социологическое исследование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции путем проведения серий качественных интервью с проживающими, обучающимися или работающими в г. Москве представителями молодых поколений граждан постсоветских государств,

---

¹⁹⁵ *Отюцкий Г.П.* Время социальное // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.

¹⁹⁶ *Головаха Е.В., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 272 с.

¹⁹⁷ *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 131.

участвующих в ЕАЭС и/или ОДКБ: Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Молдавии, Таджикистана¹⁹⁸.

Методологическую основу исследования составили идеи и концепции исследования социальной памяти (memory studies) Мориса Хальбвакса¹⁹⁹, Алейды Ассман^{200 201 202}, Яна Ассмана^{203 204}, Марианны Хирш^{205 206}, Яель Зерубавель²⁰⁷, Аллана Мегилла²⁰⁸, Хорста-Альфреда Хайнриха²⁰⁹, Пьера Нора^{210 211}, Бернара Гене²¹².

---

¹⁹⁸ Декабрь 2019 – февраль 2020, коллектив сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН и ИСПИ ФНИСЦ РАН, руководитель исследования: д-р социол. наук. Г.И. Осадчая.

¹⁹⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

²⁰⁰ Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

²⁰¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

²⁰² Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. 328 с.

²⁰³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 131.

²⁰⁴ Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992.

²⁰⁵ Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш. [URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424>]

²⁰⁶ Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012.

²⁰⁷ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.

²⁰⁸ Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон-Плюс, 2007. 480 с.

²⁰⁹ Heinrich H.-A. Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. S. 288.

²¹⁰ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память / Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

²¹¹ Norra P. La Republique // Les lieux de memoire. Vol. 1. Paris, 1984.

²¹² Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с.

Под «социальной памятью молодежи государств-участников евразийской интеграции» авторами работы понимается актуальная социальная информация о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции²¹³.

Под коммеморацией, исходя из концепции Аллана Мегилла, понимается процесс, в котором «зафиксированные воспоминания прошлых событий могут превратиться в нечто, родственное объектам религиозного почтения». Возникновение коммеморации происходит в настоящем из желания сообщества подтверждать чувство своего единства и общности, укрепляя связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к репрезентации прошедших событий²¹⁴.

Спецификой данного исследования стала методика, опирающаяся на применение качественного сравнительного анализа результатов глубинных интервью молодых граждан вышеупомянутых государств – членов ЕАЭС, ОДКБ, наблюдателей и кандидатов на вступление в ЕАЭС. Опрошено более 400 человек с использованием неслучайной выборки, не менее, чем по 50 информантов из каждой группы, отобранных методом снежного кома. В качестве эмпирического объекта исследования выступает молодежь, относящаяся к представителям поколения «миллениалов» и «постмиллениалов» (18–38 лет).

Социальная память о Второй мировой войне молодых поколений граждан государств-участников евразийской интеграции анализируется нами как постпамять, поскольку с момента

---

²¹³ *Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Seleznev I.A., Chernikova A.A.* Postmemory Of The Youth Of The Countries Participating In The Eurasian Integration: Current State And The Mechanisms Of Formation // *Revista Inclusiones*. 2020. Vol. 7. Numero Especial, Julio / Septiembre. pp. 368–379.

²¹⁴ *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон-Плюс, 2007. 480 с.

окончания войны на момент рождения респондентов прошло в среднем 37–57 лет. Таким образом, при построении картины событий, произошедших задолго до их рождения, они опирались на рассказы людей из непосредственного круга общения – бабушек, дедушек, родителей, учителей, а также историческую и художественную литературу, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение. При этом мы исходим из того, что наш эмпирический объект молодежь постсоветских государств, как и любая большая группа, не однородна, существует большое количество дифференцирующих факторов. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и пережитым жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, оно по мере взросления меняется и оценивается с позиции настоящей социальной реальности и представлений о будущем, конструирует изменяющееся поле смыслов социальной реальности. Поэтому смысловые конструкты произошедших в прошлом событий могут совпадать или не совпадать как внутри молодых поколений в каждой изучаемой стране, так, тем более, разных стран. Сравнение восприятия ими истории позволит обозначить основные тенденции сходства и различия социальной памяти о Великой Отечественной войне.

По результатам исследования, на первом месте среди упомянутых информантами исторических событий была названа Победа СССР во Второй мировой войне. Это событие сохраняется в памяти всех обществ и отмечено 2/3 информантов. В нарративах опрашиваемых Великая Отечественная война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль Советского Союза и вклад каждой республики СССР в победу над фашизмом. Отмечается героизм всех защитников Родины, внесших вклад в общую победу. Респонденты упоминают своих родственников, участвующих в тылу и на самом фронте. Характерным эпизодом стало упоминание героев – уроженцев той или иной из союзных республик, представителей различных культур их сегодняшними молодыми соотечественниками.

Упоминания о Великой Отечественной войне проходят и в ответах на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента. В своих ответах, значительная доля опрошенных из разных постсоветских государств обращала внимание на то, что перед лицом агрессии государство показало свою устойчивость и мощь, а народ – силу духа и сплоченность в достижении единой цели – Победы.

Характерные высказывания от представителей всех стран:

«Россия и Армения в те годы были одной страной – СССР. И я считаю, что как бы тут сложно разделять, кто сделал больше для победы в этой войне. Я считаю, что это была одна страна и эта страна победила в войне (Артур, 31 год, Армения).

«Вторая мировая объединила все народы СССР против одного врага, что и помогло общими усилиями одержать победу. Это событие самое главное, что могло случиться с Советским Союзом, ведь оно сплотило все народы» (Матвей, 20 лет, Беларусь).

«Казахстан являлся союзной страной, так что это прямое отношение. Сплочённость народа, все вместе воевали за одну идею – победить фашистов» (Марат, 26 лет, Казахстан).

«Сложно выделить Киргизию отдельно от СССР, потому что участвовали, воевали все и поэтому победили фашизм. Все имели одну цель, сплотились, друг за друга бились. Это непростое время для любой страны, которая участвовала в войне. Конечно, наша страна тоже понесла потери, моя семья, в частности. Это общее горе и общая победа» (Исмаил, 31 год, Киргизия).

«СССР, безусловно, сыграл важнейшую роль в противостоянии с фашистскими захватчиками. Молдавская ССР вступила в войну одной из первых, но, к сожалению, была вынуждена отступить под напором Гитлера. Зато после освобождения, продолжила оказывать значительную поддержку советским войскам, поставляя продовольствие и ремонтируя технику» (Жанна, 25 лет, Молдавия).

«...по поводу роли Советского Союза, то она, конечно, глобальная. Советский Союз выиграл эту войну, не дав фашистам завоевать мир» (Данила, 19 лет, Россия).

«Во время войны Таджикистан входил в состав СССР и поэтому как только фашисты напали, очень много наших солдат отправилось на защиту нашей родины, так же больше ста человек присутствовали при захвате Брестской крепости» (Зарина, 20 года, Таджикистан).

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников как на личном, так и на государственном уровне, с помощью которых в обществах закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Практически все информанты из разных государств постсоветского пространства празднуют День Победы – это наиболее часто упоминаемый праздник.

«Это событие является и частью моей истории, и частью истории моей страны» (Давид, 25 лет, Армения).

«Я отмечаю 9 мая в кругу семьи. Эта дата напоминает мне о Победе, о заслуге предков. Эта победа и сегодня объединяет наши страны» (Азамат, 22 года, Казахстан).

Согласно интервью, во всех обществах семья выступает ведущим каналом в сохранении исторической памяти о войне и Победе и передаче её следующим поколениям.

«В моей семье воевал мой дед. Я его никогда не видел, но отец рассказывал то, что слышал от моего деда. Отношение было полностью позитивное. Мы победили врага и после этого жили все в счастье и благополучии. На войне было трудно, но это и было то единство, которое существовало в СССР» (Батырхан, 32 года, Казахстан)

«Победили, прогнали фашистов, защищали Родину как могли, молодцы! Уходили на фронт и деды, и бабули, много у кого в семьях уходили. Я считаю это частью истории и моей страны и моей семьи в том числе» (Карина, 20 лет, Армения).

Таким образом, опрошенные выразившие негативные коннотации, оказались в подавляющем меньшинстве во всех постсоветских республиках (по 1–4 информанта из 50).

Специфика по странам. Теперь рассмотрим специфические особенности ответов респондентов по странам.

а) Армения. Подавляющее большинство ответов граждан Армении отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне (39 опрошенных из 50). Сама Победа, по мнению информантов – одно из самых значимых событий в истории XX века.

«Я считаю, что мы, как молодые, будущее поколение, как России, так и Армении в том числе, мы, во-первых, обязаны гордиться тем, что мы выиграли войну, я считаю, что именно вот это качество объединенности, то что в этот момент людей не разделяли на национальность, вероисповедание, это объединило нас и это сыграло ключевую роль в исходе войны, и я считаю что не нужно забывать эти качества, нужно продолжать жить в мире, согласии, для процветания обоих государств» (Армен, 20 лет, Армения).

Даже респонденты неоднозначно воспринявшие (по тем или иным причинам) войну воспринимают Победу как важнейшее событие. Характерно, что многие респонденты стремились подчеркнуть вклад именно Армении в общую победу:

«Отношение ко Второй мировой войне, бесконечно, ужасное. 40–50 млн погибших человек. Холокост еврейского народа. Это трагедия. Роль Советского Союза огромная. Союз победил фашизм, освободил всю Европу. Роль моей страны огромная, т.к. каждый третий советский генерал являлся по национальности армянином. Самые известные [герои] Баграмян и Бабаджанян - два маршала, освободившие Прибалтику и участвовавшие в освобождении Белоруссии. Также огромное количество героев – летчиков и пехотинцев» (Ашот, 22 года, Армения).

Республике есть чем гордиться: 93 генерала Великой Отечественной войны, 106 Героев Советского Союза были выходцами

из Армении. Уникально село Чардахлу: из него вышли два маршала, 11 генералов, 360 жителей награждено орденами²¹⁵. Среди часто упоминаемых респондентами героев войны – уроженцы Армении: дважды Герои Советского Союза маршал И.Х. Баграмян и лётчик Н.Г. Степанян, Герои Советского Союза маршал А.Х. Бабаджаниян и адмирал И.С. Исаков.

б) Белоруссия. Подавляющее большинство ответов граждан Республики Беларусь (38 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне. Половина опрошенных из Беларуси признает, что военные годы – одна из самых сложных и трагичных вех в истории СССР в целом и их страны в частности, вместе с тем и одна из самых значимых и важных вследствие того, что государство показало свою мощь, а народ – силу духа и сплоченность в достижении единой цели.

Характерные высказывания:

«Все люди, представители самых разных наций бок о бок сражались и защищали единую страну СССР (Денис, 24 года, Беларусь),

«Если бы не СССР, в котором нас тогда было 15 республик, если бы мы все не собрались в один единый кулак, неизвестно вообще, чтобы сейчас было с Европой» (Максим, 25 лет, Беларусь).

«В нашей стране ее называют Великой Отечественной войной, ведь она коснулась всех поголовно. Почти в каждой семье в те далекие годы кто-то воевал, кто-то погиб, кто-то без вести пропал. Поэтому в каждом городе стоят стеллы с именами погибших» (Диана, 25 лет, Беларусь).

«Белоруссия приняла одно из первых сражений Великой Отечественной войны, нападение третьего рейха на Брестскую крепость (Марина, 26 лет, Беларусь).

Отдельно, в качестве значимых исторических событий респонденты из Беларуси часто упоминали оборону Брестской

---

²¹⁵ Жанбосинова А.С. Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 123–124.

крепости, разворачивание партизанского движения против оккупантов и операцию «Багратион» по освобождению территории БССР от захватчиков.

Все эти данные коррелируют с результатами республиканского исследования Института социологии НАН (ИС НАН) Беларуси: победу над нацистской Германией и освобождение Беларуси в качестве главного события в истории этой страны назвала наибольшая часть респондентов (58,5%)²¹⁶. Если обратиться к более ранним исследованиям ИС НАН Беларуси, то и по данным 2008 г. подавляющее большинство опрошенных отнесли победу в Великой Отечественной войне к историческим событиям, вызывающим гордость²¹⁷.

В ответах на вопрос об исторических событиях, лучше всего описывающих Россию и страну происхождения респондента, более половины информантов из Беларуси обращали внимание, на то, что война стала проверкой нерушимости исторической связи между Россией и Беларусью, дружбы двух народов.

Типичные высказывания: *«Россия и Беларусь – многострадальные страны, нас связывает почти 300-летняя история в составе одного государства. Опять-таки мне кажется наши народы навечно скреплены уже вот этой памятью общей о Великой Отечественной войне, конечно эту память уже не разорвать»* (Максим, 24 года, Беларусь.)

«Великая Отечественная война лучше всего описывает как историю России, так и историю Беларуси. Два братских народа сплотились в одну большую мощную державу и или «бок о бок» (Валерий, 29 лет, Беларусь).

---

²¹⁶ Коршунов Г.П. Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26-27.09.2019 / ред. кол.: Г.П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: СУГАРТ, 2019. С. 5.

²¹⁷ Сидорцов В.Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко; под ред. В.Н. Сидорцова. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 264.

Более половины опрошенных молодых людей из Беларуси в той или иной мере связывает свои представления о героях и героическом с Великой Отечественной войной. За годы Великой Отечественной войны 448 белорусов и уроженцев Белоруссии были удостоены звания Героя Советского Союза. И в качестве героев значительное число информантов называло защитников Родины, в том числе командующих, освобождавших БССР (маршалов Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского), защитников Брестской крепости, участников партизанского движения, но также и членов своей семьи, отдавших долг, и всех причастных к общей победе.

Большинство респондентов из Белоруссии, говоря о наиболее важных для них памятниках истории, упоминают мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. В их числе чаще упоминали: монумент на Площади Победы в Минске (14 интервью), комплекс «Брестская крепость» (13 интервью), мемориальные комплексы «Хатынь» и «Дальва», памяти жителей сожженных оккупантами белорусских деревень (13 интервью), мемориал жертвам Холокоста «Яма» в Минске. Среди российских памятников первенство также сохраняют памятники военной тематики: скульптура «Родина-мать зовёт» на Мамаевом кургане в г. Волгограде, парк Победы на Поклонной горе в Москве.

Если говорить о праздниках, то показательно, что День независимости Республики Беларусь, отмечаемый 3 июля, был установлен решением общенационального референдума (1996 г.) и приурочен к дате освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков (03.07.1944). И таким образом, Беларусь стала единственной из бывших советских республик, чей день независимости не привязан к распаду СССР. Празднование этого дня, как и Дня Победы 9 мая упоминалось большинством опрошенных.

в) Казахстан. Подавляющее большинство ответов граждан Казахстана (43 из 50) отражает решающую роль СССР в победе во Второй мировой войне.

Типичные высказывания: *«Казахстан в годы Великой Отечественной войны являлся частью СССР в статусе союзной республики. Казахская ССР поэтому вступила в войну с момента вторжения армии нацистской Германии на территорию Советского Союза 22 июня 1941 года. Воины-казахстанцы внесли свой вклад в освободительную миссию Советской Армии. Они штурмовали Берлин, участвовали в водружении Знамени Победы над рейхстагом. Казахстанцы активно участвовали и в партизанской войне. Сельское хозяйство Казахстана обеспечивало фронт и тыл продовольствием, а промышленность – необходимым сырьём»* (Айдар, 35 лет, Казахстан).

«Трагедия, которая затронула сердце каждой семьи Вторая мировая война проходила в 1939–1945. Главный враг фашистская Германия. Это была жестокая война, которая унесла жизни миллионов людей... оставило семьи без отцов... травмировало тысячи людей... были совершены великие подвиги многие посмертно... Да, безусловно, данное событие является одним из самых значимых в истории СССР и Казахстана. Я считаю, что это событие не может воспринимать как что-то далекое, это касается каждого. Отмечаю День Победы 9 мая, хожу на парады, участвую в концертах, посвященных этому дню, по возможности выезжаем к ветеранам. Конечно, согласен с тем, что Казахстан является страной-победителем во Второй мировой войне» (Ержан, 21 год, Казахстан).

По данным историков, на каждый миллион казахов приходится в среднем 33 Героя. Дело в том, что более 500 казахстанцев стали Героями Советского Союза, 4 из них – дважды Герои. Из этих более 500 человек, 97 человек – казахи. В Казахстане был самый высокий уровень мобилизованности, каждый пятый казахстанец ушел на фронт, более 350 тысяч человек не вернулись²¹⁸.

---

²¹⁸ Жанбосинова А.С. Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 125.

Половина информантов из Казахстана той или иной мере связывает свои представления о героях и героическом с защитниками Родины в годы Великой Отечественной войны. В числе героев респондентами чаще всего упоминались выходцы из Казахстана – воины гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии (и персонально – И.И. Панфилов и Б. Момышулы), а также М.Ж. Маметова (первая казахская женщина – Герой Советского Союза) и А.Н. Молдагулова. Празднование Дня Победы отмечается большинством опрошенных.

г) **Киргизия.** На вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР среди опрошенных киргизстанцев было больше позитивных ответов (22 из 50) Нейтрально высказались 13 респондентов из 50, отмечая только ужасы военной жизни со слов взрослого поколения. Негативные коннотации (15 из 50) были связаны с потерями населения (в том числе близких, членов семьи), отмечался упадок экономики и разруха. Был даже ответ, что *«Гитлер не собирался трогать народ Кыргызстана, но вот политическая связь с Россией втянула народ в войну».*

Половина опрошенных отмечала роль СССР в победе над фашизмом (24 ответа). Про роль Киргизии респонденты отвечали следующее: страна активно участвовала в боевых действиях и снабжала продовольствием и товарами первой необходимости, а также принимала эвакуированных.

Характерные высказывания: *«Мои прадеды участвовали в, той войне. Это событие является как частью истории моей страны, так и частью моей истории» (Таризэл, 22 года, Киргизия).*

«Сражались за правое дело, плечом к плечу с россиянами и другими национальностями, вот. Победили, как и должно было быть. Правда всегда побеждает. Что ещё сказать, спасибо деду за победу» (Ильяс, 26 лет, Киргизия).

«Война закончилась в 1945 году. Была долгая кровавая битва. СССР положительно, можно сказать, показал свою державу, объединив все страны, они показали себя как одно целое, это

показывает, что мир един. Все люди имеют одинаковое значение, кто какой национальности. По моему мнению, победа сплотила мою страну и Россию, эта связь есть до сих пор, конечно братства нет такого с Россией, но все получится» (Манас, 30 лет, Киргизия).

Для большинства информантов из Киргизстана 9 мая (37 ответов) является важнейшим праздником, который они отмечают. (*«Мы празднуем 9 мая, очень торжественно, вспоминаем своих дедов».* (Айнура, 34 года, Киргизия)).

Каждый шестой житель Киргизской ССР ушел на фронт, 360 тысяч киргизов приняли участие в боевых действиях на различных фронтах Великой Отечественной войны, из них 72 человека удостоены звания Героя Советского Союза. Дважды Героя Советского Союза Т.Я. Бегельдинова, участника знаменитого парада Победы 1945 года, считают своей гордостью сразу две республики – Киргизстан и Казахстан: герой родился и умер в Казахстане, детство и юность провел в Бишкеке²¹⁹. В ходе опроса в числе героев киргизстанцы называли маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского, Героев Советского Союза лётчика В.В. Талалихина и партизанку З.А. Космодемьянскую, а также воинов гвардейской Панфиловской стрелковой дивизии, среди которых было много уроженцев Киргизии.

д) Молдавия. На вопрос об отношении ко Второй мировой войне и роли СССР суждения граждан Молдовы поляризовались. Позитивные и коннотации вызвали эти события у 21 респондента из 50, столько же не определилось в своей позиции. Негативные коннотации относительно роли СССР в войне у 8 молдаван.

За годы Великой Отечественной войны 23 уроженца Молдавии были удостоены звания Героя Советского Союза. Респонденты осведомлены об этом факте, но, тем не менее, в ходе опроса

---

²¹⁹ *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 124.

имена никто из них не был упомянут поименно, хотя значительная доля информантов связывает понятие героического с защитниками Родины. Особенно стоит отметить, что Вторая мировая война часто вплетена в контекст истории семьи. У многих информантов воевали представители старшего поколения, поэтому информанты чтят памятные даты и отмечают День Победы.

Характерное высказывание: *«Конечно, как и остальные республики, Молдову коснулась эта война. Это было большое горе, потерь много было. Молдавия принимала активное участие в боевых действиях. 21 Герой Советского Союза в Молдавии ... Мне кажется, для людей, для каждого человека, кто помнит те события, обстоятельства, это важно. И каждый год мы чтим память. Я думаю, что это большой показатель, так люди сплотились в этой борьбе, нам, новым поколениям, это жестокое напоминание. То, что происходит сейчас в стране – недопустимо. Не хотелось бы, чтобы с последний ветераном ушла и память о том, что произошло. До сих пор для людей это трагедия, это потеря близких, до сих пор многие не знают, где и как погибли их родные. Да, мой прадедушка воевал. Бабушка была санитаркой. Поэтому нашей семьи, как и многих семей, коснулось это событие. День Победы, это традиционный праздник, вся семья отмечает этот день. И дедушка, и папа вешают георгиевские ленточки, мы смотрим парад обязательно. Помню, в детстве были парады, в которых мы принимали участие» (Наталья, 29 лет, Молдавия).*

Отдельные опрошенные указывали, что не все их соотечественники были на стороне СССР. Так, например, прадед одного из информантов, также уроженец Молдавии, служил в армии Румынии, союзной нацистской Германии, но в конце войны перешедшей на сторону антигитлеровской коалиции.

Тем не менее, исходя из полученных данных, становится понятно, что попытки властей Молдовы поставить под сомнение празднование Дня Победы вызовут противодействие значительной группы населения всех поколений, в том числе молодежи.

е) Россия. При ответе на вопрос о вкладе СССР во Вторую мировую войну ни один информант не дал негативную оценку. Абсолютное большинство информантов начинали свой ответ со слов, что отношение к войне может быть только негативным – это тяжелые и трагические страницы нашей истории. Положительную оценку роли СССР во Второй мировой войне дали 34 из 50 опрошенных. В основном они подчеркивали героизм советских солдат и тот факт, что победа во Второй мировой войне продемонстрировала всему миру могущество СССР. Многие информанты вспоминали о своих родственниках, принявших участие в военных действиях.

Типичные высказывания:

«Победили наши деды и прадеды, которые ценой своей жизни боролись до конца» (София, 19 лет, Россия).

«Я считаю, что это было одно из самых трагических исторических событий, но и при этом самых героических исторических событий» (Елена, 19 лет, Россия)

«Роль нашей страны неоспорима, фашизм был побежден благодаря СССР. Конечно, участвовали и другие страны, но основная роль в победе над фашизмом принадлежит Советскому Союзу» (Сергей, 35 лет, Россия).

Победа в Великой Отечественной войне вошла, по отзывам информантов, в число самых часто упоминаемых исторических событий с позитивной коннотацией (32 из 50 интервью). Также на вопрос об исторических событиях, которые лучше всего описывают Россию среди положительных коннотаций информантами чаще всего приводилась Победа в Великой Отечественной войне.

Типичное высказывание: *«Я думаю, что Вторая мировая война является самым страшным событием XX века, так как в пучине боевых действий умерло большое количество мирных жителей. В войне принимал участие мой прадедушка... Эта война – это наша история. Военные понимали, что идут на верную смерть, но всё равно продолжали защищать своих*

родных, детей, близких, жён. Это заслуживает огромного уважения. Для меня эта война не является чем-то таким далёким. Да, мы с семьёй отмечаем 9 мая День Победы. Мы ходим утром на Парад, затем, обычно, мама готовит нам какой-нибудь пирог, торт, и наши родители рассказывают нам то, что им обычно рассказывали их родители, то есть наши дедушка с бабушкой о тех временах. Факт совместного участия и общая победа во Второй мировой войне и сегодня объединяют Россию и страны бывшего СССР – несомненно» (Глеб, 21 год, Россия).

подавляющее большинство информантов заявило, что отмечает День Победы (37 из 50 интервью). На вопрос о героях и героическом было достаточно много ответов с обобщенным упоминанием участников Великой Отечественной войны. Тем не менее в числе называемых персоналий упоминались командующие (маршал К.К. Рокоссовский).

ж) Таджикистан. Ответы на вопрос об отношении ко Второй мировой войне поляризовались на три группы. Позитивную роль что роль СССР и, в частности, Таджикистана отметили 18 информантов, подчеркивая единство фронта и тыла. Победа СССР во Второй Мировой войне (17 интервью) входит в число упоминаемых важных позитивных событий исторического прошлого.

Типичные высказывания: *«Победителем во Второй мировой войне является конечно же СССР. СССР воевал против фашизма, нацизма. В моей семье и прадедушки, дедушки по маминной и по папиной стороне, все принимали участие в войне. Обязательно отмечаем 9 мая, день Победы. Это великий праздник. Общая победа объединяет мою страну с Россией, но не как раньше. Но благодаря России, можно сказать, что Таджикистан сейчас существует и выживает, с помощью России» (Фархат, 32 года, Таджикистан).*

«Я очень горжусь, что СССР победила в этой войне. В моей стране люди наравне с другими национальностями воевали

за свою родину. Оба моих деда воевали, один погиб, второй дошел до Победы. Я горжусь СССР» (Фарид, 29 лет, Таджикистан).

Столько же (18 информантов) – не определилось в своей позиции и негативные коннотации у 17 опрошенных. При этом события войны негативным аспектам относят, в основном, то, что многие так и не вернулись с поля боя, но все равно у респондентов присутствует гордость за страну.

В годы войны за мужество и отвагу в борьбе с фашизмом, проявленные на полях сражений 56 тысяч фронтовиков из Таджикистана были награждены боевыми орденами и медалями, 54 человека были удостоены высшего звания Героя Советского Союза, 15 человек стали кавалерами орденов Славы трех степеней²²⁰. Поэтому в своих представлениях о героическом существовавшая часть молодых таджикстанцев упоминала участников Великой Отечественной войны (персонально были упомянуты Г.К. Жуков, И.В. Сталин).

Итак, мы рассмотрели представления молодых поколений граждан государств, участвующих в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, о Второй мировой войне, общее и особенное в восприятии Победы в Великой Отечественной войне у представителей разных постсоветских обществ, специфика восприятия в этой группе исторического времени и формирования исторической памяти. Историческая память о Великой Победе в значительной мере связана и сегодняшними представлениями о евразийской интеграции новых независимых государств. Хотя, казалось бы, содержание социальной памяти молодежи не оказывает непосредственного влияния на процесс евразийской интеграции, но в качестве потенциальной силы она может спонтанно проявиться в общественной жизни или может быть при определенных условиях и наличии организованной силы включена в общественно-политический дискурс.

---

²²⁰ *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1(2). С. 124.

И если стратегии постсоветских государств связаны с созданием сильного и устойчивого евразийского интеграционного объединения, важно усилить роль культурной составляющей социальной памяти, создающей условия для евразийской интеграции в эпоху рыночной экономики. Поскольку, как показали результаты исследования, главным каналом передачи исторической памяти сейчас служит семья, но поколения, передающие информацию о событиях, уходят. И требуется повышать социальную ответственность СМИ, образования, творческой интеллигенции за сохранение и передачу исторической правды, поддержание единого историко-социального кода, создающего базу для евразийской интеграции.

Сейчас, в условиях гибридной войны Запада против России, важнейшим фактором остается духовное единство как народов России, так и союзных нам государств. Поддержка сохранения в государствах-участниках ЕАЭС и ОДКБ исторической памяти о Победе многонационального советского народа в Великой Отечественной войне является позитивным фактором развития евразийской интеграции и всестороннего межгосударственного сотрудничества. Успешность интеграционных процессов будет зависеть от того, каким образом власти новых независимых евразийских государств будут взаимодействовать между собой, с международными организациями, ведущими государствами мира и новыми субъектами социально-политических трансформаций в вопросах формирования исторической памяти.

ГЛАВА 8. ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС: ОЦЕНКА ЭКСПЕРТОВ

На современном этапе утверждается, что в странах – членах ЕАЭС уровень поддержки процессов евразийской интеграции в последние годы имеет тенденцию к снижению. Одним из важнейших факторов отсутствия приемлемого большинства сторонников регионального объединения стал постепенно возрастающий уход из жизни поколений – носителей общей истории народов СССР, для которых эти события были фактом их биографии. Общее прошлое постсоветского пространства сегодня не имеет такого значения, как раньше, уже нет естественного интереса к бывшим согражданам. Подрастает новое поколение, которое не помнит СССР, не участвовало в процессах социальных коммуникаций, не знает русского языка. Для них необходимость интеграции не очевидна. Стала приносить плоды политика по форсированному формированию новой идентичности, краеугольным камнем которой является подчеркнутый суверенитет новых государств. Разрушению коллективных представлений истории молодежью способствовали различные её толкования политическими элитами для обоснования легитимности продвигаемых ими принципов и идей, модификация истории и прошлого в контексте текущих политических вызовов. В средствах массовой информации все прошедшие годы формировался искаженный образ прошлого, а именно это сегодня создает базу для познания молодыми настоящего и будущего ЕАЭС. В результате горизонтальный вектор консолидации ослабляется, снижается эффективность микросоциальной солидарности, возникающей внутри сообществ и между сообществами, составляющими общество в целом, уменьшается

объем социальной поддержки. Для успеха интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе важно воспроизводство общественного единства. Новая реальность на постсоветском пространстве, интеграционные процессы в Евразии создают импульс к возрождению дискурса прошлого и осмыслению его значения для общественной жизни, в целях выработки политических мер процессов интеграции, минимизации конфликтов и выстраивания евразийской идентичности. Сегодня в укреплении позиций ЕАЭС, как никогда, важно использовать ресурс социально-исторической памяти, поскольку она, по признанию экспертов, один из инструментов социального управления политической и общественной жизнью, ключ к пониманию стабильности и динамики современных обществ. Однако применительно к современным условиям, в рамках которых выросло новое поколение, которое не является непосредственным свидетелем прошлого, необходимо говорить скорее о коллективной памяти, которая основывается на представлениях о событиях прошлого, и, соответственно, формируется посредством грамотно выстроенной политики памяти тем или иным государством. При этом очень важно учитывать цели государства, которые оно перед собой ставит при реализации политики памяти. С этой точки зрения необходимо понимать вектор развития политики в странах ЕАЭС, поскольку формирование представлений о коллективном прошлом играет ключевую роль в развитии интеграционных процессов.

Теоретико-методологические основания исследования политики памяти

Понятие «политика памяти» впервые было введено в оборот во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор многотомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984–1992). В 1990-е гг. во Франции получили также широкое распространение понятия

«управление прошлым» и «долг памяти», которые сначала использовались применительно к депортации и геноциду евреев из Франции и других стран Европы во время нацистской оккупации, а затем – по отношению к войне Франции в Алжире в 1954–1962 гг. В Польше и других странах Восточной Европы наряду с термином «политика памяти» утвердился термин «новая историческая политика», автором которого стал Роберт Траба. По словам Траба, главный лозунг новой исторической политики – «патриотизм завтрашнего дня». Его суть – опора на ценности этнического патриотизма. Особого внимания заслуживает рассмотрение политики памяти в контексте символической политики. Исследования символической политики часто фокусируются на работе с прошлым и будущим. Даже при беглом знакомстве с литературой по *memory studies* становится очевидно, что в ней есть много конкурирующих понятий для обозначения если не идентичных, то весьма сходных явлений и процессов: «историческая политика»²²¹, «политика прошлого»²²², «политика памяти»²²³, «коллективная/общественная память»²²⁴, «историческая память»²²⁵, «политическое использование истории»²²⁶,

---

²²¹ *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32; Heisler M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 617. N 1. P. 14–24.

²²² *Art D.* Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.

²²³ *Концов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 40.

²²⁴ *Mälksoo M.* The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, N 4. P. 653.

²²⁵ *Boyd C.P.* The Politics of History and Memory in Democratic Spain // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. N 617. P. 133.

²²⁶ *Kangaspuro M.* The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. Jyvaskyla: Bookwell, 2011. P. 292.

«режима памяти»²²⁷, «культуры памяти»²²⁸, «игры памяти»²²⁹ и др. Причем конвенции относительно содержания вышеперечисленных терминов отсутствуют.

Политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т. е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью. Нередко утверждают, что коллективная память оперирует мифами – упрощенными и эмоционально окрашенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия простым схемам и воспринимаются членами группы как нечто «очевидное».

На наш взгляд, правильнее говорить об актуализированном прошлом (по-английски – *usable past*), как о своеобразном репертуаре исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик. Ядро этого репертуара образовано уже состоявшимися мифами, периферия же представляет собой пестрый набор не столь «самоочевидных», но узнаваемых смысловых конструкций. Таким образом, в данном контексте политика памяти может быть определена как деятельность государства и других акторов, направленная

---

²²⁷ *Langenbacher E.* Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations* / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. Washington: George Town University Press, 2010. P. 13.

²²⁸ *Никжентайтис А.* Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // *Слово.ру: Балтийский акцент.* 2012. № 3. С. 17.

²²⁹ *Mink G.* Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review.* 2008. Vol. 44, N 3. P. 469.

на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования.

С целью выявления особенностей политики памяти, реализуемой в странах-членах ЕАЭС, были проанализированы результаты опроса экспертов, представляющих научное сообщество и евразийские объединения и организации (n=50, метод отбора экспертов – метод снежного кома), проведенного отделом изучения социально-демографических процессов ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН. В опросе приняло участие 50 экспертов из стран-членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС. В качестве экспертов выступили:

- ведущие ученые, доктора наук из таких вузов, как МГУ им. Ломоносова, Российский университет дружбы народов, МГИМО, Уральский федеральный университет, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Ошский университет, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Казахский Университет Инновационных и Телекоммуникационных Систем, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Российский государственный социальный университет, РЭУ им. Плеханова;
- члены научного совета «Социально-политические проблемы формирования евразийского экономического союза»; эксперты центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, сотрудники центра евразийских исследований, г. Пермь, сотрудники Института Востоковедения, Национальной Армянской Академии наук, сотрудники Информационного агентства «EurAsia Daily», представители Международной некоммерческой организации исследовательских агентств «Евразийский монитор», сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси, представители НКО «Евразийское партнерство».

Результаты и обсуждение

Анализ ответов экспертов относительно политики памяти, проводимой в государствах-членах ЕАЭС, а также странах-кандидатах на вступление в ЕАЭС – Молдовы, Таджикистана показывает, что в целом эксперты высказывали мнение о том, что такая политика либо совсем не проводится, либо проводится в недостаточной степени.

«Мое мнение, что политика памяти недостаточно развита. Стоит более присмотреться к этому аспекту. Потому что, например, наше поколение, мое поколение, более старшее, оно все равно на этих связях зациклено, и как бы не развивались суверенные государства, они уже изначально где-то в глубине, как это называется по-философски, уже в архетипах сидит какой-то момент, именно тех связей, которые были в Советском союзе. Поэтому я думаю стоит развивать их более усиленно». (Эксперт № 18, представитель научного сообщества, доц., канд. культурологии, Казахстанский Университет Инновационных и Телекоммуникационных Систем, Казахстан).

В качестве существующих инструментов проведения политики памяти в государствах-членах эксперты выделили – ее выстраивание на основе памяти о Великой Отечественной войне: «Общая память, классиками Евразийства, не случайно выделялась как очень важный фундамент. У нас столько тысячелетий общего прошлого, в нем было всякое, но надо брать лучшее, надо брать те моменты, которые действительно помогают укреплению нашего сотрудничества, дают хорошие примеры. Здесь, безусловно, ближайшее – это память о совместной борьбе с фашизмом». (Эксперт № 13, представитель научного сообщества кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия)

При этом эксперты отмечают, что нельзя выстраивать политику памяти только на значимости Великой Отечественной войны, и указывают на необходимость поиска других способов формирования социально-исторической памяти молодежи.

«Скажем память о ВОВ – она присутствует, она культивируется, но, скажем так, поскольку, в той же центральной Азии очень много молодежи сейчас, то есть, демографически меняется ситуация, для них эта память тоже остается уже в прошлом, и не является чем-то актуальным, актуальной скрепой». (Эксперт № 31 представитель научного сообщества, общественный деятель, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, аналитический портал «Евразия.Эксперт», республиканское общественное объединение «Белая Русь», Беларусь).

«И самое главное, мое личное мнение, я с большим уважением отношусь к памяти о Великой Отечественной войне, всего того, что было, но, по мне, если мы делаем упор на общем прошлом, то никогда ничего не достичь в настоящем и тем более в будущем. Поэтому надо делать упор на проектах и вещах, которые нас объединяют сейчас и будут объединять в будущем. Поэтому вот такой упор на Великую Отечественную войну, на общее прошлое, это конечно заслуживает уважения, но это бесперспективно и никогда не принесет успеха в интеграционном проекте». (Эксперт № 26 политический обозреватель, информационное агентство «EurAsia Daily», Армения).

Анализируя политику памяти в странах-членах и кандидатах на вступление в ЕАЭС, эксперты акцентируют внимание также на негативных направлениях в политике памяти, связанных со стремлением стран выстраивания собственной истории (до СССР) и формирования национальной идентичности. При этом, с точки зрения большинства экспертов, история «переписывается», и Россия представляется в качестве агрессора-завоевателя.

«Ну, строго говоря, она вразрез с ними идет. То есть каждая из стран постсоветского пространства проводит собственную историческую политику, причем в основе этой исторической политики лежит одна единственная, центральная идея. Ну не единственная, но центральная – она заключается в том, что нужно таким образом корректировать историю, выделить в ней те моменты, которые будут доказывать, что независимое государство

на этой территории существовало испокон веков и оно как можно менее было обязано и связано с Россией. Соответственно, подчеркиваются все обиды. Центр национального сознания выводится не на исторические события присоединения к России или объединения с Россией, а наоборот – восстания против России. Тот же Казахстан, когда восстание 1916 года широко празднуется. То есть в данном случае историческая политика разрушает культурно-идеологические предпосылки для интеграции». (Эксперт № 6 представитель научного сообщества, канд. философ. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия).

«То есть они хотят все формировать все свою идентичность, то есть эта идентичность – она строится как раз на этих вещах, которые я озвучила, этническая, историческая и так далее. И, в этом плане, естественно это преобладает, это вытесняет советскую память». (Эксперт № 5 представитель научного сообщества, канд. полит. наук, доц., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия).

Характеризуя политику памяти, многие эксперты указывали на:

1. Разобщенность государств в формировании политики памяти: «к сожалению, стоит констатировать, что ряд государств уходят в своей политике памяти, в исторической политике достаточно далеко от неких общих знаменателей. Как пример, опять же, могу привести Казахстан, где выстраивание национальной идентичности делается акценты на том, что может скорее разделять тот же Казахстан и Россию. Мы имеем ввиду нарративы о голодоморе, нарративы о восстании 1916 года в Туркестане». То есть, я вижу, проблему в том, что национальные государства выстраивают сугубо свои какие-то отдельные нарративы. Они часто находятся в противоречии с друг другом, с какими-то общими нарративами, и конечно, это может быть проблемой, потому что историческая память влияет на самосознание граждан различных государств, и на отношение к союзу.

-
2. Ситуативность политики-памяти «если уж и политика, то ситуативная политика. То есть, во-первых, это эпизодически происходит, в какие-то моменты, 9 мая, мы почему-то все вспоминаем о войне».
  3. Низкую степень популяризации и освещенность евразийской интеграции в СМИ, «новых медиа»: «то есть это, во-первых, плохая освещаемость средствами массовых информационных, то есть, нет ни одной передачи хотя бы на Белорусском телевидении, да и на российском в принципе нету, на казахском предполагаю, что нету, который освещал бы успехи в сфере интеграции, достижения, продвигало бы какую-то гуманитарную повестку, это первое. Второе: я не вижу в социальных сетях серьезного продвижения. Да, есть канал Евразийской экономической комиссии, и страничка Вконтакте есть, на Фейсбуке есть, но опять же, у них просмотров очень мало, сейчас даже скажу, захожу Вконтакте на страничку Евразийской экономической комиссии, и тут три тысячи подписчиков, просмотров ну вот 187, 315, 236, ну это достаточно низкий уровень».
  4. Роль русского языка в реализации политики памяти: «но положительным фактором является то, что до сих пор роль русского языка достаточно сильная в Кыргызстане. Ну, а в других странах чуть поменьше. В Кыргызстане, Казахстане роль русского языка, роль средств массовой информации РФ достаточно сильна, но с каждым годом они тоже теряют свою силу».

«Многие жители нашей страны отдают детей в русские школы, в русские классы, чтобы получить качественное образование. Но здесь есть проблема – не хватает учителей, уже старые преподаватели, уже в преклонном возрасте. Не хватает учебников, методики и так далее. Вот здесь, такие организации как Россотрудничество могли внести бы свой вклад, но все это упирается, как вы знаете, в финансовые ресурсы» (Эксперт № 16 д-р эконом. наук, профессор, Ошский государственный университет, Кыргызстан).

---

5. Роль образовательных мероприятий в реализации политики памяти

«Много лет уже проводятся очень серьезные научные международные конференции именно по сохранению исторической памяти о ВОВ. Также я считаю, что надо это продолжать и создавать некие большие научные форумы, именно посвященные политике памяти ЕАЭС: не конкретных стержневых событий, но выстраивать некие общие точки общей коллективной памяти ЕАЭС» (Эксперт №12 представитель научного сообщества, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия).

6. «Десоветизация» Евразийского пространства при формировании политики памяти.

«У нас идет тотальная дерусификация, десоветизация пространства евразийского и соответственно смывается общеисторическая память. Проблема в том, что у нас ее сейчас практически не осталось. Даже у нас, в Беларуси идет жесткая дискуссия по поводу того, кто победил в войне: белорусы или советские люди» (Эксперт № 29 представитель научного сообщества, кафедра социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, Беларусь).

«Я знаю, что те же процессы происходят в Казахстане, Киргизии, в частности, например, в Казахстане пытаются объяснить, что же делал герой казах в доме Павлова в Сталинграде. А он там защищал степи Казахстана, оказывается от немецко-фашистских захватчиков, не Советский союз, а степи Казахстана отдельно» (Эксперт № 29 представитель научного сообщества, кафедра социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, Беларусь).

В целом, анализируя мнение экспертов относительно сегодняшней политики памяти в государствах-членах и кандидатах на вступление в ЕАЭС, можно сделать вывод о том, что в настоящее время та политика памяти, которая проводится не способствует консолидации в рамках ЕАЭС и носит скорее

дестабилизирующий характер, поскольку в ней четко выражено стремление стран акцентировать внимание именно на национальной идентичности, и даже при передаче молодому поколению информации об общих интегрирующих событиях прошлого таких как Великая Отечественная война делаются попытки представления роли конкретной страны в Победе над фашизмом.

Безусловно, такая политика памяти приводит к тому, что у молодежи в странах-членах и кандидатах на вступление ЕАЭС социально-историческая память в контексте интеграционных процессов недостаточно сформирована, о чем и говорит большинство экспертов. При этом межстрановых различий не наблюдается.

«Ну, армянская молодежь, если Вы меня имеете в виду, мне уже 42 года. Но армянская молодежь, если сейчас считать до 25–30 лет, то они вообще об этих темах не знают, не читают, не интересуются. Их социальная память очень отличается» (Эксперт № 25 журналист, Российско-Армянский университет, Армения).

«С Беларусью гораздо лучше, у них тоже она политизирована, у них нарушена связка «Свой-чужой» и они не воспринимают общую историческую память, нашу, вместе с ними. Они воспринимают все события истории как свои, которые относятся к ним, и не свои, которые вторые по значимости, которые относятся, например, именно к России». (Эксперт №12 представитель научного сообщества, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия).

При оценке социально-исторической памяти молодежи стран-членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС эксперты указывали на то, что современная молодежь не понимает личной выгоды от вступления его страны в ЕАЭС, которая для них очень значима, и эту «выгоду» необходимо для продемонстрировать посредством размещения информации в понятной им форме в социальных сетях, телеграмм каналах и т.д.

«Я вот недавно делал видеоролик о достижениях ЕАЭС, и освещал такие моменты, и ребята, которые от меня, студенты,

---

они удивлялись, они даже не знали, что оказывается у нас есть определенные успехи, у нас не только, как я вам в первой части нашего комментария сказал, что не только есть рынок, на которой идет половина всей внешней торговли Беларуси. У нас оказывается, благодаря ЕАЭС и союзному государству есть низкие цены на энергоносители. Благодаря дешевой Российской нефти и газу у нас тепло в наших домах, мы не платим за коммунальные услуги большие цены как в Европе, и благодаря этому у нас есть это тепло, которое дешевое и всем доступное» (Эксперт № 34, общественный деятель, НКО «Евразийское Партнёрство», Беларусь).

«Не только телеканал «Мир», но и внутри каждой страны должны быть эти часы ЕАЭС на телевиденье, больше должно быть каких-то каналов на Ютубе, в соц. сетях этих интеграционных именно моментов, чтобы люди понимали, что, кроме своего, есть еще цивилизационное – Евразийский уровень» (Эксперт № 13, представитель научного сообщества канд. ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия).

Характеризуя национальную политику памяти, которую странам необходимо выстраивать для консолидации интеграционных процессов, эксперты отмечали следующие направления:

1. Выстраивание политики памяти на основе социокультурных и образовательных обменов.
2. Одним из ключевых инструментов при реализации политики памяти выступает формирование коммуникативного пространства в инфосреде, работа по этому направлению в понятной для молодежи форме.

«Но самое главное, наверное, все-таки не забывать, о том, что современная инфосреда требует наполнения этими общими историческими нарративами, общими смыслами, пусть они актуализуются в современных формах, пусть они приспособлены именно для восприятия людей молодых, они могут отличаться от каких-то там других форм, типа фильмов или книг».

(Эксперт № 31 представитель научного сообщества, общественный деятель, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, аналитический портал «Евразия.Эксперт», республиканское общественное объединение «Белая Русь» Беларусь).

3. Необходимо выстраивание социокультурной политики памяти, с постановкой целей, задач, совместного долгосрочного планирования.
4. При реализации политики памяти необходимо использование инструментов мягкой силы.

Относительно роли Евразийской экономической комиссии в реализации и формировании политики памяти, эксперты высказали мнение о том, что сам формат Евразийской экономической комиссии не подходит для осуществления деятельности по реализации политики памяти, но при этом, безусловно, необходима наднациональная структура, которая бы занималась этим вопросом.

«Сама Евразийская экономическая комиссия, в силу своего функционала, тех полномочий, которые за ней закреплены в вопросе, заниматься не сможет. Нужен какой-то орган, консультативного характера, совещательного характера при этой комиссии, который был бы ориентирован на проблемы гуманитарного сотрудничества. Или межгосударственная организация по грантовой поддержке молодежи, что-то вот такого типа, организация, органы, которые поддерживали НКО, возможно, молодежное НКО, можно было бы подумать о каком-то развитии на уровне молодежных общественных палат. Вот такие инструменты взаимодействия, которые поддерживались бы официальными органами Евразийского экономического союза – оно бы могли принести эффект» (Эксперт № 11 представитель научного сообщества, доктор политологических наук, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Россия).

«Мне кажется, что должен быть комитет по молодежной политике, как минимум. Ладно, пускай он будет с экономическим наполнением, Бог с ним, напишите, что это молодежный бизнес,

---

молодежное предпринимательство, молодежные сферы экономического взаимодействия, но до сих пор, мне кажется, вообще, евразийский экономический союз воспринимается, как большая политика взрослых. Там нет места вообще молодежи, подрастающему поколению, всему остальному». (Эксперт № 27, представитель научного сообщества, д-р социол. наук, Луганский национальный университет им. В.И. Даля).

Эксперты высказали опасения относительно такого формата наднациональной структуры по реализации и формированию политики памяти, как НКО, поскольку деятельность таких организаций очень сильно зависит от финансирования, которое может оказывать значительное влияние на направление их деятельности, а значит и на саму политику памяти.

В рамках исследования эксперты также оценивали роль новых медиа в реализации политики памяти и основными механизмами реализации и формирования политики в контексте евразийской интеграции. Безусловно, эксперты указали на то, что роль новых медиа в формировании социально-исторической памяти молодежи стран-членов и кандидатов на вступление очень высока, на это они указывали при ответе на другие вопросы в рамках экспертного интервью.

Относительно механизмов использования новых медиа, которые способствовали бы поддержанию общей социальной памяти молодежи государств-членов ЕАЭС и транслировали позитивные образы интеграции, эксперты указали следующие:

1. Создание центров генерации сетевой позитивной информации.
2. Разработка количественно-качественных показателей памяти применительно к сетевому контенту.
3. Мониторинг контента с выявлением и анализом информационных источников позитивной/негативной памяти.
4. Разработка сетевых мероприятий/технологий по локализации /нейтрализации негативной информации, заменой негативной информации на позитивную информацию.
5. Создание единого информационного поля в социальных сетях, которое бы регулировалось ЕАЭС.

В качестве направлений, которые эксперты считают приоритетными для формирования политики памяти в контексте евразийской интеграции, можно выделить следующие:

1. Информирование населения стран-участниц о преимуществах евразийской интеграции как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных граждан.
2. Формирование общего информационного поля в рамках «новых медиа» с целью позиционирования положительных аспектов интеграции. Создание информационных ресурсов в том числе и на национальных языках стран-участниц.
3. Развитие культурно-образовательных обменов. Создание единого культурного пространства.
4. Разработка методологии по количественно-качественным характеристикам всех аспектов памяти. Создание индекса оценки политики памяти и самой социально-исторической памяти в странах-участницах.
5. Продвижение социально-исторической памяти и положительных образов интеграции посредством понятных для молодежи форм.
6. Создание общей евразийской идеи.
7. Преодоление негативных эффектов, связанных с «десоветизацией» прошлого, внедрение цензуры на фальсификацию событий прошлого.
8. Более эффективное использование инструментов мягкой силы.

Анализ результатов нашего исследования показывает, что основное противоречие в практиках конструирования социальной памяти молодежи стран ЕАЭС заключается в том, что страны ЕАЭС, с одной стороны, стремятся к интеграции, а, с другой стороны, выстраивание собственной истории и формирование национальной идентичности на образе России в качестве «захватчика».

В качестве основных проблем при выстраивании политики памяти следует отметить следующие:

-
- разобщенность государств в формировании политики памяти; ситуативность политики-памяти;
  - низкая степень популяризации и освещенности евразийской интеграции в СМИ, «новых медиа», отсутствие бесплатных ресурсов по изучению русского языка;
  - отсутствие целевой идеологической направленности образовательных мероприятий; «десоветизация» Евразийского пространства при формировании политики памяти.

Говоря о механизмах и практиках конструирования памяти по результатам исследования, можно выделить следующие блоки:

1. Создание институционализированной системы конструирования социальной памяти в информационном поле «новых медиа».
2. Включение молодежи в мероприятия по конструированию социальной памяти.
3. Повышение уровня информированности молодежи о преимуществах вступления в ЕАЭС на уровне повседневных практик.
4. Проведение комплексного исследования повседневных практик молодежи, выявление общих повседневных практик для молодежи всех стран ЕАЭС и формирование на этой основе евразийской идентичности. Развитие культурно-образовательных обменов. Создание единого культурного пространства.

ГЛАВА 9. КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ

Для изучения социальной памяти молодежи необходимо рассмотреть теоретические подходы к исследованию такого явления, как социальная память среди зарубежных и отечественных социологов в разные исторические периоды. Это позволит сформулировать определение понятия «социальная память» и конкретизировать исследовательское поле представленной работы. Стоит отметить, что область социологического знания, называемая за рубежом «memory studies», очень обширна и содержит труды большого числа зарубежных и отечественных социологов.

Одним из первых, кто занялся изучением природы социальной памяти, был классик французской социологии М. Хальбвакс в 1925 году. Он, продолжая традицию своего учителя Э. Дюркгейма, рассуждает о коллективной памяти и ее роли в развитии общества. М. Хальбвакс утверждал, что социальные группы обладают определенной памятью²³⁰. При этом стоит отметить, что память о прошлом неоднородна и разделяется ученым на автобиографическую, историческую и коллективную память²³¹. Наиболее подробно автор останавливается на последней разновидности. Воспоминания образуются в сознании членов группы, исходя из принятых социальных договоренностей. Эти договоренности служат ориентирами для формирования воспоминаний и проявляются в виде речи, представлений о пространстве и времени и т. д.

---

²³⁰ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

²³¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.

Автор, раскрывая природу социальных договоренностей в своей работе «Социальные рамки памяти»²³², задавался вопросом: «В самом деле, как может общество распространить свою власть на такие области индивидуальной душевной жизни, где оно не встречает ничего соприродного себе и не может ничего разглядеть?»²³³ Он отмечал, что воспоминание невозможно без восприятия, то есть любое наше воспоминание не является в чистом виде нашим достоянием и обусловлено восприятием внешней среды, следовательно, воспоминание является коллективным. Человек способен запоминать и воспроизводить в своем сознании прошлое лишь отличив его от настоящего, тем самым выходя за пределы своего нынешнего состояния. Также коллективную природу воспоминаний М. Хальбвакс объясняет идентичностью основных нервных процессов у каждого индивида.

События прошлого, содержащиеся в социальной памяти, распределены неравномерно. Про один исторический период может быть ничего не известно, а другой может содержать множество ориентиров. Это означает, что люди отмечают на временной хронологии памяти выборочные важные эпизоды. По М. Хальбваксу эти событийные отметки «не только служат обществу для членения временной длительности, но также и питают собой его мысль, наряду с техническими, религиозными и моральными понятиями...»²³⁴.

Природа социальной памяти содержит в себе не только исторические отметки, но и оценку этих событий, или как пишет М. Хальбвакс «отблеск размышлений». При этом любое событие или оценка становятся ясны при возвращении к нему не изолированно, а вместе с его историческим контекстом.

Индивидуальные воспоминания вписаны в рамки социальной памяти. Таким образом, социальные группы могут в любой момент

---

²³² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

²³³ Там же. С. 319.

²³⁴ Там же. С. 329.

реконструировать свое прошлое. Однако в результате подобной реконструкции она может искажать былую действительность.

Как отмечает М. Хальбвакс, это происходит потому, что «общество может жить лишь при том условии, что между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство во взглядах»²³⁵. Ограниченность людей временными рамками жизни ставит под угрозу непрерывное развитие общества, в связи с этим каждое поколение перерабатывает содержание социальной памяти таким образом, чтобы оно способствовало консолидации людей в определенных обстоятельствах. Из социальной памяти удаляется то, что могло бы приводить к разобщению групп за счет различных версий содержания социальной памяти.

Как пишет М. Хальбвакс, для коллективной мысли намного приоритетнее переоценка прошлого, чем осознание настоящего. Древние нормы и принципы, прошедшие проверку времени не одним поколением, представляются значимыми для современных обществ. Однако бывают ситуации, в которых принятые в коллективной памяти традиции уступают место чему-то новому. М. Хальбвакс убежден, что отказ от прошлого может происходить лишь в том случае, если члены общества будут уверены, что найдут для себя что-то другое.

В заключение рассмотрения мыслей М. Хальбвакса приведем следующую цитату: «...социальная мысль – есть по сути своей память и все ее содержание образовано коллективными воспоминаниями, но при этом сохраняются лишь те из них (и лишь те элементы каждого из них), которые общество может в любую эпоху реконструировать, работая над своими нынешними рамками»²³⁶.

Особенности социальной памяти частично затрагивает известный антрополог К. Леви-Стросс. В работе «Неприрученная

---

²³⁵ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 336.

²³⁶ Там же. С. 343.

мысль»²³⁷ 1962 года он пишет о функции «давления из истории», которая заключается в том, что «Мы используем большое количество дат для кодирования некоторых периодов истории и меньшее количество для других»²³⁸. Ученый описывает «горячие» и «холодные хронологии». Первые из них представляют собой «те периоды, когда в глазах историка множество событий появляются в виде дифференциальных элементов» или насыщенные датами периоды. Холодные же хронологии представляют собой обратную картину – картину забвения.

Также ученый обращает внимание на важность смысловой нагрузки и связки исторической информации. Он, приводя пример того, что знание о конкретной дате без ее контекста не делает его мудрее, пишет: «код может состоять только из классов дат, где каждая дата имеет значение в той мере, в какой она находится в сложных отношениях корреляции и противопоставления с другими датами»²³⁹.

Вклад в «memory studies» в социологии внес М. Фуко, одним из первых подробно описав неоднородность коллективной памяти, впервые употребив в 1971 году в своем эссе «Ницше, генеалогия и история» термин «контрпамять»²⁴⁰. Описывая три варианта использования истории, ученый отмечает, что третий из них – «жертвенный, направленный против истины и противостоящий истории как знанию»²⁴¹. Именно такое использование истории «разрывает ее связь с памятью, ее метафизической и антропологической моделью и создает контрпамять – трансформацию истории в совершенно иную форму времени»²⁴². Таким

---

²³⁷ LéviStrauss C. *The Savage Mind*. Chicago, 1966. P. 325.

²³⁸ Там же. С. 259.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Фуко М. Ницше, генеалогия и история // *Философия эпохи пост-модерна: Сборник переводов и рефератов*. Минск: Красико-принт, 1996. С. 74–97.

²⁴¹ Foucault M. *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews* / Trans. and ed. by Donald F. Bouchard. Ithaca, 1977. P. 160.

²⁴² Там же. С. 160.

образом, М. Фуко, говоря о практике коллективной памяти, замечает, что в среде определенных субкультурных сообществ появляется альтернативная трактовка исторических событий в качестве ответа на выявленную этими группами историческую недостоверность об определенных событиях. Ученый также отмечает подрывную природу такой памяти, ее опасность по отношению к основной версии трактовки исторических событий. Однако в начале своего труда о контрпамяти М. Фуко рассматривает теоретические взгляды предшественников и замечает следующее: «Хотя на первый взгляд контрпамять может показаться формой отрицания, она становится <...> подтверждением особенностей, присущих любой практике, и, возможно, деятельностью, которая позволяет появляться новым практикам»²⁴³. Таким образом ученый отмечает, что контрпамять способна не только быть угрозой для основной исторической трактовки событий, но и породить новые практики в тех сообществах, где она разделяется.

Продолжателем мысли М. Хальбвакса выступил французский историк П. Нора. В своей статье «Между памятью и историей: места памяти»²⁴⁴ в 1989 году автор описывает природу коллективной памяти как находящуюся «в постоянной эволюции, открытой для диалектики воспоминания и забвения, не осознающей свои постоянные изменения, легко поддающейся манипулированию и присвоению, порой угасающей на какое-то время, чтобы затем снова пробудиться к жизни»²⁴⁵. По мнению историка, до нас доходят «архивные формы» памяти, так как живые традиции угасают в современном обществе, практика их воспроизводства все менее распространена. Эти останки былых практик автор призывает искать в особых зонах, давая им определение «места памяти» (*les lieux de mémoire*). Объясняя

---

²⁴³ *Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / Trans. and ed. by Donald F. Bouchard. Ithaca, 1977. P. 9.*

²⁴⁴ *Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. pp. 7–24.*

²⁴⁵ Там же. С. 8.

суть этого понятия, автор пишет, что эти места представляют собой, «в сущности, не что иное, как останки, последние воплощения мемориального сознания, которое почти исчезло в наши дни, в эпоху, постоянно занятую поисками прошлого, поскольку память о нем оказалась утраченной»²⁴⁶.

Пьер Нора также отмечает, что современное общество живет не только информацией из «мест памяти». Он отмечает также тенденцию «рождения наций», которая подчеркивает разрыв нового национального образования с прошлым, отрицание исторической памяти²⁴⁷.

Спустя чуть менее 80 лет, о концепции социальной памяти рассуждал другой зарубежный автор – немецкий ученый Харальд Вельцер. В своем труде «Социальная мысль»²⁴⁸ автор производит анализ примеров спонтанного формирования представлений о прошлом, используя большое количество иллюстративных примеров из мифологии, антропологии и т. д. Автор выделяет особую роль коммуникации людей в процессе спонтанного «создания» истории для потомков. Он дает схожую с пониманием М. Хальбвакса трактовку термину «социальная память», отмечая, что она представляет собой интенциональные формы коммуникации, опосредование и воспроизводство традиции, а также незаметное, непреднамеренное и спонтанное транслирование истории внутри общества. Также в своей работе он изучает явление культурной и коммуникативной памяти.

Следующим зарубежным автором, который подробно изучал проблему социальной памяти, является современная немецкая исследовательница А. Ассман. В своей работе «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика»²⁴⁹

---

²⁴⁶ *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. P. 12.

²⁴⁷ Там же. С. 16–17.

²⁴⁸ *Harald Wielzer.* Das soziale Gedächtnis. Hamburger Edition. Hamburg, 2001. S. 300.

²⁴⁹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.

автор выделяет три типа памяти: нейронную, социальную и культурную, наиболее подробно рассматривая последние два вида.

Концепция социальной и культурной памяти представляет собой теоретическое построение модели того, как образ прошлого формируется в социуме, каким образом индивидуальные воспоминания отражают культурный контекст запоминающей и вспоминающей личности. Так, описывая эту модель Ассман отмечает ту же ограниченность поколенческими изменениями, что и М. Хальбвакс, но уточняет, что помимо семейных существуют социальные и исторические поколения, которые ритмизируют временной опыт общества. А. Ассман развивает идею о том, что индивидуальная память зависит от памяти более крупных поколенческих групп и не ограничивается одним временным диапазоном. При этом каждое поколение по-своему трактует и оценивает исторические события, что связано с различными ценностями и потребностями разных возрастных групп. Оценка исторической памяти каждым поколением, те рамки и приоритеты, которые они устанавливают, имеют ограниченный срок существования и не всегда принимаются потомками. На примере истории Германии после поражения во Второй мировой войне автор отмечает, что публичная мемориальная культура по отношению к травматическому историческому событию формируется спустя пятнадцать-тридцать лет после него.

Описывая природу социальной памяти, А. Ассман вводит понятие «живой памяти». По мнению автора, это та часть памяти, которая актуализирует прошлое в разговоре. Такого рода память имеет временное ограничение, которое можно несколько расширить за счет медиальных основ: книг, фотоальбомов или дневников. Однако это по-прежнему сохраняет ограниченность живой, актуальной части социальной памяти. Временное ограничение социальной памяти автор видит тремя-четырьмя поколениями людей.

Таблица 8 – Виды памяти по А. Ассман

Измерение	Нейронная память	Социальная память	Культурная память
Носитель	Мозг индивидуума	Социальная коммуникация	Символические медиаторы
Среда	Социальная коммуникация	Мозг индивидуума	Социальная коммуникация
Опора	Символические медиаторы	Символические медиаторы	Мозг индивидуума

Источник: Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. С. 31.

Ученый также описывает более масштабное явление – культурную память. Она отмечает, что в разграничении культурной и социальной памяти существуют сложности. Описывая память с культурологической точки зрения, А. Ассман пишет, что такое понимание включает изучение воздействия образов и символов на память, а также описание деструктивного потенциала памяти и ее критическую оценку. Для разграничения двух типов коллективной памяти автор отмечает, что для социальной памяти носителем являются сплоченные обновленные общими воспоминаниями группы. Социальная память распространяется в среде отдельных индивидов, которые делятся уникальными версиями воспоминаний. При этом опорой социальной памяти служат используемые индивидами символические медиаторы. Культурная память содержится в символах, артефактах, практиках и т.д. где индивиды, сменяясь в поколениях хранят воспроизводят элементы памяти. Автор также представляет сравнительный анализ разновидностей памяти в виде таблицы (таблица 8).

В этот же период проблемами памяти поколений занималась американская исследовательница Марианна Хирш. В своих работах она акцентировала внимание на явлении «постпамяти» о Холокосте и уничтожении евреев в Европе в период Второй

мировой. В частности, автор задавалась вопросом «...как это «чувство живой связи» может поддерживаться и сохраняется, даже когда поколение выживших покидает нашу среду, и как в то же время оно разрушается»²⁵⁰. То есть, М. Хирш интересуется сохранение и воспроизводство социальной памяти. Автор описывает поколение, которое непосредственно не переживало события холокоста, однако ощущало свою причастность к нему. Так, писатели и художники «второго поколения» или «поколения после» публиковали большое количество работ, связанных с тематикой Холокоста и точно отражавшие суть этого места. Так, М. Хирш делает вывод, что «в определенных экстремальных обстоятельствах память может быть передана тем, кто на самом деле не присутствовал при этом событии. В то же время – так предполагается – это полученное воспоминание отличается от воспоминаний современных свидетелей и участников»²⁵¹.

В концепции автора феномен «постпамяти» выражает запоздалость оценки исторических событий и происходит через цитирования и посредничество. В целом, постпамять нашего времени, по мнению М. Хирш, характерна ощущением «рубежа веков», в ходе которого необходимо соотносить современность с недавним прошлым. В другой своей работе²⁵² ученый пишет, что постпамять захватывает личность, интерпретирующую ее, и одновременно фильтруется через семейные или другие групповые отношения. Также автор отмечает тенденцию к искажению социальной памяти в рамках межпоколенческой трансляции: «...разрыв между тогда и сейчас, между тем, кто его пережил, и тем, кто его не пережил, остается монументальным и непреодолимым, даже когда гетеропатическое воображение пытается преодолеть его»²⁵³.

---

²⁵⁰ *Marianne Hirsch*. The Generation of Postmemory Columbia University Poetics Today 29:1, Spring 2008. P. 104.

²⁵¹ Там же. С. 106.

²⁵² *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. P. 320.

²⁵³ Там же. С. 86.

Ссылаясь на Е. Хоффманн, автор приводит следующее описание: это методы, с помощью которых «полученные, переданные знания о событиях превращаются в историю или в миф»²⁵⁴. В целом, автор дает следующее определение явления постпамяти: «Постпамять описывает отношение второго поколения к сильным, часто травмирующим переживаниям, которые предшествовали их рождению, но которые, тем не менее, никогда не передавались им так глубоко, что, казалось бы, сами по себе являются воспоминаниями»²⁵⁵.

Автор приходит к выводу, что молодежь обладает особым, но связанным с предыдущими поколениями видами памяти. При этом особую роль она отводит фото- и видеоматериалам. М. Хирш отмечает, что визуальная репрезентация прошлого есть более наглядный и эффективный способ передачи памяти, который актуализировало «второе поколение» после Холокоста в своем творчестве. Так, фотографии помогают молодежи «мыслить образами» за счет своей эмоциональной окрашенности и получить сопричастность для интерпретаторов с событиями, которые с ними не происходили.

Поле терминологии «memory studies» расширил Я. Зерубавель, который в своей статье «Динамика коллективной памяти»²⁵⁶ подробно описал природу и содержание коллективной памяти, проведя теоретический анализ работ своих предшественников по этой теме. В ходе своего исследования автор задается вопросом о влиянии рассказов о прошлом и ритуалов на политическую жизнь общества и создание образа народа, национальное самосознание в глазах его членов. Так, он отмечает, что формирование национальной памяти и традиции происходит путем избирательного воспроизведения исторического

---

²⁵⁴ Hoffman, Eva. 2004 *After Such Knowledge: Memory, History, and the Legacy of the Holocaust* (New York: Public Affairs). P. 320.

²⁵⁵ Marianne Hirsch. *The Generation of Postmemory* Columbia University Poetics Today 29:1, Spring 2008. P. 103.

²⁵⁶ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.

материала. Одни аспекты истории пересматриваются или вовсе отвергаются, другие активно изучаются и освещаются. Ссылаясь на Барри Шварца²⁵⁷ Я. Зерубавель, называет эту тенденцию выборочным изучением истории. Из этого автор делает вывод, что история и память о ней находятся не только в очевидной взаимосвязи, но еще и в постоянной борьбе между собой.

В качестве средств сохранения и оживления коллективной памяти ученый приводит широкий перечень формальных и неформальных средств, которые в процессе реализации вступают в конфликт с трактовками историков. Эти меры автор, ссылаясь на М. Хальбвакса²⁵⁸ называет коммеморацией, которая состоит из «всех тех многочисленных способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом».²⁵⁹ Основой акта коммеморации является «коммеморативный нарратив» как повествование об определенных исторических событиях с обоснованием совершаемых ритуальных действий.

Автор отдельно отмечает исключительное влияние процесса первичной социализации на формирование коллективной памяти. С его точки зрения, национальные традиции усваиваются ребенком именно в процессе школьного обучения и воспитания.

В качестве отличительной черты коллективной памяти Я. Зерубавель отмечает ее способность обосновать легитимность определенной социальной группы через ее отделения от остального социума. Так, в коллективной памяти часто встречаются события, от которых ведется отсчет существования новой общности. Они оказывают ключевое влияние на формирование нации, объясняя ее самобытность.

---

²⁵⁷ *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces*. 1982. № 61. P. 374–402.

²⁵⁸ *Halbwachs M.* The Collective Memory. New York: Harper & Row, 1980. P. 82.

²⁵⁹ *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство. 2011. С. 14.

Что касается наполнения коллективной памяти, то тут проявляется ее ключевое отличие от исторической науки: она наполнена не доскональным анализом истории, а яркими и понятными обывателю образами, с помощью которых фиксируется определенное идеологическое мировоззрение. Также содержание коллективной памяти характеризуется «коммеморативной плотностью». Она означает смысловую нагрузку и важность, которую общество придает конкретному историческому периоду. Фрагменты истории с повышенной коммеморативной плотностью часто обретают символический смысл и скорее превращаются в политические мифы. Эта мифология, по мнению автора, с одной стороны, удовлетворяет потребность социума в консолидирующем начале, а, с другой, сама формирует эту потребность. Также политические мифы обладают силой разъединения и одновременно объединения различных трактовок истории в зависимости от точки зрения при интерпретации исторических событий.

Помимо подробного анализа содержания коллективной памяти Я. Зерубавель отмечает отдельный тип коллективной памяти – «контрпамять». Он определяет ее как «Альтернативную повествовательную модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней...»²⁶⁰ Такая память враждебно настроена и обладает тенденцией подрывной деятельности. Этот потенциал ясно осознается и сдерживается политической элитой с помощью запрещения мер поддержки контрпамяти ее носителями. Она отрицает распространенные в обществе представления о прошлом и претендует на большую приближенность к истине. Помимо подрывного потенциала контрпамяти автор отмечает также ее способность усилить общепринятую коллективную память. Это происходит потому, что вызов контрпамяти стимулирует развитие основной трактовки истории.

---

²⁶⁰ Зерубавель Я. Указ. соч. С. 22.

Этот вызов контрпамяти имеет политический мотив. Так как основная «линия» коллективной памяти формируется политической элитой, то контрпамять, таким образом, бросает вызов власти и использованию коллективной памяти в ее интересах. То есть контрпамять выступает инструментом политической борьбы. Так, Я. Зерубавель приводит пример коллективной памяти коренных жителей Америки и их требований ее включения в общую американскую коллективную память.

Нельзя не отметить значимый вклад Я. Зерубавеля в изучение коллективной памяти за счёт выделения терминологии, обозначения содержания коллективной памяти и выделения ее отдельной разновидности в виде контрпамяти.

Следующим автором, внесшим вклад в сферу «memory studies», стал известный британский социолог Зигмунт Бауман. Во введении своего труда «Ретротопия»²⁶¹, опубликованного в 2017 году ученый, ссылаясь на труд Светланы Бойм²⁶² описывает «эпоху ностальгии», называя ее «ретротопией». Он объясняет возникновение этого феномена «вторым поворотом» Томаса Мора от оптимистичных взглядов в будущее как эпоху непрекращающегося прогресса. Так автор описывает этот поворот: «отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности. После такого разворота будущее из естественной среды обитания надежд и верных ожиданий превратилось в обитель кошмаров...»²⁶³. Ретротопию З. Бауман называет наследницей утопии о счастливом будущем, которая ввела идею о неустойчивости поддерживаемого порядка, о возможных бесконечных изменениях этого порядка.

---

²⁶¹ *Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.*

²⁶² *Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001. P. 432.*

²⁶³ *Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 19.*

Важной чертой ретротопии, которую выделяет Светлана Бойм, является ее появление в периоды войн и революций. Так, она приводит пример с Французской революцией, к которой, как может изначально показаться, привел именно прошлый режим в стране. Однако образ этого прошлого режима сформировала именно сама революция, дав ему законченное и логическое оформление в общественном сознании. Аналогичный пример приводит З. Бауман применительно к российской действительности: он пишет, что в настоящее время в России распространены «представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе стабильности, силы и, «нормальности»²⁶⁴, объясняя это как результат падения коммунизма.

В своей работе З. Бауман ставит цель проследить развитие ретротопии в периоде 500-летней истории после Томаса Мора. Он освещает следующие ключевые тенденции «ретротопической» фазы истории: реабилитация племенной модели общества, возврат к понятию первобытного самосознания и отказ от сложившихся к настоящему времени представлений о ключевых признаках цивилизованного порядка. Говоря об образе прошлого З. Бауман выделяет ту же тенденцию, что и предыдущие авторы – он замечает тенденцию к избирательному запоминанию и забыванию истории. При этом этот фрагментарный образ прошлого в результате ретротопии объявляется лучшим, проверенным временем, незаслуженно забытым и достойным служить ориентиром для нашей современности. Также автор развивает идею о том, что незнание прошлого делает его более привлекательным в головах обывателей. Он приводит следующую цитату Д. Лоунталя «Прошлое восхищает больше, являясь царством веры, а не фактов»²⁶⁵.

---

²⁶⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 22.

²⁶⁵ Лоунталь, Дэвид. Прошлое – чужая страна [Текст] / Дэвид Лоунталь; пер. с англ. А.В. Говорунова. Санкт-Петербург: Владимир Даль: Русский Остров, 2004. С. 134–135.

Стоит отметить, что Зигмунд Бауман дает достаточно категоричное определение «политики памяти». Он пишет, что она представляет собой «практики произвольного выбора и/или исключения фактов в политических (а по факту, в пользу одной из сторон) целях»²⁶⁶. Он сравнивает политику памяти с переписыванием истории «Министерством Правды» в романе Джорджа Оруэлла. Важно отметить, что Зигмунд Бауман не выделяет плюсов политики памяти как консолидирующего фактора в общественном сознании.

Однако развитие информационных технологий должно, по мнению автора, положить конец «Министерству Правды» и усложнить проведение политики памяти. В то же время путь историков и их трактовки прошлого к массовому сознанию стал еще более затруднен в связи с развитием сети Интернет.

Социологический анализ памяти также осуществляет Дж. Олик в своем исследовании фигураций памяти в статье «Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии».²⁶⁷ Он начинает свою работу с описания неоднозначности понятия «коллективная память» и приходит к выводу, что не существует единой трактовки этого понятия. В целом он критикует понятие «коллективная память» и пишет следующее: «понятие коллективной памяти, с одной стороны, позволяет обращать внимание на важные аспекты социальной жизни, но с другой стороны, неоправданно их конкретизирует и объективирует, обобщает»²⁶⁸. Он отмечает субстантивистскую природу этого определения. То есть подход к изучению коллективной памяти как правило представляет ее как некий существующий, заранее предопределенный общий феномен. Однако своей целью он ставит рассмотреть коллектив-

---

²⁶⁶ Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 23.

²⁶⁷ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74.

²⁶⁸ Там же. С. 44.

ную память как совокупность конкретных практик воспоминания, называя это процессо-реляционной критикой. Именно это позволят сделать фигурации памяти, которая представляет собой ряд «...меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы»²⁶⁹. Он вводит четыре концепта: поле, средство передачи, жанр и профиль. Первый означает наличие разной социальной памяти в зависимости от поля ее образования. Средство передачи ставит вопрос о природе социальной памяти: Дж. Олик отмечает, что память есть не то место, где хранится историческая правда, но это место, где есть смыслы этих событий. Нам трудно понять, что в действительности происходило много лет назад, но след осмысления этого содержится в коллективной памяти. Также автор приводит четыре средства передачи этих смыслов, их критерии и функции (таблица 9).

Таблица 9 – Способы передачи коллективной памяти по Дж. Олику

Критерий	Способ передачи	Функция
Эмоциональность (аффективный)	Политические фестивали, юбилеи	Идентичность и интеграция
Аутентичность (эстетически-экспрессивный)	Места памяти: руины, исторические места, музеи, фотографии, письма, фильмы	Репрезентация, воображение
Правда (инструментально-когнитивный)	Историография, документы, устная история, исследования	Знание: объяснение и смысл
Справедливость (политически моральный)	Наказание, амнистия, репарация	Легитимация, реабилитация, интеграция

Источник: Олик Дж. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 54.

²⁶⁹ Олик Дж. Указ. соч. С. 47.

Понятие «жанр» отсылает нас к изучению коллективной памяти как процесса воспоминания, одновременно непрерывного формирования этой памяти. Дж. Олик, описывая последние тенденции в *memory studies* пишет: «мнемонические практики не создаются целиком ни в прошлом, ни в настоящем, но в непрерывном и рефлексивном взаимодействии между ними»²⁷⁰. Последнюю категорию автор также поясняет сам с помощью цитаты «Понятие профиля используется, чтобы обозначить нередуцируемость этих смысловых систем к их отдельным элементам, необходимость рассматривать их как целое, большее, чем сумма их частей»²⁷¹. То есть оторванные от контекста носители смысловой информации не передают общего профиля эпохи и нуждаются в рассмотрении как элемент смысловой системы. В результате введения этих четырех постулатов взамен прошлому представлению о коллективной памяти Олик приходит к выводу, что коллективная память заключена в непосредственных действиях воспоминания у индивидов и групп, которые включены в уникальный контекст этой деятельности.

Феномен социальной памяти также описывается в теории темпоральной стабильности социальной памяти Х.-А. Хайнриха²⁷². На примере Германии и коллективных воспоминаний немецкого общества о Второй мировой войне он изучает природу коллективной памяти. Это явление предполагает некоторое согласие между людьми о важности и сути избранных исторических событий. На основе этого согласия члены общества формируют свою коллективную идентичность. Однако эта идея согласия противоречит наличию различных альтернативных трактовок истории. Как пишет Х.-А. Хайнрих, «контраст

---

²⁷⁰ Олик Дж. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 58.

²⁷¹ Там же. С. 62.

²⁷² Heinrich, H.-A. Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis / H.-A. Heinrich. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. S 300.

между теоретическим пониманием групповой памяти, с одной стороны, и конфликтными интерпретациями национал-социализма, с другой, ставит вопрос о том, заключается ли единство в разнообразии»²⁷³.

Соответственно, «единство в разнообразии» расширяет прежние представления о структуре коллективной памяти. Также Х.-А. Хайнрих проводит разграничения понятий прошлое, история, воспоминание и память и их индивидуальной и коллективной интерпретации. На основе этого он стремится создать новую систему понятий.

Для изучения структуры коллективной памяти автор разрабатывает микро-макромодель исторической памяти. Эта модель представляет собой разграничение индивидуальной памяти и памяти на уровне социума. Такая концепция позволяет изучить отношения индивида и общества в процессе построения и воспроизводства коллективной памяти. Говоря о содержании коллективной памяти, ученый пишет, что в памяти людей исторические события представлены в виде «глобальных категорий».

Также в рамках своей работы немецкий ученый описывает противоречие двух подходов к изучению коллективной памяти: К. Мангейма и М. Хальбвакса. Первый утверждал, что исторические события, в которых живет молодежь оказывают на нее влияние и воспроизводятся в памяти. В то же время М. Хальбвакс усложняет эту модель, говоря о реконструировании исторических событий избирательным путем с целью привести в соответствие образы из прошлого к потребностям современности. Х.-А. Хайнрих отмечает недостаточность эмпирической проверки обеих позиций современной наукой.

В заключение теоретического обзора ключевых зарубежных трудов по *memory studies* стоит отметить, что не все авторы соглашались с наличием такого феномена, как социальная,

---

²⁷³ *Heinrich, H.-A. Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis / H.-A. Heinrich. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. S. 17.*

коллективная или историческая память. Эти понятия также подвергались критике и реинтерпритации. Так, основополагающие работы М. Хальбвакса по социальной памяти подвергались критике историком Марком Блоком²⁷⁴, который писал, что понятие «коллективная память» удобно для применения, но малоэффективно как научный термин. Однако сам М. Хальбвакс не оставил попытки доказать верность своей теории и отвечал на критику тем, что коллективная память есть результат актуализации прошлого через коммуникативный обмен. Райнхарт Козеллек также критиковал идею коллективных воспоминаний и обосновывал свою позицию тем, что существуют лишь коллективные условия для возможных воспоминаний²⁷⁵.

К наиболее современной и развернутой критике можно отнести работы Сюзен Зонтаг²⁷⁶, которая отрицает возможность существования воспоминаний за пределами мозга человека. Отрицая распространившееся в 1990-е годы понятие «коллективная память», она заменяет его на «идеологию». То, что ученые зовут коллективной памятью, представляет собой условную договоренность членов общества о том, что это событие важно по какой-то причине и произошло именно таким образом с закреплением этой информации в практиках людей. По мнению С. Зонтаг, идеология ставит своей целью влиять на верования, чувства и мнения людей, а также корректировать их.

Однако заметим, что вне зависимости от того, как называть это явление, коллективная память или идеология являются значимым консолидирующим фактором для общества, они порождают практики, традиции, нормы, природа которых требует изучения. Несомненно, общество нуждается в коллективной

---

²⁷⁴ Bloch M. «Mémoire collective, traditions et coutumes» // Revue de synthèse historique. 1925. pp. 73–83.

²⁷⁵ Koselleck R. Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten // Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. 2000. Z. 19–32.

²⁷⁶ Susan Sontag. Regarding the Pain of Others. New York: Picador/Farrar, Straus and Giroux, 2003. P. 131.

памяти как обосновании легитимности своей группы, как писал Я. Зерубавель. На основе обширного теоретического обзора зарубежных работ нам необходимо вывести определение коллективной памяти и отразить ее ключевые особенности с последующим дополнением этого определения работами отечественных мыслителей. На данном этапе мы можем дать этому явлению следующее определение Социальная память – общественное явление, связанное с отражением исторических событий и их оценки в общественном мнении и сознании индивидов, воспроизводимое путем особых ритуалов и практик.

Социальная память содержит избирательный образ прошлого сообщества, информацию об определенных событиях и их интерпретацию. Она, как и любой элемент общественного мнения, не обладает однородностью и может содержать не только основную «линию» памяти, с которой согласно большинство, но альтернативные трактовки, в частности, контрпамять как память маргинальных групп.

Социальная память и ее основная версия может быть инструментом политического влияния и формирования определенной идентичности. Также она не обладает статичностью, то есть некоторые ее аспекты могут быть пересмотрены, отвергнуты или актуализированы в зависимости от потребностей общества.

Важным выводом для представленной работы является то, что изучаемая социальная память ЕАЭС относится по типологии А. Ассман к социальной памяти, так как она включает в себе память об общем прошлом на протяжении 3–4 поколений. Следовательно, нам важно обратить внимание на тезис А. Ассман о том, что такой тип памяти нуждается в постоянной актуализации и регулярном воспроизводстве, чтобы оставаться «живой» частью социальной памяти граждан ЕАЭС.

Феномен социальной памяти в отечественной философской мысли и социологии

Изучение феномена коллективной или социальной памяти получило большое распространение на западе. Однако в отечественной социологии это направление также имеет место быть. Оно представлено работами советских и современных российских авторов. Для полного теоретического рассмотрения изучаемого явления нам необходимо изучить результаты их работы.

Одним из советских ученых, которые изучали социальную память, был Ю.А. Левада. В сборнике его трудов, подготовленных его учениками «Время перемен: предмет и позиция исследователя»²⁷⁷ присутствует ряд статей, в которых автор рассматривает три ключевых для нашей темы понятия: социальная память, историческое сознание и мифологическое сознание. В целом Ю.А. Левада изучает очень обширные темы на макроуровне. В частности, его интересуют основы функционирования и воспроизводства социальных систем и практик. Так, понятие «социальная память» ученый использует для того, чтобы описать формы культурного закрепления в обществе. Функционирование любой организованной деятельности он объясняет наличием у нее программы, способом фиксации которой является именно социальная память. Это явление служит непосредственно практическим целям сообщества и передается преимущественно с помощью практики. Таким образом, понимание социальной памяти Левады сильно отличается от того, что мы видим у зарубежных социологов. Упрощая, можно сказать, что для него социальная память – это память людей о том, как нужно вести себя в обществе, примерная программа действий. Он сам подчеркивает это различие трактовок в следующей цитате: «Какое, однако, отношение к интересующей нас проблеме исторического

---

²⁷⁷ *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя / Издательство «Новое литературное обозрение». 2016. 872 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/levada-yurij-aleksandrovich/vremya-peremen-predmet-i-poziciya-issledovatelya-sbornik> (дата обращения: 10.03.2022).

сознания имеет рассмотрение модели действия непосредственной социальной памяти, которая – по всем ходячим и общепринятым критериям – явно неисторична?»²⁷⁸ Изучаемое нами явление автор называет историческим сознанием и приписывает ему схожие с зарубежными описаниями социальной/коллективной памяти свойства. Он дает ей следующее определение – это «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее в которых общество воспроизводит свое движение во времени»²⁷⁹. В историческое сознание как особую форму социальной памяти автор включает традиции, предания и науку как один из возможных источников.

Также Ю.А. Левада вводит типологию исторического сознания. В зависимости от временной удаленности событий, он выделяет «короткую» и «длинную» память. Длинная память охватывает те периоды и события, в которых определенные характеристики обществ были неизменны и будут повторяться в настоящее время. Оба типа памяти об истории дают возможность для продолжения привычных общественных практик, которое Ю.А. Левада сравнивает с «заведенным» механизмом определенной общности. В случае если события, не воспроизводимые в настоящем, являются частью исторического сознания, то они либо подчеркивают развитие данной общности, либо противопоставляют современное состояние этим давним событиям.

Таким образом, ученый заключает, что от древности событий, о которых идет речь, меняется тип и функция социальной памяти. Если короткая память, так же как и социальная память, дает обществу программы поведения, то длинная память служит как база для сравнения прошлого и современности. Также Ю.А. Левада описывает структуру исторического сознания

---

²⁷⁸ Левада Ю. *Время перемен: предмет и позиция исследователя* / Издательство «Новое литературное обозрение». 2016. 872 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/levada-yurij-aleksandrovich/vremya-peremen-predmet-i-poziciya-issledovatelya-sbornik> (дата обращения: 10.03.2022).

²⁷⁹ Там же.

как «способ (или, лучше, взаимосвязь способов) фиксации в нем своего предмета, то есть подлежащих отображению моментов общественных процессов»²⁸⁰. Также автор подчеркивает ту же черту, что и его западные коллеги: историческое сознание содержит в себе «ошибки» как случайные, так и намеренные. Последние отражают подстраиваемость исторического сознания под нужды современного состояния общественной системы иллюзии.

В чистом виде историческое сознание содержит в себе историю общества как основу для ее воспроизводства в деятельности. Другие формы фиксации прошлого опыта обладают большей сложностью. Так, Ю.А. Левада рассматривает мифологическое сознание как одну из форм исторического. Мифология, содержащаяся в нем не похожа на правду, но, по мнению автора, она и не нуждается в правде для выполнения своей главной функции. Она работает следующим образом: «путем заведомой трансформации исторического материала, приводящей к его актуализации, то есть заведомого подчинения прошлого сегодняшним – притом мифологическим – оценкам, требованиям, нуждам»²⁸¹. От исторического сознания она отличается тем, что не ставит своей целью воспроизводство былой реальности или ее аспектов, она конструирует иную реальность. При этом даже исторические сочинения не оказались освобождены от мифологии, так как зачастую создавались именно под ее влиянием и ради ее нужд.

Ю.А. Левада выделяет не только тип сознания, направленный в прошлое, но и изучает утопическое сознание, которое обещает светлое будущее. Оно является разновидностью мифологического сознания и обладает четырьмя ключевыми признаками. Во-первых, утопия описывает исторический прогресс как

---

²⁸⁰ Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя / Издательство «Новое литературное обозрение». 2016. 872 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/levada-yurij-aleksandrovich/vremya-peremen-predmet-i-poziciya-issledovatelya-sbornik> (дата обращения: 10.03.2022).

²⁸¹ Там же.

движение к какой-то одной единой цели. Во-вторых, оно описывает будущее как этап подлинной истории человечества, лишенный противоречий и конфликтов. Третья характеристика утопии – утверждение, что цель оправдывает средства и все предыдущие исторические этапы были путем к цели утопии. Последняя черта низводит человеческую личность до уровня элемента системы, обеспечивающего ее работу и движение к цели.

Теория исторического сознания Ю.А. Левады отличается от рассмотренных нами подходов. В то же время работа Ж.Т. Тощенко «Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния»²⁸² также представляет альтернативную терминологию в изучении памяти. Прежде всего, он ставит проблему недостаточной изученности исторической памяти в 80–90 годы в России.

Ж.Т. Тощенко проводит разграничение понятий «историческое сознание» и «историческая память». Первое в его теории «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей»²⁸³. Оно содержит в себе важные и случайные события, систематизированную и несистемную информацию. Систематизация ее происходит за счет системы образования, а неупорядоченный тип информации в историческом сознании представлен в СМИ и художественной литературе. Тот тип информации, на которую ориентирована конкретная личность, определяется особенностями ее интересов.

Второе понятие, историческая память, означает «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает

---

²⁸² Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000 № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2022).

²⁸³ Там же.

особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим»²⁸⁴. Историческая память систематизирует, сохраняет и воспроизводит прошлый опыт определенной социальной группы с целью его возможного использования в деятельности или для его актуализации в общественном сознании. Также автор, как и его коллеги, подчеркивает избирательный характер исторической памяти. Призма, через которую происходит фокусировка на одних событиях и незамечание других, зачастую заключается в оценке действий отдельных личностей. Ж.Т. Тощенко называет это персонафицированностью исторической памяти. Две эти черты памяти – актуализация и избирательность связаны со значимостью исторического знания для настоящего.

Результатом фиксации исторической памяти сознания людей на определенной информации может стать превращение этого знания в мировоззренческую модель восприятия прошлого, которая фиксируется через сказки, легенды и предания. Также человеческое сознание склонно к гиперболизации отдельных моментов истории, что означает, что историческая память не есть достоверное изложение истории, а скорее содержит косвенную оценку прошлого.

Ж.Т. Тощенко, как и Ю.А. Левада, выделяет краткосрочную память как отдельный подвид исторической. Как пример он приводит память российского общества о событиях XX века. События краткосрочной памяти еще отражены в личной жизни их свидетелей и подвержены влиянию индивидуального восприятия. В свою очередь это восприятие обусловлено влиянием множества внешних факторов, которые могут изменять свою оценку в зависимости от ситуации в стране: бытовые обсуждения событий, официальные и полуофициальные объяснения, литературные источники и т. д. Также автор останавливает свое внимание

---

²⁸⁴ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000 № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2022).

на личном срезе исторической памяти. Он приходит к выводу, что для формирования полноценной гражданской идентичности крайне важным является не только знание ключевых исторических событий, но и истории своего рода и населенного пункта. Такие сведения Ж.Т. Тощенко называет кирпичиками в фундаменте нашей истории. В то же время автор, опираясь на эмпирические данные, приходит к выводу о слабой развитости этого уровня исторической памяти. В заключение ученый постулирует мысль о том, что определенный уровень владения исторической информацией необходим, чтобы человек мог ощущать себя гражданином. Также историческая память послужит основой для формирования новой российской государственности и развития института гражданского общества.

Несколько иной ракурс рассмотрения феномена исторической памяти представляет А.Ф. Филиппов²⁸⁵. Он проводит философские теоретические размышления о природе тех событий, которые включаются в социальный конструкт прошлого. В начале своего анализа автор приводит утверждение, что прошлое, несомненно является социальным конструктом. Те события, которые войдут в этот конструкт, отбираются и квалифицируются в процессе коммуникации и социального взаимодействия. При этом под событием автор понимает «смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство»²⁸⁶. Событие обладает рядом характеристик: во-первых, оно идентифицируется наблюдателем как совершающееся (т. е. происходящее) и свершающееся или имеющее понятную завершенность, а во-вторых, оно свершается в пространстве и времени. Также ученый ставит вопрос о соотношении события и временной протяженности. Ведь любое событие можно разбить на множество более мелких эпизодов. Пределом такого дробления

---

²⁸⁵ *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ, 2004. 56 с.

²⁸⁶ Там же. С. 5.

события является наличие у элемента определенной длительности. При этом разделение одного события на более мелкие в сознании наблюдателя ученый связывает с той точкой зрения или ракурсом, под которым происходило наблюдение. А.Ф. Филиппов отмечает парадокс, согласно которому, с одной стороны, событие должно обладать какой-то длительностью, но в то же время она не рассматривается нами пока мы воспринимаем это событие как определенный выделенный элемент.

Также ученый приходит к выводу, что наблюдаемое событие связано и зависит от события наблюдения. При этом оба эти события существуют не изолированно на временном промежутке, а отсылают нас к другим наблюдаемым событиям наблюдения. Также в наблюдении прошлого важно уточнить, что не все события одинаково расположены по отношению к наблюдателю: какие-то события могут быть более вовлечены в контекст наблюдателя, а какие-то по необходимости удалены или удалены. Отдельно автор останавливается на усложнении событий в связи с увеличением количества действующих и наблюдающих. Индивидуальное наблюдение становится более субъективным и социально обусловленным, что в результате приводит к фиксации в памяти лишь социально релевантных событий.

В целом память А.Ф. Филиппов, с социологической точки зрения, обозначает именно как «живую вовлеченность» в события, в противовес сухому изложению фактов. Также автор объясняет природу прошлого следующим образом: «Память не только удерживает случившееся, она фиксирует его именно как прошлое, потому что любое социальное взаимодействие предполагает некоторый минимальный уровень вменения»²⁸⁷. А.Ф. Филиппов выделяет четыре уровня формирования образа прошлого, каждый из которых отличается уровнем возрастания

---

²⁸⁷ *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. Серия WP6. Гуманитарные исследования ИГИТИ, 2004. С. 47.

индивидуальной и социальной рефлексии. Первый из них содержит минимальный уровень индивидуальной саморефлексии над происходящим, связанный с поглощенностью их участников ходом событий. Второй уже включает небольшую социальную рефлексию над происходящим, в память включены события, которые в настоящий момент будут вменяться, и ожидаться как неотъемлемая часть социальной жизни.

Следующий уровень означает повышенный уровень индивидуальной и социальной рефлексии, использование памяти в качестве расширенного ресурса и фиксирование ее значимых позиций в текущей социальной жизни. Предыдущие этапы формируют актуальную в текущий момент времени память, а заключительный этап означает уже стратегическое использование памяти с повышенным уровнем рефлексии над ней. Такое описание дает нам общее теоретическое представление о формировании прошлого.

Систематизировать подходы к изучению социальной памяти и привести более конкретные примеры удалось Е.Ю. Рождественской и В.В. Семеновой²⁸⁸. В своей работе авторы провели не только теоретический обзор, но и раскрыли его на примере исследования через биографические интервью воспоминаний солдат, прошедших Афганскую войну. В начале своего труда ученые отмечают, что социальное прошлое принято неодинаково воспринимать в различных культурах и уровне. Также они объясняют интерес к социальной памяти попытками найти и изучить механизмы образования социальности. Они, поддерживая подход Ю.А. Левады, замечают, что память о прошлом есть способ трансляции культурно-обработанных образцов социального действия. Память также является информационным ресурсом социального взаимодействия, обеспечивая его соперничеством и влияя на социальную идентичность.

---

²⁸⁸ *Рождественская Елена, Семенова Виктория. Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 27–48.*

Для социологического анализа авторы выделяют два ключевых направления. Первое: изучение процесса образования социальности и раскрытие мобилизационного и демобилизационного потенциала феномена памяти. Второе заключается в изучении функций памяти, с последующим раскрытием механизмов корректировки и управления социальной памятью.

Опираясь на Н.Г. Брагину,²⁸⁹ ученые выделяют такие функции: селективную, интерпретативную и реверсивную. Наибольшую актуальность представляет изучение следующих объектов: «социальные институты аккумуляции и трансляции памяти; механизмы конструирования памяти на уровне индивидуального и группового; роль социальной памяти в формировании коллективных идентичностей»²⁹⁰.

Ученые также проводят типологию памяти и обращают внимание на расхождение между публичной памятью, транслируемой через институты власти и образования и приватной памятью, распространяемой в малых социальных группах. Этот подход означает неоднородность социальной памяти и ее зависимость от социального опыта и приоритетов акторов. Две разновидности памяти авторы называют культурной и коммуникативной памятью. Переход от второй к первой Е.Ю. Рождественская и В.В. Семенова описывают, опираясь на А. Борозняка²⁹¹, осуществляется со смертью членов социальных групп: в результате коллективная память непосредственных участников событий превращается в примерный образ, становясь частью культурной памяти. Этот тип памяти, с точки зрения авторов, фиксирует события прошлого через «обосновывающие воспоминания». В них заключается основное отличие культурной и коммуникативной памяти: в первом случае

---

²⁸⁹ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.

²⁹⁰ Рождественская Елена, Семенова Виктория. Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 27–48.

²⁹¹ Борозняк А. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).

воспоминание отбирается и формируется через социальные институты, а во втором – через коммуникативные практики.

В ходе теоретического обзора авторы приходят к выводу, что в научном сообществе отсутствуют единые представления о природе памяти. Распространенное понятие «социальная память» используется в двух случаях. Во-первых, оно употребляется с социально-философской позиции, где значимым становится аспект формирования социальности, а во-вторых, с исторической точки зрения, где внимание акцентируется именно на исторических представлениях акторов. В то же время основатель теории М. Хальбвакс подчеркивает важность взгляда каждого отдельного коллектива на свое прошлое. Также авторы разграничивают понятие публичной и официальной памяти. Первое встречается у таких классиков, как М. Хальбвакс и П. Нора и означает результат искажения исторических фактов в результате искажения, отбора и реинтерпретации в общественном сознании. Во втором понятии, которое изучает Дж. Хартман, акцент делается на роли государства в манипулировании гражданами через политизацию памяти. Таким образом Е.Ю. Рождественская и В.В. Семенова произвели разбор теоретических подходов к описанию изучаемого явления.

В результате теоретического обзора отечественных теорий социальной памяти мы можем сделать вывод, что они имеют некоторые сходства и отличия в сравнении с зарубежными работами. Так, многие российские авторы подчеркивают, что социальная память есть не только способ трансляции исторического прошлого, но и средство передачи принятых образцов поведения. Также многие отечественные ученые подчеркивают наличие двух отличных видов памяти на макро и микроуровне: культурной и коммуникативной. Таким образом, наше определение социальной памяти мы можем расширить следующим образом: социальная память – общественное явление, служащее средством передачи сведений о прошлом социальной общности: принятых практик поведения и представлений о произошедших ранее в общности событий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На успешность интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе влияет воспроизводство общественного единства. Новая реальность на постсоветском пространстве, интеграционные процессы в Евразии создают новый импульс к возрождению дискурса прошлого и осмыслению его значения для общественной жизни, в целях выработки политических мер процессов интеграции, минимизации конфликтов и выстраивания евразийской идентичности. К сожалению, конфликтная среда, в которой сейчас живут страны Евразийского Союза, порождает новые угрозы, но, с другой стороны, она формирует и дополнительные возможности. Кризис существенно ускоряет ход событий, мы живем в быстрое время. ЕАЭС придется за 3–5 лет пройти путь, который Европейский союз прошел за 80 лет.

Относительно роли Евразийской экономической комиссии в реализации и формировании политики памяти, эксперты высказали мнение о том, что сам формат Евразийской экономической комиссии не подходит для осуществления деятельности по реализации политики памяти. Необходима наднациональная структура, которая бы занималась этим вопросом.

Эксперты высказали опасения относительно такого формата наднациональной структуры по реализации и формированию политики памяти, как НКО, поскольку деятельность таких организаций очень сильно зависит от финансирования, которое может оказывать значительное влияние на направление их деятельности, а значит и на саму политику памяти.

В целом, проведенный авторами монографии анализ свидетельствует о том, что в настоящее время политика памяти, которая проводится странами-членами ЕАЭС, не в полной мере способствует консолидации в рамках ЕАЭС и зачастую носит дестабилизирующий характер, поскольку в ней выражено

стремление стран акцентировать внимание именно на национальной идентичности, и даже при передаче молодому поколению информации об общих интегрирующих событиях прошлого, таких как Великая Отечественная война делаются попытки представления роли конкретной страны в Победе над фашизмом.

По оценке экспертов, современная молодежь не понимает личной выгоды от вступления его страны в ЕАЭС, она для них не очень значима, и эту «выгоду» необходимо демонстрировать посредством размещения информации в понятной им форме в социальных сетях, телеграмм каналах и т. д.

Характеризуя национальную политику памяти, которую странам необходимо выстраивать для консолидации интеграционных процессов, эксперты отмечали следующие направления:

1. Выстраивание политики памяти на основе социокультурных и образовательных обменов.
2. Формирование коммуникативного пространства в инфосреде, работа по этому направлению в понятной для молодежи форме.
3. Выстраивание социокультурной политики памяти, с постановкой целей, задач, совместного долгосрочного планирования.
4. Использование при реализации политики памяти инструментов мягкой силы.

Отмечается большая роль новых медиа в формировании социально-исторической памяти молодежи стран-членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС. Относительно механизмов использования новых медиа, которые способствовали бы поддержанию общей социальной памяти молодежи государств-членов ЕАЭС и транслировали позитивные образы интеграции были указаны:

1. Создание центров генерации сетевой позитивной информации.
2. Разработка количественно-качественных показателей памяти применительно к сетевому контенту.

-
3. Мониторинг контента с выявлением и анализом информационных источников позитивной/негативной памяти.
  4. Разработка сетевых мероприятий/технологий по локализации /нейтрализации негативной информации, заменой негативной информации на позитивную информацию.
  5. Создание единого информационного поля в социальных сетях, которое бы регулировалось ЕАЭС.

В качестве приоритетных направлений для формирования политики памяти в контексте евразийской интеграции выделены следующие:

- информирование населения стран-участниц о преимуществах евразийской интеграции как уровне страны в целом, так и на уровне отдельных граждан;
- формирование общего информационного поля в рамках «новых медиа» с целью позиционирования положительных аспектов интеграции. Создание информационных ресурсов в том числе и на национальных языках стран-участниц;
- развитие культурно-образовательных обменов, создание единого культурного пространства;
- разработка методологии по количественно-качественным характеристикам всех аспектов памяти. Создание индекса оценки политики памяти и самой социально-исторической памяти в странах-участницах;
- продвижение социально-исторической памяти и положительных образов интеграции посредством понятных для молодежи форм;
- создание общей евразийской идеи;
- преодоление негативных эффектов, связанных с «десоветизацией» прошлого, внедрение цензуры на фальсификацию событий прошлого;
- более эффективное использование инструментов мягкой силы.

Считаем, что сегодня в укреплении позиций ЕАЭС, как никогда, важно использовать ресурс социальной памяти, поскольку

ку она, по признанию экспертов, является одним из инструментов социального управления политической и общественной жизнью, ключом к пониманию стабильности и динамики современных обществ. Реконструкция социальной памяти, как памяти о прошлом, создаст условия для социального взаимодействия людей – граждан государств-членов ЕАЭС, будет способствовать формированию представления о приемлемом характере социального поведения в социуме, поддержит групповые идентичности.

AFTERWORD

The success of integration processes in the Eurasian Economic Union is influenced by the reproduction of social unity. The new reality in the post-Soviet space, integration processes in Eurasia create a new impetus for the revival of the discourse of the past and understanding its significance for public life, in order to develop political measures for integration processes, minimize conflicts and build Eurasian identity. Unfortunately, the conflict environment in which the countries of the Eurasian Union now live generates new threats, but, on the other hand, it also creates additional opportunities. The crisis significantly accelerates the course of events, we live in a fast time. The EAEU will have to go through the path that the European Union has gone through in 80 years in 3-5 years.

Regarding the role of the Eurasian Economic Commission in the implementation and formation of the memory policy, experts expressed the opinion that the format of the Eurasian Economic Commission itself is not suitable for implementation activities

In general, the analysis carried out by the authors of the monograph indicates that at present the policy of memory, which is carried out by the EAEU member states, does not fully contribute to consolidation within the EAEU and is often destabilizing, since it expresses the desire of countries to focus on national identity, and even when transmitting information to the younger generation about the general integrating events of the past, such as the Great Patriotic War, attempts are made to represent the role of a particular country in the Victory over fascism.

According to experts, modern youth do not understand the personal benefits of their country's accession to the EAEU, it is not very significant for them, and this "benefit" must be demonstrated by posting information in a form they understand in social networks, telegram channels, etc.

Describing the national memory policy that countries need to build to consolidate integration processes, experts the following directions were noted:

1. Creation of centers for generating positive network information.
2. Development of quantitative and qualitative indicators of memory in relation to network content.
3. Content monitoring with identification and analysis of information sources of positive/negative memory.
4. Development of network activities /technologies for localization / neutralization of negative information, replacement of negative information with positive information.
5. Creation of a single information field in social networks, which would be regulated by the EAEU.

The following are identified as priority areas for the formation of memory policy in the context of Eurasian integration:

- informing the population of the participating countries about the advantages of Eurasian integration both at the level of the country as a whole and at the level of individual citizens.
- formation of a common information field within the framework of “new media” in order to position the positive aspects of integration. Creation of information resources, including in the national languages of the participating countries;
- development of cultural and educational exchanges, creation of a single cultural space;
- development of methodology on quantitative and qualitative characteristics of all aspects of memory. Creation of an index of evaluation of memory policy and socio-historical memory itself in the participating countries;
- promotion of socio-historical memory and positive images of integration through forms understandable to young people;
- creating a common Eurasian idea;
- overcoming the negative effects associated with the “de-sovietization” of the past, the introduction of censorship to falsify the events of the past;

-
- more effective use of soft power tools.

We believe that today, in strengthening the positions of the EAEU, it is more important than ever to use the resource of social memory, since, according to experts, it is one of the tools of social management of political and public life, the key to understanding the stability and dynamics of modern societies. Reconstruction of social memory, as a memory of the past, will create conditions for social interaction of people – citizens of the EAEU member states, will contribute to the formation of an idea of the acceptable nature of social behavior in society, will support group identities.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин Ю.П.* Правый авторитаризм современной русской молодежи: многомерность и изменчивость // Вестник Московского университета. Серия № 18. 1995. № 1.
2. *Адорно Т.* Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
3. *Алексеева Н.Н., Иванова И.С.* Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13–17.
4. *Алиев А.К.* Народные традиции, обычаи, их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968. С. 31.
5. *Аникин Д.А.* Глобалистский проект политики памяти: предпосылки социально-философского анализа // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 88–94.
6. *Арешев А.* Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? // Военно-политическая аналитика [интернет-журнал]. 17 мая 2021. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/05/17/kto-stoit-za-vooruzhennym-konfliktom-mezhdu-chlenami-odkb/> (дата обращения: 17.10. 2021).
7. Армения: как пишут учебники истории. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia (дата обращения: 17.03.2021).
8. *Арутюнян В.М.* Исторический опыт государственного освоения потенциала патриотизма народов России // Современный патриотизм: борьба идей и проблемы формирования: материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб., 2002.
9. *Асанова С.А.* Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 280–295.

10. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. С. 328.
11. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
12. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
13. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 131.
14. *Афанасьева А.И., Меркушин В.И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // СоцИс (Социологические исследования). 2005. № 8. С. 11–22.
15. *Ачкасов В.А.* Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 146–152.
16. *Ачкасов В.А.* Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.
17. *Бакиева Г.* Социальная амнезия // Электронный научно-образовательный журнал «Полисфера». 2002. Режим доступа: <http://polysphere.freenet.kg/по I / PSF1A12.htm>.
18. *Бауман З.* Ретротопия / пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
19. *Белоконь А.* Почему решение вопроса госграниц Казахстана называют большой дипломатической победой // Nur.kz. 24.05.2021. URL: <https://www.nur.kz/nezavisimost/1914072-pochemu-reshenie-voprosa-gosgranits-kazahstana-nazyvayut-bolshoy-diplomaticheskoj-pobedoy/> (дата обращения: 19.03.2022).
20. *Беляева Е.В.* Историческая ответственность за добро // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I международ. науч. конф. 22–23.09.2016 / под общ. ред. Д. А. Томильцевой, И. А. Симоновой. Екатеринбург: Деловая книга, 2016. С. 100–106.

-
21. *Большот И.* Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-05-18--rastuschee-vlijanie-kitaja-v-sa-neizbezhnost-ili-strategija-razvitija-regiona-54672> (дата обращения: 19.03.2022).
  22. *Борозняк А.* ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
  23. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
  24. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
  25. *Брукинг Э.* Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб.: Питер, 2001. С. 288.
  26. *Бурлаков А.И., Похлюк А.В.* О некоторых особенностях современных условий формирования патриотического сознания молодежи // Современный патриотизм: борьба идей и проблемы формирования. СПб., 2002.
  27. *Буюкли Д.А.* Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180. С. 179-185.
  28. В Душанбе переименовали ряд улиц. URL: <https://tj.sputniknews.ru/main/20180316/1025022137/dushanbepereimenovan-ryad-ulic.html>
  29. В Казахстане арестовали экс-главу КНБ Масимова и его зама // РИА Новости. 27.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769721818.html> (дата обращения: 19.03.2022).
  30. В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // News-Asia [сайт]. 11 мая 2021. URL: <http://www.news-asia.ru/view/14766> (дата обращения: 19.03.2022).
  31. *Вартанова М.Л.* Национальные приоритеты и перспективы развития Евразийской экономической интеграции // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 33–74.

-
32. Интеграционные процессы стран Евразийского экономического союза / М.Л. Варганова, Е.Ю. Киреев, Г.И. Осадчая, И.А. Селезнёв, А.А. Черникова // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [Коллективная монография] / Г.В. Осипов и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 147–180.
  33. Историческая память молодёжи о Победе в Великой Отечественной войне / М.Л. Варганова, Е.Ю. Киреев, Г.И. Осадчая, И. А. Селезнёв, А.А. Черникова // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. М., 2020. С. 147–180; 384–407.
  34. *Вербицкая Н.О., Орнина Л.В.* Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11–10. С. 2248–2252.
  35. *Веревкина О.А., Колтовская М.А.* Особенности исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны // *Молодой ученый*. 2015. № 19.1. С. 87–90.
  36. *Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 1/2. С. 9–19.
  37. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарёв, Т. Сарсембеков // *Доклады и рабочие документы 21/3*. Алматы – Москва: ЕАБР, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf
  38. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (на материалах Комиссии

-
- по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941-1945 гг.) / отв. ред. С.В. Журавлев; Ин-т Российской истории РАН. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
39. *Волкова О.А.* Саморегуляция деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в контексте их государственного регулирования: амбивалентность развития гражданского общества // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31. № 2. С. 195–196.
  40. *Гайдай А.Ю., Любарев А.В.* «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2016. № 2 (33).
  41. *Галиев А.А.* Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (3.1). С. 430–440.
  42. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с.
  43. *Гердер И.-Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 421.
  44. *Головаха Е.В., Кроник А.А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 272 с.
  45. *Головашина О.В.* Темпоральный подход к исследованию социальной памяти // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 2 (2). С. 26–35.
  46. Государственная служба миграции при Правительстве Кыргызской Республики. URL: <http://ssm.gov.kg/полезная-информация/статистика/> (дата обращения: 13.02.2021).
  47. *Гудименко Д.В.* Национализм в современном мире: типология и формы проявления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 10 (79). Т. 11. С. 2710. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003.
  48. *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национально-го символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19.

-
49. Декабрь 2019-февраль 2020, коллектив сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН и ИСПИ ФНИСЦ РАН, руководитель исследования д-р социол. наук. Г.И. Осадчая.
  50. *Дементьев И.О.* «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балт. рег. 2015. № 4. С. 105–120.
  51. *Денисов Ю.П.* Социальные сети русскоязычного интернета как источник формирования образа Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян // Современные проблемы науки и образования: сетевое издание. 2013. № 5. URL <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9922> (дата обращения: 20.02.2023).
  52. День памяти и скорби. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10338>
  53. *Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
  54. *Дорохина Р.В., Марина М.В.* Музей как инструмент просвещения и институт социальной памяти (социально-этический аспект) // Философия и общество. 2020. № 4 (97). С. 88–98.
  55. *Дюжиков С.А., Кумыков А.М.* Социальная память и социальное беспамятство в социокультурных практиках рецепции прошлого: проблемное поле социально-философского исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1. С. 13–16.
  56. *Евсеев В.О.* Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 67–68.
  57. *Евсеев В.О., Селезнев И.А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79–95.
  58. Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») / В.К. Егоров, В.Э. Бойков, Р.Г. Пихоя,

-
- Е.А. Яблокова, В.Л. Романов, В.И. Меркушин, Ж.Т. Тощенко, Т.А. Кудрина, В.С. Капустин, А.И. Турчинов, А.И. Афанасьева // Социс (Социологические исследования). 2002. № 8. С. 76–85.
59. *Емельянова Т.П.* Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» / Т.П. Емельянова, Т.В. Белых, В.Н. Шабанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 75–85.
60. *Емельянова Т.П., Мишарина А.В.* Ознаменованіе Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220–229.
61. *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (2). С. 122–130.
62. *Жапугев З.А.* Реинституционализация социальной памяти как фактор консолидации и восстановления социального иммунитета российского общества в условиях модернизации // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 139–149.
63. *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103–116.
64. *Живой А.С.* Социальная амнезия как компонент социальной памяти // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 198–205.
65. *Жуковский И.* Новый конфликт на границе: что делят Таджикистан и Киргизия // Газета.ру, 27.01.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/01/27/14467249.shtml> (дата обращения: 12.04.2022).
66. *Журавлёв В.Е.* О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 9.

-
67. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.
  68. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Межд. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / ред. кол.: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. 360 с.
  69. *Казакова А., Калининченко О.* Социальная амнезия как фактор утраты культурного наследия // Самоуправление. 2016. № 7–8 (101). С. 34–39.
  70. Как молодежь меняет мир. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000193773_rus (дата обращения: 02.03.2021).
  71. *Калугина Т.А.* Социальная память как детерминанта развития российского общества // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления: материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов, 2021. С. 501–503.
  72. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 324.
  73. *Каражанов З.* Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии // Ритм Евразии: [сайт]. 30 мая 2021. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-05-30--voda-vsemu-golova.-tem-bolee-v-centralnoj-azii-54865> (дата обращения: 19.03.2022).
  74. *Карасик Е.А.* Российская молодежь как социально-экономический феномен / Е.А. Карасик, Т.Д. Сулейманов, Л.Ф. Сайфутдинова // Вопросы экономики и права. 2014. № 12. С. 71.
  75. *Кондратьева В.* Эксперт предсказал приток китайских инвесторов в страны Центральной Азии // Lenta.Ru. 30 июля 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (дата обращения: 19.03.2022).
  76. Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая // Sputnik Кыргызстан. 2021. URL: <https://ru.sputnik.kg/trend/konflikt->

-
- na-kyrgyzsko-uzbekskoj-granice-31-maya/ (дата обращения: 19.03.2022).
77. *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
  78. *Коротецкая Л.В.* Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании: дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/04/koroteckaya-diss.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).
  79. *Коршунов Г.П.* Проблема исторической памяти на цифровом изломе эпох // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27.09.2019 / ред. кол.: Г.П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: СУГАРТ, 2019. С. 5.
  80. *Крамник В.В.* Природа человека и экономическая эффективность (постановка проблемы) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 1998. № 2.
  81. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т. П.* Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 1 (2).
  82. *Куманев Г.А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Ин-т Российской истории РАН. М.: Русское слово, 2007. 344 с.
  83. *Кумыков А.М., Жапуев З.А.* Смысловые взаимосвязи актуализации исторического прошлого и распространения социальной амнезии в российском обществе // Вестник РАЕН. 2013. Т. 13. № 3. С. 32–34.
  84. *Кумыков А.М.* Социальная амнезия в ракурсе социальной философии // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 57–63.
  85. *Кумыков А.М.* Социальная амнезия и социальная энтропия в предметном поле социально-философской рефлексии / А.М. Кумыков, А.Л. Маршак, А.С. Живой // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 71–77.

-
86. *Лаксытыгал И.* Родственники Нурсултана Назарбаева теряют позиции в бизнесе и во власти // *Ведомости*, 27.01.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/01/17/905097-rodnya-nursultana-nazarbaeva> (дата обращения: 19.03.2022).
  87. Латвия запретила праздник 9 мая, объявив День памяти погибших на Украине // *РБК*. 7.04.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2022/624f3d9c9a7947f197af60bb> (дата обращения: 12.04.2022).
  88. *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя // Издательство «Новое литературное обозрение». 2016. 872 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/levada-yurij-aleksandrovich/vremya-peremen-predmet-i-poziciya-issledovatelya-sbornik> (дата обращения: 10.03.2022).
  89. *Левашов В.К.* Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В.К. Левашов, И.С. Шушпанова, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина // *Наука. Культура. Общество*. 2019. № 3–4. С. 72.
  90. *Липай Т.П.* Средства массовой информации в формировании ценностей и стигм у старшеклассников / Т.П. Липай, О.А. Волкова, О.А. Жиленкова // *Социология образования*. 2015. № 10. С. 71–75.
  91. *Лисицын А.* «Нами правила водители и телохранители». В Киргизии меняют конституцию // *РИА Новости*. 22 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html> (дата обращения: 19.03.2022).
  92. *Лойко О.Т.* Проблема понимания содержания социальной памяти // *Философское образование*. 2003. № 9. С. 3–11.
  93. *Лоуэнталь, Дэвид.* Прошлое – чужая страна // Cambridge University Press. 1985. Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Владимир Даль», 2004. 625 с.
  94. Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан // *RuNews24*. 04-05.2021. URL: <https://runews24.ru>.

---

turbopages.org/runews24.ru/s/politics/04/05/2021/b99d2bs024c3f45c7ce5eb15283e6e81 (дата обращения: 19.03.2022).

95. *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
96. *Макарова Л.В.* Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социс (Социологические исследования). 2015. № 11. С. 107–114.
97. *Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. Ростов н/Д, 2013. № 1. С. 114–130.
98. *Мальшичева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 77.
99. *Матасов М.С.* Значимость агентов конструирования социальной памяти в формировании положительного образа стартапа как нового социально-экономического явления // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов: СГУ, 2021. С. 555–558.
100. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон-Плюс, 2007. 480 с.
101. Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
102. *Миклина Л.И.* Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. Т. 23. № 1. С. 136–140.
103. *Миклина Л.И.* Социальная память как фактор формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/socio/hidden/65.html>; (дата обращения: 10.03.2020).

-
104. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
  105. *Миллер А.И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. 5 (44). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735> (дата обращения: 07.04.2021).
  106. *Мильорати Л., Мори Л.* Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и конфликтность памятных мероприятий // Социс. 2014. № 1. С. 108–115.
  107. Митинг как источник заработка в Киргизии. URL: <https://www.dw.com/ru/митинг-как-источник-заработка-в-киргизии/a-14845634> (дата обращения: 13.02.2021).
  108. *Мокроусова Е.А.* Феномен социальной памяти: легитимация социальных институтов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3 (74). С. 110–113.
  109. Молдавия «сделала заявку» на денацификацию // ИА News-Front, 17.04.2022. URL: <https://news-front.info/2022/04/17/moldavija-sdelala-zajavku-na-denacifikaciju/>
  110. Молодежь зажгла... Белый дом. Как Киргизия живет в анархии. URL: <https://ria.ru/20201008/kirgiziya-anarkhiya-1578681083.html>(дата обращения: 13.02.2021).
  111. *Москаленко М.Р.* Трансляция исторической и культурной памяти как фактор социальной безопасности: вопросы изучения со студентами / М.Р. Москаленко, Е.Г. Леоненко, И.В. Юдин // Региональные аспекты экономической безопасности. Сб. материалов Всерос. молодежной науч.-практ. конф. с межд. участием. Уфа, 2021. С. 61–63.

-
112. *Мохов С.В.* Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 17–29.
  113. *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Vol. 18. No. 1. С. 9–19.
  114. На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка // РИА Новости. 24 июля 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (дата обращения: 19.05.2022).
  115. Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны // РИА Новости. 19 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (дата обращения: 19.03.2022).
  116. *Наумов Д.И.* Концептуализация социальной памяти в социально-гуманитарном знании: теоретико-методологический аспект // Подольский научный вестник. 2019. № 3 (11). С. 89–96.
  117. Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? // Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. / ред. и сост. О.Б. Божков / СПб.: Эйдос, 2015. 368 с.
  118. *Никжентайтис А.* Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Слово.ру: Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32.
  119. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память / Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
  120. *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Франция-память / пер. с фр. Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

-
121. Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения. Приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 14 апреля 2020 года № 88. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 15 апреля 2020 года № 20397. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020397>
  122. Обращение глав государств-участников СНГ к народам стран Содружества и мировой общественности в связи с 75-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: <http://www.cis.minsk.by/news/12416/obrasenie-glav-gosudarstv---ucastnikov-sng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj-obsestvennosti-v-svazi-s-75-letiem-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otecestvennoj-vojne-1941-1945-godov>
  123. Образы памяти: процессно-реляционная методология, проиллюстрированная в Германии // Социологическое обозрение. 2012. №1. С. 40–74.
  124. *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74.
  125. *Омаров С.А.* Героизм казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны / С.А. Омаров, Г.Е. Омарова, И.А. Яхияев // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1. С. 10–14.
  126. *Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю.* Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 70–79.
  127. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи стран-участниц евразийской интеграции / Г.И. Осадчая, И.А. Селезнёв, Е.Ю. Киреев, А.А. Черникова // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 7–25.

-
128. Великая Победа, историческое время и социальная память молодых поколений стран-участниц евразийской интеграции / Г.И. Осадчая, И.А. Селезнёв, Е.Ю. Киреев, А.А. Черникова, М.Л. Варганова // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. С. 105–123.
  129. Социальная память как важнейший институт гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях интеграции общества и экономических процессов / Г.И. Осадчая, М.Л. Варганова, Е.Ю. Киреев, А.А. Черникова // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 34 (2). С. 178–184.
  130. Формирование социальной памяти молодежи государственных участников евразийской интеграции / Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Варганова, А.А. Черникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 482–496.
  131. *Отюцкий Г.П.* Время социальное // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.
  132. Памятник Дзержинскому и Князю Владимиру. URL: <https://www.levada.ru/2015/07/24/pamyatnik-dzerzhinskomu-i-knyazyu-vladimiru/>.
  133. Памятники Ленину обрели всенародную поддержку. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/pamyatniki-leninu-obreli-vsenedrodnuyu-podderzhku/>.
  134. Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш. URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424> (дата обращения: 3.04.2020).
  135. *Папенина Ю.А.* Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 395–400.
  136. Парламент Казахстана лишил Назарбаева пожизненного председательства в СБ // РИА Новости. 27.01.2022. URL:

-
- <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769717971.html> (дата обращения: 19.03.2022).
137. *Плеханов А.А.* Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Полит. наука. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrushenie-prostranstva-sovetskogo-simvolicheskogo-gospodstva-v-postsovetskoj-ukraine> (дата обращения: 16.08.2020).
  138. *Плотников Д.* Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? // Lenta.ru. 01 июня 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (дата обращения: 19.03.2022).
  139. *Поварницына Н.А.* Роль социальной памяти в формировании культурной идентичности современной молодежи. URL: <http://naukarus.com/rol-sotsialnoy-pamyati-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti-sovremennoy-molodyozhi> (дата обращения: 10.03.2020).
  140. *Попова В.* ОДКБ: не спешите нас хоронить // Ритм Евразии. 09 июня 2021. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-06-09--odkb-ne-spushite-nas-horonit-55026> (дата обращения: 19.03.2022).
  141. Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих // Клоор.Кг: Новости Кыргызстана. 07 октября 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdenного-sadyra-zhaparova-tak-prodvigayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih/> (дата обращения: 19.03.2022).
  142. *Притчин С.А.* Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76–92.
  143. *Проказина Н.В.* Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201–204.

-
144. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / под общ. ред. А.П. Новикова / АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М.: Изд-во «Русь», 2018. С. 24.
  145. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 141, 143, 145–146, 152, 160–161.
  146. Путин поблагодарил страны ОДКБ за поддержку резолюции против нацизма. URL: <https://ria.ru/20191128/1561700601.html> (дата обращения: 27.01.2021).
  147. *Рекк Д.А., Егоров В.Г.* Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 3. С. 250–259.
  148. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С.133.
  149. *Репина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // НОВОЕ ПРОШЛОЕ/THE NEW PAST. 2016. № 1.150 С. 82–99.
  150. *Репина Л.П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. С. 191–201.
  151. *Рождественская Елена, Семенова Виктория.* Социальная память как объект социологического изучения // INTER. 2011. № 6. С. 27–48.
  152. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г.В. Осипов, В.К. Левашов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, Ж.Т. Тощенко [и др.] / отв. ред. В.К. Левашов, ред.: Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: «Перспектива», 2020. С. 177–178.
  153. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-

-
- Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
154. *Сабанчиев Р.Ю.* Концепция «мест Памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38.
  155. *Самсонова Т.Н.* Проблемы формирования гражданской политической культуры и воспитания патриотизма в современной России // Россия-2001. Новые тенденции политического, экономического и социального развития. М., 2002.
  156. *Селезнёв И.А.* Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 1. С. 12. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1
  157. *Селезнев И.А.* Четверть века на страже коллективной безопасности (к 25-летию договора о коллективной безопасности и 15-летию ОДКБ) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2018. С. 16–23.
  158. *Селезнев И.А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 167–173.
  159. *Селезнев И.А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 146.
  160. *Сидорцов В.Н.* Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / В.Н. Сидорцов, И.А. Кандыба, М.М. Равченко / под ред. В.Н. Сидорцова. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 264–272.
  161. Служба безопасности Японии убрала националистический батальон «Азов» из списка террористов // Известия. 9.04.2022. URL:<https://iz.ru/1318144/2022-04-09/sluzhba-bezopasnosti-iaponii-ubrala-natsionalisticheskii-batalon-azov-iz-spiska-terroristov>

-
162. Смехотворный геноцид. Что развеселило канцлера Германии // РИА Новости. 20.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220220/sholts-1773859130.html>
  163. *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 78–97.
  164. *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социс (Социологические исследования). 2004. № 6. С. 112.
  165. Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 179.
  166. Кто герой среди молодежи? / А.Г. Стариков, В.В. Бакушев, М.В. Перова, С.В. Горяинов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 43–46.
  167. Студенты из Таджикистана в Кыргызстане заявили об угрозах и преследованиях // Sputnik Таджикистан: [сайт]. 17 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan-studenty-konflikt-granica-1040955417.html> (дата обращения: 19.03.2022).
  168. *Суворов Н.Н.* Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник СПбГИК. 2017. № 4 (33).
  169. *Тавокин Е.П., Табатадзе И.А.* К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социс (Социологические исследования). 2010. № 5. С. 62–66.
  170. *Токтомушев К.* Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана // Connections. Quarterly Journal. 2018. Vol. 17. № 1. С. 34–39.
  171. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2020).
  172. *Трофименков М.С.* Красный нуар Голливуда. Ч. 2: Война Голливуда. СПб.: Сеанс, 2019. С. 112–113.

-
173. *Уваров А.* Киргизия – Узбекистан – Таджикистан: что делать с этими границами? // Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 18 апреля 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/18/kirgizia-uzbekistan-tadzhikistan-chto-delat-s-etimi-granicami-53396.html> (дата обращения: 19.03.2022).
  174. *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
  175. *Фокин А.А.* Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2016. № 1–2. С. 65–73.
  176. Фонд президентских грантов. Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф>.
  177. Форум молодежных лидеров России и Киргизии. URL: <https://myrosmol.ru/measures/view/30244> (дата обращения: 13.02.2021).
  178. *Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // *Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов.* Минск: Красико-принт, 1996. С. 74–97.
  179. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас.* 2005. №2–3 (40–41). С. 8–27.
  180. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
  181. *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // *Вестник Евразии.* 2000. № 1. С. 47–62.
  182. *Цыплин В.Г.* Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // *Военная история России: проблемы, поиски, решения: матер. Межд. науч. конф., посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч.* Волгоград, 2020. С. 40–48.
  183. *Черников П.Ю.* Проблема изучения исторической и социальной памяти // *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова.* 2016. № 5 (89). С. 189–194.

-
184. Численность населения Кыргызстана. URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/chislennost-naseleniya-kyrgyzstana-na-1-yanvarya-2020-goda-uvlechilas-na-21-i-sostavila-6-mln-4565-tys-chelovek#> (дата обращения: 13.02.2021).
  185. *Шестакова Э.Г.* Медиатекст и проблема социального забвения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 30–38.
  186. *Ямпольский М.Б.* Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 198 с.
  187. 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnyh-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu> (дата обращения: 19.03.2022).
  188. Art D. Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 231.
  189. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C.H. Beck, 1992. P. 344.
  190. *Boyd C.P.* The Politics of History and Memory in Democratic Spain // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. N 617. pp. 133–148.
  191. *Bloch M.* Mémoire collective, traditions et coutumes // Revue de synthèse historique. 1925. pp. 73–83.
  192. *Boym S.* The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001. P. 432.
  193. *Foucault M.* Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / Trans. and ed. by Donald F. Bouchard. Ithaca, 1977. P. 160.
  194. *Halbwachs M.* The Collective Memory. New York: Harper & Row. 1980.
  195. *Harald Wielzer.* Das soziale Gedächtnis. Hamburger Edition, Hamburg, 2001. P. 300.

-
196. *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. pp. 288–300.
  197. *Heisler M.O.* The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2008. Vol. 617. N 1. pp. 14–24.
  198. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. P. 320.
  199. *Hoffman, Eva.* 2004. After Such Knowledge: Memory, History, and the Legacy of the Holocaust. New York: Public Affairs. P. 320.
  200. How Statues Are Falling Around The World. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/24/us/confederate-statues-photos.html>
  201. *Kangaspuro M.* The Victory day in history politics // *Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla.* Jyvaskyla: Bookwell, 2011. pp. 292 – 394.
  202. *Koselleck R.* Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten // *Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung.* 2000. pp. 19–32
  203. *Kwiatkowski Piotr Tadeusz.* Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji. Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR. Warszawa, 2008. URL: <http://www.publio.pl/pamiec-zbiorowa-spoleczenstwa-polskiego-w-okresie-transformacji-piotr-tadeusz-kwiatkowski,p48786.html> (accessed: 10.03.2020).
  204. *Langenbacher E.* Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain.* Washington: George Town University Press, 2010. pp. 13–49.
  205. *LéviStrauss C.* The Savage Mind. Chicago, 1966. P. 325.
  206. *Marianne Hirsch.* The Generation of Postmemory Columbia University Poetics Today 29:1, Spring 2008, pp. 103–128.

-
207. *Mälksoo M.* The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15, N 4. pp. 653–680.
  208. *Matveeva Anna.* Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma // *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 2017. № 1. pp. 1-20.
  209. *Mink G.* Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // *Czech Sociological Review*. 2008. Vol. 44. N 3. pp. 469–490.
  210. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // *Representations*. 1989. Vol. 26. pp. 7–24.
  211. *Norra P.* La Republique // *Les lieux de memoire*. 1984. Vol. 1. Paris, Année 1985. 35-4. pp. 727–733.
  212. *Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Kireev E.Yu., Vartanova M.L., Chernikova A.A.* Postmemory. Of The Youth Of The Countries Participating In The Eurasian Integration: Current State And The Mechanisms Of Formation // *Revista Inclusiones Volumen 7 / Número Especial / Julio – Septiembre*. 2020. pp. 368–379.
  213. *Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Kiseleva E.E., Seleznev I.A.* Assessment of the Financial and Economic Security Level of the EAEU Member States in the Context of Growing Macroeconomic Uncertainty // *Universal Journal of Accounting and Finance*. 2022. Vol. 10. № 1. pp. 17–24. DOI: 10.13189/ujaf.2022.100103
  214. *Reeves, Madeleine.* *Border Work: Spatial Lives of The State in Rural Cental Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.
  215. *Rothberg M.* *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009. pp. 1–29.
  216. *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces*. 1982. № 61. pp. 374–402.
  217. *Susan Sontag.* *Regarding the Pain of Others*. New York: Picador/Farrar, Straus and Giroux, 2003. P. 131.

REFERENCES

1. *Averin Yu.P.* Right authoritarianism of modern Russian youth: multidimensionality and variability // Bulletin of the Moscow University. Series No. 18. 1995. No. 1.
2. *Adorno T.* Negative dialectics. M.: Scientific world, 2003. – P. 374.
3. *Alekseeva N.N., Ivanova I.S.* Central or Central Asia? // Geography. The first of September, 2003, No. 28. pp. 13–17.
4. *Aliiev A.K.* Folk traditions, customs and their role in the formation of a new person. Makhachkala. - 1968. P.31.
5. *Anikin D.A.* Globalist project of memory policy: prerequisites of socio-philosophical analysis // Volga Trade and Economic Journal. 2011. No. 1. pp. 88-94.
6. *Areshev A.* Who is behind the armed conflict between the CSTO members? // Military-political analytics: [online magazine]. May 17, 2021. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/05/17/kto-stoit-za-vooruzhennym-konfliktom-mezhdu-chlenami-odkb/> / (accessed: 17.10. 2021)
7. Armenia: as the URL history textbooks write: URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia (accessed: 17.03.2021).
8. *Harutyunyan V.M.* Historical experience of state development of the potential of patriotism of the peoples of Russia // Modern patriotism: the struggle of ideas and problems of formation. Materials of the interuniversity scientific and practical conference. St. Petersburg, 2002.
9. *Asanova S.A.* On the main factors of behavioral motivation of soldiers of Kazakh national military formations during the war (1941–1945) // Mir Bolshoy Altai. 2019. No. 5 (2). pp. 280–295.
10. *Assman A.* The Long shadow of the past: memorial culture and Historical politics / Translated from German. M.: N.L.O., 2014. – P. 328.

-
11. *Assman A.* Oblivion of history – obsession with history. M.: New Literary Review, 2019. – P. 552.
  12. *Assman A.* New dissatisfaction with memorial culture. M.: New Literary Review, 2016. – P. 232
  13. *Assman Ya.* Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. – P. 131.
  14. *Afanasyeva A.I., Merkulshin V.I.* The Great Patriotic War in the historical memory of Russians // Socis (Sociological research). 2005. No. 8. pp. 11–22.
  15. *Achkasov V.A.* The discourse of postcolonialism in the politics of memory of post-Soviet states // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 440. pp. 146–152.
  16. *Achkasov V.A.* The politics of memory as a tool for building post-socialist nations // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2013. No. 4. pp.106–123.
  17. *Bakieva G.* Social amnesia // Electronic scientific and educational journal “Polysphere”. 2002. Access mode: <http://polysphere.freenet.kg/byI/PSFIA12.htm> .
  18. *Bauman Z.* Retrotopia / Translated from the English by V.L. Silaeva; edited by O.A. Oberemko. M.: VTsIOM, 2019 – P. 160.
  19. *Belokon A.* Why is the solution of the issue of state borders of Kazakhstan called a great diplomatic victory // Nur.kz. 05/24/2021. URL: <https://www.nur.kz/nezavisimost/1914072-pochemu-reshenie-voprosa-gosgranits-kazahstana-nazyvayut-bolshoy-diplomaticheskoy-pobedoy/> (accessed: 19.03.2022).
  20. *Belyaeva E.V.* Historical responsibility for good // Historical responsibility: from myths of the past to strategies of the future: Collection of scientific Articles I International. scientific conference. 22–23.09.2016 / Under the general editorship of D. A. Tomiltseva, I. A. Simonova. Yekaterinburg: Business Book, 2016. pp. 100-106.
  21. *Bolbot I.* The growing influence of China in Central Asia: the inevitability or the strategy of the development of the

-
- region? [URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2021-05-18--rastuschee-vlijanie-kitaja-v-ca-neizbezhnost-ili-strategija-ravzitija-regiona-54672>] (accessed: 19.03.2022).
22. *Boroznyak A.* FRG: waves of historical memory // An inviolable reserve. 2005. № 2–3 (40–41).
  23. *Bragina N.G.* Memory in language and culture. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. – P. 520.
  24. *Brubaker R.* Ethnicity without groups. Moscow: HSE Publishing House, 2012. 408 p.
  25. *Brooking E.* Intellectual capital: the key to success in the new millennium. St. Petersburg: Peter, 2001. – P. 288.
  26. *Burlakov A.I., Pokhilyuk A.V.* On some features of modern conditions for the formation of patriotic consciousness of youth // Modern patriotism: the struggle of ideas and problems of formation. Saint Petersburg. 2002.
  27. *Buyukli D.A.* Preservation of historical memory of the contribution of the Russian Orthodox Church to victory in the Great Patriotic War // Bulletin of TSU. 2019. No. 180. pp. 179–185.
  28. A number of streets were renamed in Dushanbe. Access to: <https://tj.sputniknews.ru/main/20180316/1025022137/dushanbe-pereimenovan-ryad-ulic.html>
  29. In Kazakhstan, the former head of the KNB Masimov and his deputy were arrested // RIA Novosti. 01/27/2022. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769721818.html> (accessed: 03/19/2022).
  30. In Kyrgyzstan, they started talking about withdrawing from the CSTO and deploying NATO bases // News-Asia [website]. May 11, 2021. URL: <http://www.news-asia.ru/view/14766> (accessed: 03/19/2022).
  31. *Vartanova M.L.* National priorities and prospects for the development of Eurasian economic integration // Economics and law: monograph / ch. ed. E.V. Fomin. Cheboksary: Publishing House “Sreda”, 2021. pp. 33–74.

-
32. *Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Chernikova A.A.* Integration processes of the countries of the Eurasian Economic Union // Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020: [Collective monograph] / Osipov G.V. and etc.; ed. G.V. Osipova, S.V. Ryazantseva, V.K. Levashova, T.K. Rostov; resp. ed. VC. Levashov. M.: ITD “PERSPEKTIVA”, 2020. pp. 147–180.
  33. *Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Osadchaya G.I., Seleznev G.I., Chernikova A.A.* The historical memory of youth about the Victory in the Great Patriotic War // In the book: Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020. Moscow. pp. 147–180; 384–407.
  34. *Verbitskaya N.O., Orinina L.V.* Analysis of the concept of “economic patriotism” in modern Russia: a system-phenomenological approach // Fundamental research. 2014. No. 11–10. pp. 2248–2252.
  35. *Verevkina O.A., Kolpovskaya M.A.* Features of the historical memory of youth about the events of the Great Patriotic War // Young scientist. 2015. No. 19.1. pp. 87–90.
  36. *Vereshchagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I.* On the problem of defining social memory: the concept, main characteristics, functions and role in the formation of patriotism // Historical and socio-educational thought. Volume 9. No. 1/2. 2017. pp. 9–19.
  37. *Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., Tsukarev T., Sarsembekov T.* Investments in the water and energy complex of Central Asia // Reports and working papers 21/3. Almaty – Moscow: EDB, 2021. [URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf].
  38. The contribution of historians to the preservation of the historical memory of the Great Patriotic War (based on the materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the

-
- Academy of Sciences of the USSR, 1941–1945) / Ed. ed. S.V. Zhuravlev / Institute of Russian History RAS. M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. – 383 p.
39. *Volkova O.A.* Self-regulation of the activities of socially oriented non-profit organizations in the context of their state regulation: the ambivalence of the development of civil society // Labor and social relations. 2020. V. 31. No. 2. pp. 195–196.
  40. *Gaidai A.Yu., Lyubarets A.V.* “Leninopad”: getting rid of the past as a way to design the future (on the materials of Dnepropetrovsk, Zaporozhye and Kharkov) // Vestn. Perm. university Ser. Story. 2016. No. 2 (33).
  41. *Galiev A.A.* Reflection of Soviet history in the politics of memory of modern Kazakhstan // World of Greater Altai. 2016. No. 2 (3.1). pp. 430–440.
  42. *Gene B.* History and historical culture of the medieval West. M.: Languages of Slavic culture, 2002. – 494 p.
  43. *Herder I.-G.* Ideas for the philosophy of human history. M.: Nauka, 1977. pp. 421.
  44. *Golovakha E.V., Kronik A.A.* Psychological time of personality. M.: Meaning, 2008. – 272 p.
  45. *Golovashina O.V.* Temporal approach to the study of social memory // Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences. 2015. No. 2 (2). pp. 26–35.
  46. *State Migration Service* under the Government of the Kyrgyz Republic URL: <http://ssm.gov.kg/useful-information/statistics/> (date of access: 13.02.2021)
  47. *Gudimenko D.V.* Nationalism in the Modern World: Typology and Forms of Manifestation // Issues of National and Federal Relations. 2021, No. 10 (79), Volume 11. P. 2710. DOI: 10.35775/PSI.2021.79.10.003
  48. *Gudkov L.* Victory in the war: towards the sociology of one national symbol // Monitoring. 1997. No. 5. pp. 12–19.

-
49. December 2019-February 2020, a team of employees of IDI FNISTC RAS and ISPI FNISTC RAS, head of research D.sociol. N. G.I. Osadchaya.
  50. *Dementiev I.O.* “A Divided History”: the study of historical politics in the lands of the former East Prussia in the light of modern discussions // *Balt. reg.* 2015. No. 4. pp. 105–120.
  51. *Denisov Yu.P.* Social networks of the Russian-speaking Internet as a source of formation of the image of the Great Patriotic War in the social memory of Russians // *Modern problems of science and education.* 2013. No. 5. pp. 507–506.
  52. Day of memory and sorrow. Access to: URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10338>
  53. *Dmitrieva O.O.* Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts in domestic science // *Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2015. No. 6 (361). Story. Issue. 63, pp. 132–137.
  54. *Dorohina R.V., Marina M.V.* Museum as a tool of education and an institution of social memory (social and ethical aspect) // *Philosophy and Society.* 2020. No. 4 (97). pp. 88–98.
  55. *Dyuzhikov S.A., Kумыkov A.M.* Social memory and social forgetfulness in the socio-cultural practices of the reception of the past: a problematic field of socio-philosophical research // *Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2013. No. 1. pp. 13-16.
  56. *Evseev V.O.* Methodology for the use of expert systems for the analysis of regional conflicts // *CITISE.* 2021. No. 3. pp. 67–68.
  57. *Evseev V.O., Seleznev I.A.* Conflict management and methods of studying regional conflicts // *CITISE.* 2021. No. 3. pp. 79–95.
  58. *Egorov V.K., Boikov V.E., Pikhoya R.G., Yablokova E.A., Romanov V.L., Merkushev V.I., Toshchenko Zh.T., Kudrina T.A., Kapustin V.S., Turchinov A.I., Afanasyeva A.I.* Historical memory: continuity and transformation (“round table”) // *Sotsis (Sociological research).* 2002. No. 8. pp. 76–85.

-
59. *Emelyanova T.P., Belykh T.V., Shabanova V.N.* Images of the past, present and future among representatives of the baby boomer generation // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences. 2018. No. 3. pp. 75–85.
  60. *Emelyanova T.P., Misharina A.V.* Commemoration of the Victory in the Great Patriotic War in the perception of various social groups // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. No. 4. pp. 220–229.
  61. *Zhanbosinova A.S.* Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the present stage // World of Greater Altai. 2015. No. 1 (2). pp. 122–130.
  62. *Zhapuev Z.A.* Reinstitutionalization of social memory as a factor of consolidation and restoration of social immunity of the Russian society in the conditions of modernization // Humanist of the South of Russia. 2013. No. 1. pp 139–149.
  63. *Zharkynbaeva R.S.* The Great Patriotic War: Sociocultural Memory and Commemorative Practices in Post-Soviet Kazakhstan (Gender Aspect) // Woman in Russian Society. 2017. No. 1 (82). pp. 103–116.
  64. *Zhivoi A.S.* Social amnesia as a component of social memory // Humanist of the South of Russia. 2017. Volume 6. No. 4. pp. 198–205.
  65. *Zhukovsky I.* New conflict on the border: what Tajikistan and Kyrgyzstan are dividing // Gazeta.ru. 01/27/2022 URL: <https://www.gazeta.ru/army/2022/01/27/14467249.shtml> (accessed: 04.12.2022).
  66. *Zhuravlev V.E.* On some tendencies of the Eurasian economic integration // Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2019. V. 10. No. 3 (24). pp. 99.
  67. *Zerubavel Ya.* Dynamics of collective memory // Empire and nation in the mirror of historical memory. M.: New publishing house, 2011. pp. 10–25.
  68. *Historical memory* of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International. scientific-practical. Conf.,

-
- Minsk, September 26-27, 2019 / editorial team: Korshunov G.P. (editor-in-chief) [and others]; National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: SUGART LLC, 2019. 360 p.
69. *Kazakova A., Kalinichenko O.* Social amnesia as a factor in the loss of cultural heritage // *Self-management*. 2016. No. 7–8 (101). pp. 34–39.
  70. How Youth Changes the World URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000193773_eng (accessed: 03/02/2021).
  71. *Kalugina T.A.* Social memory as a determinant of the development of Russian society // *Historical memory in theory and socio-cultural practice: the facets of transformations and the potential for understanding*. Materials of the IX International scientific conference / Under the general editorship A.V. Baranova and E.N. Mnogoletney. Saratov, 2021, pp. 501–503.
  72. *Kant I.* Anthropology from a pragmatic point of view // *I. Kant. Works*. In 8 vols. T. 7. M., 1994. P. 324.
  73. *Karazhanov Z.* Water is the head of everything. Especially in Central Asia. // *Rhythm of Eurasia*: [website]. May 30, 2021. [URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-05-30--voda-vsemu-golova.-temboleev-centralnoj-azii-54865>] (accessed: 19.03.2022).
  74. *Karasik E.A., Suleimanov T.D., Sayfutdinova L.F.* Russian youth as a socio-economic phenomenon // *Questions of Economics and Law*. 2014. No. 12. P. 71.
  75. *Kondratiev V.* The expert predicted the influx of Chinese instructors to the countries of Central Asia // *Lenta.Ru*. July 30. 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (accessed: 19.03.2022).
  76. The conflict on the Kyrgyz-Uzbek border on May 31 // *Sputnik Kyrgyzstan*. 2021. URL: <https://ru.sputnik.kg/trend/konflikt-na-kyrgyzsko-uzbekskoj-granice-31-maya/> (accessed: 19.03.2022).
  77. *Koposov N.E.* Strict mode memory. History and politics in Russia. M.: New Literary Review, 2011. – 320 p.

-
78. *Korotetskaya L.V.* Social memory: a sociological analysis of the discourse of the past in German self-consciousness. Dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow, 2018. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/04/korotetskaya-diss.pdf> (accessed: 03.10.2020).
  79. *Korshunov G.P.* The problem of historical memory at the digital break of epochs // Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the Intern. scientific-practical. Conf. Minsk, 26-27.09.2019 / editorial board: Korshunov G.P. (editor-in-chief) [and others]; Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: SUGART, 2019. P. 5.
  80. *Kramnik V.V.* Human Nature and Economic Efficiency (Problem Statement) // Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 1998. No. 2.
  81. *Krinko Evgeny Fedorovich, Khlynina Tatyana Pavlovna.* Ukraine without Lenin: old monuments and new ideology // Russian regions: a look into the future. 2015. No. 1 (2).
  82. *Kumanev G.A.* A feat and a forgery. Pages of the Great Patriotic War 1941-1945. / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M.: Russian Word, 2007. – 344 p.
  83. *Kumykov A.M., Zhapuev Z.A.* Semantic interrelations of the actualization of the historical past and the spread of social amnesia in Russian society. Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2013. V. 13. No. 3. pp. 32–34.
  84. *Kumykov A.M.* Social amnesia in the perspective of social philosophy // Humanist of the South of Russia. 2013. No. 1. pp. 57–63.
  85. *Kumykov A.M., Marshak A.L., Zhivoi A.S.* Social amnesia and social entropy in the subject field of socio-philosophical reflection // Social and humanitarian knowledge. 2017. No. 7. pp. 71–77.
  86. *Laksytygal I.* Relatives of Nursultan Nazarbayev are losing their positions in business and in power // Vedomosti. 01/27/2022. URL:

-
- <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/01/17/905097-rodnya-nursultana-nazarbaeva> (accessed: 19.03.2022).
87. Latvia banned the holiday on May 9, declaring the Day of Remembrance of those killed in Ukraine // RBC. 04/07/2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2022/624f3d9c9a7947f197af60bb> (accessed: 04.12.2022).
  88. *Levada Yu.* Time of change: the subject and position of the researcher. Publishing house “New Literary Review”. 2016. 872 p. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/L/levada-yurij-aleksandrovich/vremya-peremen-predmet-i-poziciya-issledovatelya-sbornik> (date of access: 03/10/2022).
  89. *Levashov V.K., Shushpanova I.S., Afanasiev V.A., Novozhenina O.P.* Russian civil society and the state in the processes of Eurasian integration // Nauka. Culture. Society. 2019. No. 3–4. pp. 72.
  90. *Lipai T.P., Volkova O.A., Zhilenkova O.A.* Mass media in the formation of values and stigma among high school students // Sociology of Education. 2015. No. 10. pp. 71–75.
  91. *Lisitsyn A.* “We were ruled by drivers and bodyguards.” Constitution is being changed in Kyrgyzstan // RIA Novosti. November 22, 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html> (accessed: 03/19/2022).
  92. *Loiko O.T.* The problem of understanding the content of social memory // Philosophical education. 2003. No. 9. pp. 3–11.
  93. *Lowenthal, David.* The Past is a Foreign Country Cambridge University Press, 1985. Russian edition, Russian translation, layout. Publishing house “Vladimir Dal”, 2004. – 625 p.
  94. People die because of thirst: what Kyrgyzstan and Tajikistan did not share // RuNews24. 04–05.2021. URL: <https://runews24-ru.turbopages.org/runews24.ru/s/politics/04/05/2021/b99d2bs024c3f45c7ce5eb15283e6e81> (accessed: 19.03.2022).
  95. *Mazur L.N.* The image of the past: the formation of historical memory // Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2, Humanities. 2013. No. 3 (117). pp. 243–256.

-
96. *Makarova L.V.* The Great Patriotic War: what remains in personal memory? // *Sotsis (Sociological research)*. 2015. No. 11. pp. 107–114.
  97. *Malinova O.Yu.* The problem of a politically “fit” past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia // *Political Conceptology*. Rostov n/D, 2013. No. 1. pp. 114–130.
  98. *Malysheva D.B.* Security Challenges in Central Asia // *Russia and the Muslim World*. 2014. No. 1. pp. 77.
  99. *Matasov M.S.* The Significance of Social Memory Constructing Agents in Forming a Positive Image of a Startup as a New Socio-Economic Phenomenon // *Historical Memory in Theory and Socio-Cultural Practice: Facets of Transformation and the Potential for Understanding*. Materials of the IX International scientific conference / Under the general editorship of A.V. Baranova and E.N. Perennial. Saratov: SGU, 2021. pp. 555–558.
  100. *Megill A.* *Historical epistemology*. M.: Kanon-Plus, 2007. – 480 p.
  101. Methodological issues of studying the politics of memory: Sat. scientific tr. / Rev. ed. Miller A.I., Efremenko D.V. M.-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. – 224 p.
  102. *Miklina L.I.* Social memory of modern Russian youth // *Power*, 2015. Vol. 23. No. 1. pp. 136-140
  103. *Miklina L.I.* Social memory as a factor in the formation of value orientations of modern Russian youth // *Humanitarian Bulletin*. 2013. No. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/socio/hidden/65.html> (accessed: 03.10.2020).
  104. *Miller A.I.* Historical Politics in Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century // *Historical Politics in the 21st Century* / ed. A. Miller, M. Lipman. M.: New Literary Review, 2012. pp. 7–32.
  105. *Miller A.I.* Historical politics and its features in Poland, Ukraine and Russia // *Otechestvennye zapiski*. 2008. 5 (44). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735> (accessed: 04.07.2021).

-
106. *Migliorati L, Mori L.* The shadow of the classical heritage and its overcoming. The memory of the resistance movement and the conflict nature of commemorative events. // *SOCIS.* 2014. No. 1. Pp. 108–115.
  107. Rally as a source of income in Kyrgyzstan. URL: <https://www.dw.com/ru/rally-as-a-source-of-income-in-kyrgyzstan/a-14845634> (accessed: 13.02.2021).
  108. *Mokrousova E.A.* The phenomenon of social memory: the legitimation of social institutions // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice.* 2016. No. 12-3 (74). pp. 110–113.
  109. Moldova “made an application” for denazification // *IA News-Front.* 04/17/2022. URL: <https://news-front.info/2022/04/17/moldavija-sdelala-zajavku-na-denacifikaciju/>
  110. Youth lit ... the White House. How Kyrgyzstan lives in anarchy. URL: <https://ria.ru/20201008/kirgiziya-anarkhiya-1578681083.html>
  111. *Moskalenko M.R., Leonenko E.G., Yudin I.V.* Translation of historical and cultural memory as a factor of social security: issues of study with students // *Regional aspects of economic security. Collection of materials of the All-Russian youth scientific-practical conference with international participation.* Ufa, 2021. pp. 61–63.
  112. *Mokhov S.V.* City monument as a nation-building tool: symbolic space and historical memory // *Business. Society. Power.* 2011. № 7. pp. 17–29.
  113. *Myslivets N.L., Romanov O.A.* Historical memory as a socio-cultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction // *Vestnik RUDN University. Series: SOCIOLOGY.* 2018. Vol. 18. No. 1. pp. 9–19.
  114. There was a shootout on the border of Kyrgyzstan and Tajikistan // *RIA Novosti.* July 24, 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (accessed: 19.05.2022).

-
115. *Naryshkin: The US wants to send troops from Afghanistan to neighboring countries // RIA Novosti. May 19, 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (accessed: 03/19/2022).*
  116. *Naumov D.I. Conceptualization of social memory in social and humanitarian knowledge: theoretical and methodological aspect // Podolsky Scientific Bulletin. 2019. No. 3 (11). pp. 89–96.*
  117. *Our past: nostalgic memories or a threat to the future? // Materials of the VIII sociological readings in memory of Valery Borisovich Golofast. St. Petersburg, SI RAS, December 9–11, 2014 / Editor and compiler O. B. Bozhkov. St. Petersburg: Eidos, 2015. – 368 p.*
  118. *Nikzhentaitis A. Models of memory and cultural memories: Poland, Lithuania, Russia, Germany // Slovo.ru: Baltic accent. 2012. No. 3. pp. 17–32.*
  119. *Nora P. Problems of places of memory // France – memory / Nora P., Ozuf M., de Puimezh J., Vinok M. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 1999. pp. 17–50.*
  120. *Nora P., Ozouf M., Puymez J. de, Vinok M. France – memory / Per. from French Dina Khapaeva. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 1999.*
  121. *About approval of the State list of monuments of history and culture of republican value. Order of the Minister of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan dated April 14, 2020 No. 88. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on April 15, 2020 No. 20397. Access to: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020397>*
  122. *Appeal of the Heads of State - Members of the CIS to the peoples of the Commonwealth countries and the world community in connection with the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945. URL: <http://www.cis.minsk.by/news/12416/obrasenie-glav-gosudarstv--ucastnikov-sng-k-narodam-stran-sodruzestva-i-mirovoj->*

-
- obsestvennosti-v-svazi-s- 75-letiem-pobedy-sovetskogo-naroda-v-velikoj-otecestvennoj-vojne-1941-1945-godov
123. J. Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated in Germany // *Sociological Review*. 2012. No. 1. pp. 40–74.
  124. *Olik J.* Figurations of Memory: Processor-Relational Methodology Illustrated in Germany // *Sociological Review*. 2012. No. 1. pp. 40–74.
  125. *Omarov S.A., Omarova G.E., Yakhiyaev I.A.* Heroism of Kazakhstanis on the fronts of the Great Patriotic War // *Siberian Trade and Economic Journal*. 2015. No. 1. pp. 10–14.
  126. *Osadchaya G.I., Kireev E.Yu.* Social memory of the youth of the states-participants of the Eurasian integration: a theoretical model of sociological analysis // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2020. No. 3 (59). pp. 70–79.
  127. *Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Kireev E.Yu., Chernikova A.A.* The Great Patriotic War in the historical memory of the youth of the countries participating in the Eurasian integration // *Social and humanitarian knowledge*. 2020. No. 3. pp.7–25.
  128. *Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Kireev E.Yu., Chernikova A.A., Vartanova M.L.* Great Victory, historical time and social memory of young generations of countries participating in the Eurasian integration // *Great Victory of the Soviet people: socio-political and demographic aspects: [monograph] / S.V. Ryazantsev, V.N. Ivanov [i dr.]; Rep. ed. S.V. Ryazantsev, V.N. Ivanov; ISPI FNISC RAS. M.: Publishing House “Econ-Inform”, 2020. pp. 105–123.*
  129. *Osadchaya, G.I., Vartanova, M.L., Kireev, E.Yu., Chernikova, A.A.* Social memory as the most important institution of civil and patriotic education of youth in the context of the integration of society and economic processes // *Natural Humanitarian Research*. 2021. No. 34 (2). pp. 178–184.

-
130. *Osadchaya, G.I., Kireev, E.Yu., Vartanova, M.L., Chernikova, A.A.* Formation of the social memory of the youth of the states-participants of the Eurasian integration // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. V. 21. No. 3. pp. 482–496.
  131. *Otyutsky G.P.* Social Time // Sociological Encyclopedia. In 2 vols. T. 1. M.: Thought, 2003. pp. 179.
  132. Monument to Dzerzhinsky and Prince Vladimir. Access to: <https://www.levada.ru/2015/07/24/pamyatnik-dzerzhinskomu-i-knyazyu-vladimiru/>
  133. Monuments to Lenin have gained nationwide support. Access to: <https://www.levada.ru/2017/04/19/pamyatniki-leninu-obreli-vsenednatsionnoye-podderzheniye/>
  134. Memory and counter-memory of the future: lecture notes by Marianne Hirsch [URL: <http://publihistorylab.ru/archives/424>] (accessed: 03.04.2020).
  135. *Papenina Yu.A.* Theoretical foundations of the concept of “social memory” // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 12. 2010. No. 1. pp. 395–400.
  136. The Parliament of Kazakhstan deprived Nazarbayev of lifelong chairmanship in the Security Council // RIA Novosti. 01/27/2022. URL: <https://ria.ru/20220127/kazakhstan-1769717971.html> (accessed: 19.03.2022).
  137. *Plekhanov A.A.* The destruction of the space of Soviet symbolic domination in post-Soviet Ukraine // Polit. the science. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrusheniye-prostranstva-sovetskogo-simvolicheskogo-gospodstva-v-postsovetskoy-ukraine> (accessed: 16.08.2020).
  138. *Plotnikov D.* Beijing noose. China is investing a lot of money in Tajikistan. How will the republic repay debts? // Lenta.ru. June 01, 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (accessed: 19.03.2022).
  139. *Povarnitsyna N.A.* The role of social memory in the formation of the cultural identity of modern youth. URL: <http://naukarus.com/>

-
- rol-sotsialnoy-pamyati-v-formirovani-kulturnoy-identichnosti-sovremennoy-molodyozhi (accessed: 03.10.2020).
140. *Popova V.* CSTO: do not rush to bury us // Rhythm of Eurasia. June 09, 2021. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-06-09--odkb-ne-speshite-nas-horonit-55026> (accessed: 19.03.2022).
  141. Why is the convicted Sadyr Japarov promoted to the prime minister and how he became so popular among some protesters // Kloop.Kg: News of Kyrgyzstan. October 07, 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvygayut-v-premer-ministry-i-kakon-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih/> (accessed: 19.03.2022).
  142. *Pritchins S.A.* Russian policy in Central Asia in the XXI century // Problems of the National Strategy. 2020. No. 6 (63). pp. 76–92.
  143. *Prokazina N.V.* Sociological approach to the study of historical memory of the Great Patriotic War // Kazanskaya Nauka. 2014. No. 7. pp. 201–204.
  144. Prevention of terrorism and extremism among the youth / Under the total. ed. A.P. Novikova / ATC of the CIS, International Foundation “Russian Peace Fund”. M.: Publishing house “Rus”, 2018. P. 24.
  145. The processes of Eurasian integration: socio-political dimension / Ed. ed. G.I. Osadchey. M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. pp. 141, 143, 145–146, 152, 160–161.
  146. Putin thanked the CSTO countries for supporting the resolution against Nazism. URL: <https://ria.ru/20191128/1561700601.html> (date of accessed: 27.01.2021).
  147. *Rekk D.A., Egorov V.G.* Socio-political evolution of the clans of Central Asia // Social and humanitarian knowledge. 2020. Volume 6. No. 3. pp. 250–259.
  148. *Repina L.P.* Concepts of social and cultural memory in modern historiography // The Phenomenon of the Past / Ed. Them.

-
- Savelieva, A.V. Poletaev. Moscow: HSE Publishing House, 2005. P. 133.
149. *Repina L.P.* Events and images of the past in historical and cultural memory // NEW PAST / THE NEW PAST. 2016. No. 1. pp. 82–99.
  150. *Repina L.P.* The phenomenon of memory in modern humanitarian knowledge // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Volume 153, book. 3. Humanities. 2011. pp 191–201.
  151. *Rozhdestvenskaya Elena, Semenova Victoria.* Social memory as an object of sociological study // INTER. 2011. No. 6. Pp. 27–48.
  152. Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 / Osipov G.V., Levashov V.K., Ryazantsev S.V., Rostovskaya, T.K., Toshchenko Zh.T. [and others] / Rep. ed. V.K. Levashov, editor: G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostov. M.: “Perspective”, 2020. pp. 177–178.
  153. *Rostovtsev E.A., Sosnitsky D.A.* Directions of research of historical memory in Russia // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History*. 2014. No. 2. pp. 106–126.
  154. *Sabancheev R.Yu.* The concept of “Places of Memory” by Pierre Nora as a way of historical reconstruction // *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*. 2018. No. 1. pp. 33–38.
  155. *Samsonova T.N.* Problems of formation of civil political culture and education of patriotism in modern Russia // *Russia-2001. New trends in political, economic and social development*. M., 2002.
  156. *Seleznev I.A.* Eurasian integration and interstate conflict potential of the countries of the Central Asian region // *Nauka. Culture. Society*. 2022. Volume 28. No. 1. P. 12. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.1
  157. *Seleznev I.A.* A quarter of a century on guard of collective security (on the occasion of the 25th anniversary of the Collective Security

-
- Treaty and the 15th anniversary of the CSTO) // Counteraction to Terrorism. Problems of the XXI century – Counter-Terrorism, 2018. pp. 16–23.
158. *Seleznev I.A.* On the first results of Eurasian integration. achievements and risks of the Eurasian Economic Union // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 6. pp. 167–173.
  159. *Seleznev I.A.* The role of the CSTO and the SCO in ensuring the security of the countries of Central Asia // Social and humanitarian knowledge. 2017. No. 4. P. 146.
  160. *Sidortsov V.N., Kandyba I.A., Ravchenko M.M.* Belarus in the 20th century: non-traditional presentation of history / Ed. V.N. Sidortsov. M.: MAKS Press, 2010. pp. 264–272.
  161. The Japanese Security Service removed the Azov nationalist battalion from the list of terrorists // *Izvestia*, 04/09/2022. URL: <https://iz.ru/1318144/2022-04-09/sluzhba-bezopasnosti-iaponii-ubrala-natsionalisticheskii-batalon-azov-iz-spiska-terroristov>
  162. Ridiculous genocide. What amused the German Chancellor // *RIA Novosti*. 02/20/2022. URL: <https://ria.ru/20220220/sholts-1773859130.html>
  163. *Smirnov V.A.* The role of political elites in the formation of historical politics in the Baltic countries // *Baltiyskiy region*. 2015. No. 2 (24). pp. 78–97.
  164. *Sorokin P.A., Merton R.K.* Social time: experience of methodological and functional analysis // *Sotsis (Sociological research)*. 2004. No. 6. P. 112.
  165. *Sociological encyclopedia*. T. 1. M.: “Thought”, 2003. P. 179.
  166. *Starikov A.G., Bakushev V.V., Perova M.V., Goryainov S.V.* Who is the hero among the youth? // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020. No. 1. pp. 43–46.
  167. Students from Tajikistan in Kyrgyzstan reported threats and harassment // *Sputnik Tajikistan*: [website]. July 17, 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan->

-
- studenty-konflikt-granica-1040955417.html (accessed: 19.03.2022).
168. *Suvorov N.N.* Monument of culture as an imaginary reality // *Vestnik SPbGIK*. 2017. No. 4 (33).
169. *Tavokin E.P., Tabatadze I.A.* On the issue of historical memory of the Great Patriotic War // *Socis (Sociological Studies)*. 2010. No. 5. Pp. 62–66.
170. *Toktomushev K.* Understanding cross-border conflict in post-Soviet Central Asia: the case of Kyrgyzstan and Tajikistan // *Connections. Quarterly Journal*. 2018. Vol. 17. No. 1. pp. 34–39.
171. *Toshchenko Zh.T.* Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state // *Modern and Contemporary History*. 2000. No. 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (accessed: 03.10.2020).
172. *Trofimenkov M.S.* Hollywood Red Noir. Part 2: Hollywood War. St. Petersburg: Session, 2019. pp. 112–113.
173. *Uvarov A.* Kyrgyzstan - Uzbekistan - Tajikistan: what to do with these borders? // Electronic publication “Strategic Culture Fund”. April 18, 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/18/kirgizia-uzbekistan-tadzhikistan-chto-delat-s-etimi-granicami-53396.html> (accessed: 19.03.2022).
174. *Filippov A.F.* The construction of the past in the process of communication: the theoretical logic of the sociological approach. Preprint WP6/ 2004/ 05. M.: State University Higher School of Economics, 2004. – 56 p.
175. *Fokin A.A.* Relics and simulacra of the Soviet in the modern Russian media space // *Labyrinth Journal of Social and Humanitarian Research*. 2016. No. 1–2. pp. 65–73.
176. Fund for Presidential Grants. Access mode: <https://presidentialgrants.rf>.
177. Forum of Youth Leaders of Russia and Kyrgyzstan. URL: <https://myrosmol.ru/measures/view/30244> (accessed: 13.02.2021).

-
178. *Foucault M.* Nietzsche, genealogy and history // Philosophy of the postmodern era: Collection of translations and abstracts. Minsk: Krasiko-print, 1996. pp. 74–97.
  179. *Halbvaks M.* Collective and historical memory / M. Halbvaks // Emergency reserve. 2005. No. 2–3 (40–41). pp. 8–27.
  180. *Halbvaks M.* The social framework of memory. Per. from fr. and intro. article by S.N. Zenkin. M.: New publishing house, 2007. 348 p.
  181. *Hobsbawm E.* The invention of traditions // Bulletin of Eurasia. 2000. No. 1. pp. 47–62.
  182. *Tsyplin V.G.* Features of strengthening the military-technical potential of the CSTO member states in 2019 // Military history of Russia: problems, searches, solutions. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: at 3 h. Volgograd, 2020. pp. 40–48.
  183. *Chernikov P.Yu.* The problem of studying historical and social memory // Bulletin of the REU. G.V. Plekhanov. 2016. No. 5 (89) pp. 189–194.
  184. Population of Kyrgyzstan URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/chislennost-naseleniya-kyrgyzstana-na-1-yanvaryaya-2020-goda-uvlichilas-na-21-i-sostavila-6-mln-4565-tys-chelovek#> (accessed: 13.02.2021).
  185. *Shestakova E.G.* Media text and the problem of social oblivion // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2013. V. 12. No. 10. pp. 30–38/
  186. *Yampolsky M.B.* Park of Culture: culture and violence in Moscow today. Moscow: New Publishing House, 2018. – 198 p.
  187. 10 most important events in Central Asia in 2019 // ASIA-Plus. February 28, 2019. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnih-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu> (accessed: 19.03.2022).
  188. *Art D.* Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. pp. 231.

-
189. *Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992. P. 344.
  190. *Boyd C.P.* The Politics of History and Memory in Democratic Spain // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2008. N 617. pp. 133–148.
  191. *Bloch M.* Mémoire collective, traditions et coutumes // *Revue de synthèse historique.* 1925. pp. 73–83.
  192. *Boym S.* The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001. P. 43.
  193. *Foucault M.* Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / Trans. and ed. by Donald F. Bouchard. Ithaca, 1977. P. 160.
  194. *Halbwachs M.* The Collective Memory. New York: Harper & Row, 1980.
  195. *Harald Wielzer.* Das soziale Gedächtnis. Hamburger Edition, Hamburg, 2001. P. 300.
  196. *Heinrich H.-A.* Kollektive Erinnerungen der Deutschen. Theoretische Konzepte und empirische Befunde zum Sozialen Gedächtnis. München: Juventa Verlag Weinheim und München, 2002. pp. 288–300.
  197. *Heisler M.O.* The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2008. Vol. 617. N. 1. pp. 14–24.
  198. *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. P. 320.
  199. *Hoffman, Eva.* 2004 After Such Knowledge: Memory, History, and the Legacy of the Holocaust. New York: Public Affairs. P. 320.
  200. How Statues Are Falling Around The World. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/24/us/confederate-statues-photos.html>

-
201. *Kangaspuro M.* The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed. by E. Kahla. Jyvaskyla: Bookwell, 2011. pp. 292–394.
  202. *Koselleck R.* Gebrochene Erinnerungen? Deutsche und polnische Vergangenheiten // Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung. 2000. pp. 19–32.
  203. *Kwiatkowski Piotr Tadeusz.* Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji. Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR. Warszawa 2008. URL: <http://www.publio.pl/pamiec-zbiorowa-spoleczenstwa-polskiego-w-okresie-transformacji-piotr-tadeusz-kwiatkowski,p48786.html> (accessed: 10.03.2020).
  204. *Langenbacher E.* Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past. Collective Memory and International Relations / Ed. by E. Langenbacher, Y. Shain. Washington: George Town University Press, 2010. pp. 13–49.
  205. *LéviStrauss C.* The Savage Mind. Chicago, 1966. P. 325.
  206. Marianne Hirsch The Generation of Postmemory Columbia University Poetics Today 29:1, Spring 2008. pp. 103–128.
  207. *Mälksoo M.* The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15. N 4. pp. 653–680.
  208. *Matveeva Anna.* Divided We Fall... or Rise? Tajikistan-Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. № 1. pp. 1–20.
  209. *Mink G.* Between Reconciliation and the Reactivation of Past Conflicts in Europe: Rethinking Social Memory Paradigms // Czech Sociological Review. 2008. Vol. 44, N 3. pp. 469–490.
  210. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. pp. 7–24.
  211. *Norra P.* La Republique. // Les lieux de memoire. 1984. Vol. 1. Paris, Année, 1985. 35-4. pp. 727–733.

-
212. *Osadchaya G.I., Seleznev I.A., Kireev E.Yu., Vartanova M.L., Chernikova A.A.* Postmemory of The Youth Of The Countries Participating In The Eurasian Integration: Current State And The Mechanisms Of Formation // *Revista Inclusiones Volumen 7 / Número Especial / Julio – Septiembre. 2020. pp. 368–379.*
  213. *Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Kiseleva E.E., Seleznev I.A.* Assessment of the Financial and Economic Security Level of the EAEU Member States in the Context of Growing Macroeconomic Uncertainty // *Universal Journal of Accounting and Finance. 2022. Vol. 10. №1. pp. 17–24. DOI: 10.13189/ujaf.2022.100103*
  214. *Reeves, Madeleine.* *Border Work: Spatial Lives of The State in Rural Cental Asia.* Ihaca, NY: Cornell University Press, 2014.
  215. *Rothberg M.* *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization.* Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009. pp. 1–29.
  216. *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // *Social Forces. 1982. № 61. pp. 374–402.*
  217. *Susan Sontag.* *Regarding the Pain of Others* New York: Picador/Farrar, Straus and Giroux, 2003. P. 131.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Предисловие. Глава 1. Социальная память молодежи государств-участников Евразийского экономического союза: теоретическая модель социологического анализа. Глава 2. Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции. Глава 7. Формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне у молодёжи стран евразийской интеграции. Послесловие).

Кочербаева Айнура Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия», профессор кафедры менеджмента Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Глава 1. Социальная память молодежи государств-участников Евразийского экономического союза: теоретическая модель социологического анализа. Глава 2. Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции).

Варганова Марина Львовна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-иссле-

---

довательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 4. Социальная память как важнейший институт гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях межгосударственной интеграции. Список литературы. Сведения об авторах).

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 5. Социальная память в репрезентациях некоммерческих организаций).

Киреев Егор Юрьевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 3. Мемориальное наследие и социальная память молодежи стран-участниц ЕАЭС).

Киселева Евгения Евгеньевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 8. Политика памяти государств-членов ЕАЭС: оценка экспертов).

Рославцева Мария Васильевна – младший научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 9. Концепции социальной памяти в работах зарубежных и отечественных социологов).

Селезнев Игорь Александрович – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 6. Россия – перспективы и препятствия евразийской интеграции в Центральной Азии. Глава 7. Формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне у молодёжи стран евразийской интеграции).

Черникова Анна Андреевна – младший научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия (Глава 2. Формирование социальной памяти молодёжи государств-участников евразийской интеграции).

Научное издание

Под общей редакцией

Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.Л. Вартановой

Коллектив авторов:

Г.И. Осадчая, А.А. Кочербаева, М.Л. Вартанова,

О.А. Волкова, Е.Ю. Киреев, Е.Е. Киселева,

М.В. Рославцева, И.А. Селезнев, А.А. Черникова

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ
ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Монография

Редактор *Е.М. Кузичева*

Компьютерная верстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 10.05.2023.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 17,25 п. л. Тираж 500 экз. Заказ 61.

Издательство КРСУ

720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44.

Отпечатано в типографии BelPrint

г. Бишкек, пер. Урючный, 13.

Scientific publication

Under the general editorship of
G.I. Osadchaya, A.A. Kocherbaeva, M.L. Vartanova

Authors:

*Osadchaya Galina Ivanovna,
Kocherbaeva Ainura Anatolievna, Vartanova Marina Lvovna,
Volkova Olga Alexandrovna, Kireev Egor Yurievich,
Kiseleva Evgenia Evgenievna, Roslavitseva Maria Vasilievna,
Seleznev Igor Alexandrovich, Chernikova Anna Andreevna*

SOCIAL MEMORY OF THE YOUTH
PARTICIPANT STATES
OF THE EURASIAN INTEGRATION

Monograph

Editor *E.M. Kuzicheva*
Computer layout *A.Sh. Melnikova*

Signed for publication on 10.05.2023.

Format 60×84 $\frac{1}{16}$, Office printing.

Volume 17,25 p. l.

Circulation 500 copies. Order 61.

Publishing house KRSU
720000, Bishkek, 44, Kiev st.

Printed in the printing house BelPrint
13, Uryuchny st., Bishkek